

Валаамский старец схиигумен Иоанн

ПИСЬМА
О ДУХОВНОЙ
ЖИЗНИ

схиигумен Иоанн (Алексеев)
Виталий Г. Дегтерёв
Письма о духовной жизни

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54323958

Письма о духовной жизни: Сретенский монастырь; Москва; 2019

ISBN 978-5-7533-1509-0

Аннотация

Схиигумен Иоанн (Алексеев; 1873–1958), известный подвижник веры и благочестия, провел почти всю свою жизнь в монастыре. С 1921 г. настоятель Трифоно-Печенгского монастыря, от руководства которым был освобожден по собственному прошению в 1931 г. и вернулся на Валаам. В 1932–1937 гг. – настоятель Иоанно-Предтеченского скита, в котором весной 1933 г. принял великую схиму. Последние двадцать лет жизни – духовник Валаамского монастыря в Финляндии. Отец Иоанн не был высокообразованным человеком. Однако в письмах старца, обращенных к разным людям, – и к тем, кто не верит и пока не пришел к Богу, и к верующим, воцерковленным, живущим духовной жизнью, – виден несомненный литературный талант, такт, чувство юмора, а самое главное – евангельская простота.

Книга содержит жизнеописание схиигумена Иоанна и сборник всех писем старца, сохранившихся в Валаамском монастыре в

Финляндии и у духовных чад. Данное издание дополнено новыми фотографиями, библиографическими данными современников и не опубликованными ранее письмами старца. Схиигумен Иоанн (Алексеев) прославлен в лике святых Финляндской Православной Церкви в ноябре 2018 г.

Издательство благодарит настоятеля Валаамского монастыря в Финляндии архимандрита Сергия (Райаполви) и братию за возможность публикации писем, хранящихся в обители.

Содержание

От составителя	7
Святейший Патриарх Алексей II о Валааме	10
О подвижниках XX века	14
Предисловие редактора первого финского издания 1992 года	23
Жизнеописание старца	25
Предисловие автора жизнеописания	26
Детство и юность	42
На Валааме и в Петербурге	50
Монастырь преподобного Трифона	65
Настоятельство в Печенгском монастыре	76
В Предтеченском скиту	117
Зарождение дружбы	127
Новый Валаам	134
Келлия старца	141
Воспоминания об игуменах	148
Монастырские будни	161
О необычном	166
Задушевная беседа	173
Наставник скорбящих	178
Духовное родство	182
Другие духовные чада	191
Елена Акселевна в Новом Валааме	201

Отец Иоанн в Хельсинки	204
Настоящее Православие – в России	208
Как же не ехать на Родину?	214
«Письма валаамского старца»	219
Свеча жизни догорает	232
Кончина старца	239
На родине отца Иоанна	242
Письма	251
Благословение старца	252
Письма Елене Акселевне Армфельт	257
Конец ознакомительного фрагмента.	303

схиигумен Иоанн (Алексеев)

Письма о духовной жизни

© Дегтерёв В.Г., текст, фото, рисунки, оформление, 2019

© Сретенский монастырь, верстка, 2019

От составителя

Жизнь схиигумена Иоанна (Алексеева) удивительна. Будучи настоятелем, а впоследствии духовником нескольких монастырей, он виделся с десятками и сотнями людей, знал их внутреннее устройство, утешал и помогал обрести мир в душе.

Письма отца Иоанна обращены к разным лицам: к тем, кто не верит и пока не встретил Бога, к верующим, воцерковленным, живущим духовной жизнью людям.

Книга состоит из двух частей – жизнеописания схиигумена Иоанна, написанного митрополитом Пантелеимоном (епархия Оулу, Финляндия), которое впервые было издано на финском языке, и в дальнейшем его перевели на русский, оно вышло в 1992 году под названием «Отец Иоанн». И вторая часть – письма отца Иоанна.

Митрополит Пантелеимон (в миру – Петри Сархо) родился в 1949 году в Виеремя. В 1972 году окончил Православную семинарию в Финляндии. В 1977 году получил степень кандидата богословия в Ленинградской духовной академии, по пострижении в монашество получил сан иеромонаха, зачислен в число братии Валаамского монастыря в Финляндии. В 1979 году назначен настоятелем Валаамского монастыря с возведением в сан игумена. В 1986 году возведен в сан архимандрита. Настоятельство в Валаамской обители

продолжалось до 1997 года, когда Собор Финляндской Православной Церкви избрал архимандрита Пантелеимона в викарные епископы (епископ Йоенсуу). В митрополиты епархии Оулу он избран 1 апреля 2002 года. В настоящее время находится на покое и проживает в Финляндии.

Содержание книги значительно расширено по сравнению с другими изданиями. Вошедшее в первую часть биографическое повествование составлено на основе писем старца. В настоящий сборник включены практически все его письма, хранящиеся в Валаамском монастыре в Финляндии. При их публикации сохранен стиль автора, сделаны минимальные сокращения. Над письмами помещены рисунки, сделанные рукой старца. Редакторская правка, пояснения составителей, а также сокращения заключены в квадратные скобки.

* * *

В 2001 году по европейской программе подготовки управленческих кадров меня направили на трехмесячную стажировку в Финляндию. Имея свободную от учебы и практики неделю, впервые побывал в Валаамском монастыре, где узнал об отце Иоанне (Алексееве). Митрополит Пантелеимон и настоятель монастыря архимандрит Сергей благословили меня издать книгу об отце Иоанне. Письма старца оказались близки мне по духу. Работая над сборником, несколько раз побывал на родине старца, в селе Губка Тверской об-

ласти, говорил с внучатой племянницей отца Иоанна Людмилой Сергеевной Баштрыковой. В Знаменском храме села Ильинского познакомился с его настоятелем отцом Сергием.

Со временем побывал на Святой Горе Афон. Там, в библиотеке Свято-Пантелеимонова монастыря, хранятся фотоальбомы о Валааме и старцах Валаамского монастыря.

В течение нескольких лет неоднократно ездил в Финляндию. Был в Православном музее города Куопио. В Хельсинки встречался с духовными чадами отца Иоанна.

По инициативе Николая Якимчука в 2016 году был снят фильм, посвященный личности и духовному наследию схиигумена Иоанна (Алексеева). В основе фильма «Иоанн Валаамский. Духовный утешитель» – его письма, написанные в 1940–1950-е годы в Валаамском монастыре. В фильме не только интервью и беседы с нынешними насельниками монастыря, но и живописные окрестности. Самое сложное было показать современному зрителю духовное пространство внутренней жизни схиигумена Иоанна.

Очень благодарен всем тем, кто помог выпустить эту книгу. Просим читателей помолиться о здравии: митрополита Пантелеимона, архимандрита Сергия, протоиерея Сергия, протоиерея Сергия, монахини Ксении, монахини Павлы, Виталия, Ольги, Алексея, Анны, Николая, Марины, Николая и всех православных христиан, участвовавших в подготовке данного издания.

Виталий Дегтерёв

Святейший Патриарх Алексий II о Валааме

По словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, именно на Валааме он почувствовал призвание идти по пути служения Церкви Христовой. Еще отроком Алексей вместе со своими родителями дважды – в 1938 и 1939 годах – приезжал на богомолье в Валаамскую обитель. Эти паломнические поездки произвели на чуткого отрока огромное впечатление. Впоследствии Святейший Патриарх писал в своих воспоминаниях: «На меня, девяти- и десятилетнего мальчика, Валаам произвел неизгладимое впечатление. Архитектура монастыря и скитов, намоленность храмов, удивительная природа Северного края, духоносные старцы и насельники обители: их трудолюбие, открытость, доступность для каждого паломника и особая их чуткость – все это поражало. Во многом эти два посещения Валаама определили мой будущий жизненный путь.

Алексей Ридигер (*шестой справа в нижнем ряду*), будущий Патриарх, с братией Валаамского монастыря, игуменом Харитоном и паломниками. Фото 28 июля 1939 г.

Валаамский монастырь

Из насельников обители особенно запомнились ее духовники – схиигумен Иоанн и иеросхимонах Ефрем¹. Много раз мы были в Смоленском скиту, где нес свой подвиг иеросхимонах Ефрем, ежедневно совершавший Божественную литургию и особо поминавший воинов, на поле брани убитых. Однажды, в 1939 году, мы с родителями побывали в Иоанно-Предтеченском скиту, который отличался строгостью монашеской жизни. Туда повез нас на весельной лодке схиигумен Иоанн. Весь день прошел в общении с этим замечательным старцем. Запечатлелся в сердце схимонах Ни-

¹ О нем и некоторых других лицах, упомянутых в книге, см. с. 672–701.

колай, живший в Коневском скиту и всякий раз встречавший самоваром, за которым велись душеспасительные беседы. Помню гостиника, игумена Луку, внешне сурового, но душевного пастыря, а также любвеобильного иеромонаха Памву, неоднократно приезжавшего в Таллин. Особые отношения сложились с архивариусом, монахом Иувианом, человеком исключительной начитанности и эрудиции...

Вечная ваша память, достоблаженнии отцы и братия наши, приснопоминаемии!»

О подвижниках XX века

Тверская губерния в XX веке подарила нашей Церкви замечательных людей, образ и учение которых является особенно значимым в это непростое время для каждого православного человека, ищущего верного пути духовной жизни. Речь идет о двух подвижниках: схиигумене Иоанне (Алексееве; 1873-1958) и игумене Никоне (Воробьеве, 1894-1963), которые с удивительной ревностью, достойной времен Древней Церкви, взыскали Бога, нашли Его и всю свою жизнь отдали на служение Ему, невзирая ни на какие, подчас граничащие со смертью, препятствия.

Оба они оставили нам свои письма, бережно хранимые их духовными друзьями и детьми как настоящее сокровище. Ценность писем – в их духовном содержании, которое представляет исключительную значимость для современного верующего. В этом отношении эти два старца, не имеющие между собой ни кровного родства, ни какого-либо знакомства, предстают как родные братья. Хотя при этом образовательный уровень одного от другого отстоял очень далеко. Отец Иоанн способностями не отличался, окончил лишь курс церковноприходской школы и впоследствии никакими науками никогда не занимался. Игумен Никон, напротив, был разносторонне талантлив, образован, отличался сильным, пытливым, философским умом. Он блестяще окончил

Вышневолоцкое реальное училище, затем учился в Санкт-Петербургском психоневрологическом институте, в Московской духовной академии. Но самый большой образовательный багаж, конечно, приобрел самостоятельным самоотверженным трудом в поисках смысла жизни. Он прекрасно знал классическую литературу, историю древнегреческой мысли, европейскую философию, для чтения которой самостоятельно выучил немецкий и французский языки. На древнегреческом языке читал Новый Завет, который ему даже разрешили взять при аресте. Однако всё это богатство знаний, как суету сует, он «променял», как и отец Иоанн, на то, что бесконечно выше всех земных благ.

Что за ценность они взыскали и, найдя, предпочли всему? В Евангелии Христос называет ее Царством Божиим и показывает, что происходит с человеком, нашедшим его: *подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее* (Мф. 13, 44-46).

Это сокровище, эту жемчужину находили во всю эпоху существования христианства все бескорыстные искатели истины, смысла жизни, подлинного блага. Это Царство Божие, сокрытое внутри сердца человеческого (см.: Лк. 17, 21), нашли и наши подвижники XX века, продав все, что имели.

Отец Иоанн в поисках этого Царства окончательно и навсегда пришел на Валаам в 1901 году и позже в своих воспоминаниях писал: «Вот и живу с тех пор в монастыре, и мысли никогда не было, чтобы вернуться в мир. Благодарю Господа, что Он по Своей милости сподобил меня, грешного, провести всю мою жизнь в монастыре».

Более пяти лет (1932-1937) он был отшельником Предтеченского скита данного монастыря, принимает великую схиму. Этот скит отличался особенно строгим уставом жизни, на который решались редкие искатели подвижнической жизни. Молоко, масло, яйца, рыба и даже чай там никогда не употреблялись. Лишь в редкие дни разрешалось растительное масло. Сну отводилось очень малое время. Женщинам запрещалось посещать Предтеченский остров.

Умное делание (непрестанная молитва Иисусова) была постоянным деланием подвижника. Схимник вспоминал: «Ночью я любил бодрствовать, ложился спать всегда после двенадцати часов, а в два или в три часа вставал. Но, конечно, днем я спал столько, сколько требовалось естественным».

На такой подвиг без вреда для себя способен был только тот монах, который прошел искус послушания в общежительном монастыре, познал себя, своего ветхого человека (см.: Рим. 6, 6), смирился, получил дар непрестанной благодатной молитвы. Старец писал об этом своим духовным чадам:

«Надо пожить сначала в общежитии. Побывать в послуша-

нии, в полном смысле этого слова. Без правильной подготовки уединение не врачует страсти, но только усыпляет; будешь жизнь проводить без пользы, если только с ума не сойдешь. Хорошо бывает, когда человек начинает замечать, что его внутренняя хранилища завалена разным хламом, значит, стал он больше внимать себе и меньше будет обращать внимания на немощи других. Почему знаешь, как и чем кто спасается?»

«Духовная жизнь, – писал он, – наука из наук, или иначе – духовная философия. Конечно, не многим эта философия понятна. Вообще, почти у всех понятие о духовной жизни сводится к внешнему подвижничеству. Но внешнее подвижничество нужно как средство к достижению внутренней духовной жизни. Но, к сожалению, останавливаются на букве, убивающей дух, а о внутренней духовной жизни даже и понятия не имеют».

«Конечно, телесный труд нужен, ибо без него и плодов не будет, однако знай: все телесные труды не добродетель, а пособие к добродетели. Многие много трудились, а плодов не получили, ибо труд их был внешний, убивающий дух: не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся (Кол. 2, 21)».

Он отвечает и на недоумения, которые возникают у ставшего на этот путь духовной жизни: «Ты пишешь, что „борет тебя гнев, и мира и утешения не имею“. Если не будешь трудиться и работать над своим сердцем – мира и утешения не будет. Надо же наконец взять себя в руки, не все же жить спустя рукава. Ибо понуждающие себя восхищают Царство

Небесное (Мф. 11, 12). Преподобный Антоний Великий сказал своему ученику: „Ни Бог, ни я тебе не помогут, если сам не будешь трудиться“».

«Вот против всех таких мысленных бесовских искушений святые отцы изобрели молитву Иисусову, – ибо мы, грешные, без Божией помощи не можем избежать бесовских козней. Вот так говори: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго“. Внимание держи в верхней части груди, ум заключай в слова молитвы, а внимание – душа молитвы. Сперва будет тяжело – сухость, леность и наплыв разных мыслей, ибо враг очень не любит молитвы и восстает разными помыслами. Но ты не смущайся, продолжай молитву, и Господь восстанет: как ради апостолов повелел престать волнам и ветру, так и в тебе прекратит все твои мысленные волнения».

Старец часто и много писал о правильной молитве, ибо без нее никакой духовной жизни быть не может. «Молитва – самый трудный подвиг, и она до последнего издыхания сопряжена с трудом тяжелой борьбы. Святые отцы молитву называли царицей добродетелей, ибо она привлечет и прочие добродетели. Но насколько она высока, настолько и труда большого требует. Преподобный Агафон говорит: „Молитва до последнего издыхания сопряжена с трудом тяжелой борьбы“».

«При молитве, – говорил он, – надо себя держать в большом непотребстве [сознании своей греховности], и если по-

вяются теплота и слезы, не мечтать о себе что-то высокое; пусть они приходят и уходят без нашего принуждения, но не смущайся, когда они пресекаются, иначе и не бывает».

Ревностным мирянам отец Иоанн давал такой совет: «Ты исполняешь по 100 [молитв Иисусовых] и утром, и вечером, довольно с тебя такого количества, только старайся исполнять со вниманием; но не смущайся, что у тебя при этом на сердце сухость, однако понуждай себя; только внимание держи, как я тебе говорил, в верхней части груди».

При этом Валаамский схимник предупреждает: «О непрестанной и умно-сердечной молитве, к которой ты стремишься, не дерзай просить у Господа – такое состояние бывает у очень немногих, „едва ли обретешь из тысячи одного человека“, – сказал св. Исаак Сирский, и в такую духовную меру приходят по благодати Божией за глубокое смирение. К теплоте сердечной не стремись – она приходит без нашего искания и ожидания; в молитве должен быть наш труд, а успех уже зависит от благодати, большего не ищи и не горячись. В духовной жизни скачки неуместны, а требуется терпеливая постепенность». И предостерегал: «Не стремись к духовным восторгам. Мистики стремятся к таким благодатным ощущениям и вместо истинного созерцания впадают в дьявольскую прелесть».

В связи с этим более чем странно читать у С. Большакова, будто бы схиигумен Иоанн сказал ему: «А разве не старец, да еще какой, автор „Рассказов странника“». Но это автор, ко-

торый вместо ста молитв Иисусовых начал учиться ей сразу с трех тысяч, всего через несколько дней – шесть тысяч, а еще через десять – двенадцать тысяч! Только человек, который никогда не пытался сделать с вниманием и ста молитв, может не понимать всю абсурдность подобных скачков.

При этом автор «Рассказов», вопреки непреложному правилу о терпеливой постепенности в молитве, неудержимо стремится «немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее», что является одним из явных признаков прелестного состояния человека. Святитель Игнатий (Брянчанинов) передает, что святые отцы «строго воспрещают преждевременное усилие взойти умом в святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом. Воспрещение сопрягается со страшною угрозою».

В письмах старца Иоанна обращает на себя внимание прекрасное знание им святоотеческой литературы. Он постоянно ссылается на разных отцов, приводя их мысли, часто дословно цитируя их слова по тому или иному вопросу. И о себе прямо говорит: «Руководствуюсь книгой преподобного аввы Дорофея». Его письма – это, по существу, переложение аскетического учения святых отцов для современного человека.

В то же время он фактически никогда не делится своим личным духовным опытом, что отличает его от многих авторов книг по вопросам духовной жизни, которые говорят и

пишут главным образом от себя, основываясь на взглядах и выводах авторитетных богословов и проповедников, нередко неправославных, а не на учении святых отцов Церкви. И это самый серьезный критерий в оценке христианской литературы, особенно в наше время.

Православная литература тем принципиально и отличается от недуховной, что истинное понимание всех вопросов веры и жизни видит в учении тех, кто очистил свое сердце от всякого греха, приобрел ум Христов (1 Кор. 2, 16), стал носителем Духа Святого. На этом фундаменте строят свое понимание духовной жизни все истинные православные подвижники и верные христиане. О нем как единственно надежном основании правильного понимания христианства прекрасно сказал святитель Игнатий (Брянчанинов): «Не сочти для себя достаточным чтение одного Евангелия, без чтения святых отцов! Это – мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые отцы... Из чтения отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жительству по заповедям евангельским». Отступление от отцов грозит разрушением всего здания Церкви.

Однако, как писал игумен Никон (Воробьев), без святителя Игнатия «понимать древних отцов, а главное, применять их к себе почти невозможно. Это познают все из своего горького опыта, если только будут вообще идти путем истинно христианским, а не мечтательным» (Нам оставлено

покаяние. Письмо 163).

Профессор Алексей Осипов

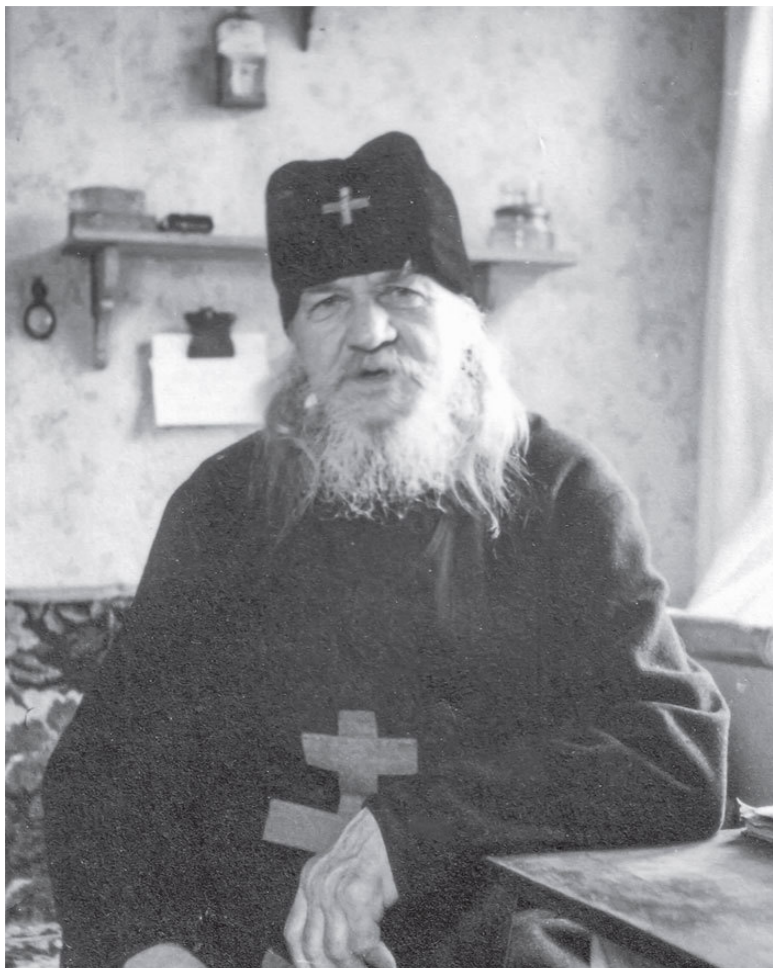
Предисловие редактора первого финского издания 1992 года

Валаамский монастырь в Финляндии основан валаамскими иноками, вынужденными оставить родную обитель во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов. Ни одному из них не было суждено вернуться на Валаам. Большинство из более чем ста пятидесяти монахов, покинувших монастырь (среди которых был и отец Иоанн), покоятся на кладбище Нового Валаама; семеро окончили свои дни в Псково-Печерском монастыре. Но Валаамский монастырь в Финляндии не умер, и его новые насельники – финны, среди которых много молодых людей, – поддерживают светоч Православия в лютеранской стране, *и светит всем в доме* (Мф. 5, 15). В том, что монастырь живет, а Финляндская Православная Церковь в последние годы даже стала расти, есть заслуга и отца Иоанна. Духовное влияние этого старца распространяется не только в церковной среде, но и среди людей, даже еще не пришедших к Православию. Причины этого явления становятся понятны, если обратиться к письмам отца Иоанна. Некоторые из них были опубликованы в сборнике «Письма валаамского старца», а другие легли в основу настоящей книги.

Отец Иоанн не был высокообразованным человеком. Но в его посланиях к духовным детям виден несомненный лите-

ратурный талант, глубокий ум, такт, чувство юмора и, главное, – евангельская простота. Старец писал, как говорил, и в книге, по возможности, сохранен его своеобразный стиль. Незначительные поправки вносились лишь там, где разговорные обороты затемняли смысл написанного.

Жизнеописание старца

Предисловие автора жизнеописания

Митрополит Пантелеимон (в миру – Петри Сархо)

В ноябре 1984 года Валаамский монастырь в Финляндии получил ценное пожертвование: жительница Хельсинки Елена Акселевна Армфельт передала в обитель хранившееся у нее собрание из почти трехсот подлинных писем схиигумена Иоанна. Некоторые из них были ранее опубликованы в сборнике «Письма валаамского старца», который впервые был издан еще при жизни отца Иоанна и затем несколько раз переиздавался, в том числе на английском и на финском языках.

Систематическую работу над письмами я начал в декабре 1984 года. В тиши келлии я углублялся в их смысл, и это чтение все больше захватывало меня. Я был покорен глубоко духовными и неподдельно человеческими словами старца.

Тогда же я случайно обнаружил новые документы о прошлом Валаамского монастыря и о самом отце Иоанне. И я подумал, что если наставления старца можно найти в уже изданной книге, то как личность он мало кому известен. Поэтому возникло желание составить его жизнеописание, воспользовавшись подаренными монастырю письмами как первоисточником. Результат этой работы – перед вами.

Но вначале о тех, кто был адресатами многих писем старца, кто долгие годы хранил их как бесценное сокровище.

Павла Максимовна Шмалыц (слева) и Елена Акселевна

Армафельт в своей квартире в Хельсинки. Фото 1984 г.

В 1984 году, вскоре после Рождественских праздников, я отправился в Хельсинки специально с этой целью. Мне дали адрес: улица Лапинлахти, 21. Дом я нашел легко. Уже внизу мне бросилось в глаза неважное состояние здания. Старый лифт поднял меня на пятый этаж. В коридоре при сумеречном освещении я с трудом разглядел на дверной табличке надпись маленькими буквами: «E. Armfelt». Позвонив, почувствовал легкое волнение.

Три женщины поспешили мне навстречу: две пожилые и молодая. Первая – невысокая и совершенно седая – сердечно приветствовала меня, в то время как вторая – темноволосая, повыше ростом – с дружелюбным любопытством разглядывала гостя. Третья, младшая, была мне знакома – Марина Лачинова, организатор издания писем отца Иоанна на финском языке. Маленькая седая женщина и была сама хозяйка квартиры – Елена Акселевна. Другая – Павла Максимовна, ее верный друг, прожившая вместе с ней уже много лет.

Сняв пальто, я длинным извилистым коридором прошел в гостиную. По пути, бросив взгляд через открытую дверь кухни, я заметил, что к моему визиту готовились.

В этом доме можно было сразу же почувствовать, что вы, покинув атмосферу финского города, окунулись в русский мир, словно бы очутились в обстановке типичной ленинградской квартиры. В гостиной это чувство усилилось. Все

было в точности так, как обычно бывает в русском доме. Комната загромождена мебелью: столы, стулья, кресла и две большие кровати. Стены сплошь увешаны разной величины картинами и бесчисленными фотографиями в рамках. Красный угол со множеством икон свидетельствовал о ревностной вере хозяек.

В комнате царил некий уютный беспорядок. Холодный педантизм западного мира отступал, согретый душевным теплом русского человека. Посреди гостиной красовался накрытый обеденный стол.

Елена Армфельт в годы отрочества. Санкт-Петербург

Я предполагал, что, поскольку бабушки старые и слабые, угощение ограничится парой чашек чаю. Но я ошибся: стол в гостиной буквально ломился от яств. Мы помолились, и любезные хозяйки пригласили к столу. Обедали мы по русскому обычаю: было несколько перемен блюд, между ними подавалось вино. Получилось, что мы провели за обедом несколько часов – все то время, что я пробыл в гостях. И все это время мы беседовали; естественно, по-русски.

Елена Акселевна в последние годы почти совсем ослепла, но поверить в это было трудно, глядя на ее живое, выразительное лицо. Ей тогда уже исполнилось восемьдесят три года, а Павла Максимовна была на четыре года старше. Старость и болезни ослабили Елену Акселевну, но сознание оставалось совершенно ясным. Помогая друг другу, старушки еще могли управляться сами в своей квартире. Это было бы невозможно, если бы не доктор Виир Рагнер, их домашний врач, дальний родственник Павлы Максимовны, эстонец по происхождению. Он снимал комнату в квартире старушек и ухаживал за ними, как за своими родными бабушками². Кроме того, им помогало множество друзей, среди которых круглолицая, ясноглазая, всегда доброжелательная Марина.

² Старушки прожили вместе до самой смерти, и доктор Виир до конца заболел о них. Елена Акселевна тихо скончалась 9 августа 1988 г., а Павла Максимовна – 5 мая 1991 г. Доктор Виир остался в Финляндии.

Елена Акселевна Армфельт

За обедом Елена Акселевна рассказала о себе. Она родилась 15 декабря 1900 года в Кронштадте. В то время этот город был особенно знаменит тем, что в нем служил протоиерей Иоанн Сергиев, известный своими проповедями и даром чудотворения [святой праведный Иоанн Кронштадтский]. Его называли «всероссийским пастырем», и к нему – в кронштадтский собор святого апостола Андрея Первозванного – стекались десятки тысяч паломников. Мать Елены Акселевны часто бывала там на службах. Однажды знаменитый пастырь благословил и маленькую Елену.

Елена Акселевна Армфельт

Род Армфельтов – известный в России род финских шведов, принадлежавший к военному сословию. Представители одной из ветвей этого рода, к потомкам которых относилась Елена Акселевна, служили в русской армии со времен Екатерины II и занимали высокие посты. В романе «Война и мир» генерал Армфельт упомянут как приближенный императора Александра I. Следующие поколения Армфельтов служили в русском Военно-морском флоте.

Дед Елены Акселевны был адмиралом, а отец, Аксель Александрович, – капитаном первого ранга. Мать, Юлия Оскаровна Энквист, родом из Кронштадта, происходила из знатной семьи. Из ближайших родственников только бабушка нашей хозяйки со стороны матери была русской. Вся остальная родня – шведы. И все-таки Елена Акселевна считает себя русской. Она говорит: «Русская бабушка всех победила».

Когда Елене было семь лет, ее родители развелись. Эта новость через родственников, приближенных ко двору, дошла до государя. Он не одобрил развода и в наказание отправил бывшего главу семейства в Сибирь, на Амур, служить во флоте. Благодаря своему происхождению Елена была принята в знаменитый Смольный институт, где могли учиться только девочки из знатных семейств. Жили воспитанницы в самом институте, домой их отпускали только по большим

праздникам и на август. Смольный часто посещали знатные особы, в том числе и сам государь, а также митрополит Санкт-Петербургский. Елене Акселевне особенно запомнились прекрасные глаза и доброе лицо государя. В 1917 году большевики закрыли Смольный институт, а воспитанниц выслали из Петербурга на Дон, в Новочеркасск, где Елена Акселевна и оканчивала институт.

Елена Акселевна Армфельт в Хельсинки

После революции Елена и ее мать, как и многие русские эмигранты, оказались в Хельсинки, где жили хотя и скром-

но, зато в безопасности. Мать вела их небольшое хозяйство, а Елена до самой пенсии работала бухгалтером в оптовой фирме ОУМ. Мать и дочь были ревностными прихожанками небольшой Никольской церкви при кладбище Хиетаниеми. Обе они участвовали в основании и строительстве православного храма, в котором и сейчас богослужения совершаются на церковнославянском языке и по старому стилю. Несмотря на возраст, Елена Акселевна находит еще силы ходить в церковь.

Жизнь верной спутницы и друга Елены Акселевны, Павлы Максимовны Шмальц, не менее богата событиями. Родилась она в городе Йоэнсуу в Восточной Финляндии. Ее отец работал бухгалтером в одной английской фирме, которая импортировала из России лен. Отец был наполовину француз, наполовину немец, но считал себя русским, поскольку большую часть жизни провел в России. Мать была русской, православной, родом из Архангельска.

Позже семья переехала в Эстонию, а затем в Петербург, который запомнился Павле спектаклями Мариинского театра. После революции перебрались в Финляндию, а во время Второй мировой войны Павла со своим сыном снова поехала в Эстонию. Там она была арестована и отправлена в концлагерь в Казахстан, так как не имела эстонского паспорта. Во время четырехлетнего заключения в ссылке умер ее сын. Пережитое до сих пор свежо в памяти этой женщины.

После войны Павла Шмальц вернулась в Финляндию. С

Еленой Акселевной она впервые встрети­лась в церкви. Та любила шляпы с широкими полями и надевала их даже в храм, что и привлекло внимание Павлы. Ей не нравились шляпы-«аэродромы» Елены Акселевны, но дружбе это не помешало. Позднее, предчувствуя близкий конец, мать Елены попросила Павлу переехать к ним в дом. Мать считала, что ее непрактичная дочь одна не справится с трудностями жизни.

Павла так и сделала. Подруг объединяли любовь к Церкви, совместные поездки в Валаамский монастырь и духовное окормление со стороны монастырского старца отца Иоанна.

Митрополит Пантелеимон

Детство и юность

Сведения о детстве схиигумена Иоанна очень скудны. Они основываются на кратких записях в монастырском архиве и на воспоминаниях самого отца Иоанна. Судя по ним, можно предположить, что детство было счастливым, хотя сам старец крайне редко вспоминает и мало говорит об этом периоде своей жизни.

В перечне проживавших в Валаамском монастыре за 1914 год значится, что монах Иакинф (первое иноческое имя отца Иоанна) родился 14 февраля 1873 года [по старому стилю]. В миру его звали Иван Алексеев. В переписке встречается название его родной деревни Губка, недалеко от станции Лихославль Тверской губернии. В формулярной ведомости Валаамского монастыря указано село Ильинское, где Иван учился в приходской школе при церкви. [При подготовке сборника составитель побывал на родине отца Иоанна. Материалы, которые удалось разыскать, завершают жизнеописание старца.] В перечне имеются сведения о том, что монах Иакинф умел читать, знал катехизис и церковную историю.

Родители отца Иоанна, Алексей и Татьяна, были крестьянами, очевидно, из крепостных. «Родители мои, помяни их Господи, примерные люди были», – вспоминал отец Иоанн. Родительский дом, должно быть, ничем не выделялся среди таких же бревенчатых изб, стоявших вдоль дороги. В твер-

ских селениях дома ставились близко, они почти касались друг друга. Окна с украшенными резьбой наличниками приветливо глядели на деревенскую улицу. Под окнами – палисадник, окруженный дощатым забором, здесь же скамейка, на которой по вечерам собирались старушки в белых платочках и старики в картузах потолковать о делах, может быть, и не столь значительных в мировом масштабе, но очень важных для них самих.

Храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» в с. Ильинском. Фото 2004 г.

Днем все, у кого было хоть немного сил, работали в поле,

а вечерами усердно трудились по домам. Освещалась изба лучиной. В памяти будущего инока запечатлелся образ отца, плетущего лапти, и матери с сестрой, занятых починкой одежды. Три брата тоже помогали родителям.

Хозяйство было небогатое, поэтому старший брат, повзрослев, уехал в Петербург и открыл там свой трактир. Второй брат остался вести хозяйство, а Иван отпросился в монастырь. Сестра, вероятно, вышла замуж, и, как знать, может быть, племянники отца Иоанна до сих пор еще живут в Тверской области.

Здание бывшей церковно приходской школы в с. Ильинском. Фото 2004 г.

Грамоте Иван учился вместе со своими братьями и сестрой. Их учителем стал объезжавший избы крестьян портной, занимавшийся шитьем шуб. Сестра оказалась способной, грамота давалась ей легко. Ивану приходилось труднее, но со временем и он одолел учение.

Еще в детстве Иван стал задумываться о том, «как спастись». Отец Иоанн вспоминал, что он покупал Жития святых – книжечки, стоившие по нескольку копеек, – и с большим интересом их прочитывал. Вместе со своим другом, «близким по духу», он ездил по монастырям. К святым местам мальчика тянуло с раннего детства. Как рассказывал отец Иоанн, его родители несколько раз совершали паломничества, в том числе и в монастырь преподобного Иосифа Волоцкого, и брали его с собой.

Иосифо-Волоцкий монастырь. Фото 2008 г.

Монастырь этот, основанный еще в конце XV века, находится в Московской губернии, в восемнадцати верстах от города Волоколамска. Преподобный Иосиф построил обитель в живописном месте на берегу большого озера. Купола и кресты многочисленных церквей и возвышавшаяся среди них звонница, похожая на московскую колокольню Ивана Великого, служили великолепным завершением природного пейзажа. Рассказывали, что особенно красив был Волоколамский монастырь при таинственном лунном свете. Во время церковных праздников сюда стекались тысячи паломников.

Особенностью этой обители была давняя рукописная традиция. Преподобный Иосиф, основатель монастыря, не только переписывал богослужебные книги, но и сам составил книгу под названием «Просветитель», направленную против ереси жидовствующих. Последователи святого продолжали его труды ради духовного просвещения иноков и мирян.

Нилова пустынь. Фото 2008 г.

Волоколамский монастырь был также местом содержания важных государственных узников. Свергнутый с престола царь Василий Шуйский был сослан в эту обитель. Заслужи-

вает внимания сообщение монастырской летописи о том, что сюда был сослан преподобный Максим Грек, которому в свое время было поручено исправление ошибок, содержащихся в богослужебных книгах...

Когда Ивану исполнилось тринадцать лет, он, вместе с другом, пешком отправился в Нилову пустынь, которая находилась в ста пятидесяти верстах от его родного села. Монастырь был основан на месте, где подвизался преподобный Нил Столобенский, великий молитвенник и молчальник, – на острове посреди озера Селигер. Святой Нил проводил свои дни в труде, а ночи – в молитве. Для преодоления телесной немощи и потребности во сне он прикрепил к стенам своей келлии деревянные костыли, на которые опирался в моменты сильнейшей усталости. Великий подвижник отошел ко Господу 7 декабря 1554 года. Вскоре после смерти преподобного на его могиле начали совершаться чудесные исцеления. Остров на Селигере стал местом паломничества, и там был заложен монастырь, который хранил память о святом.

Ежегодно в день памяти преподобного Нила устраивался крестный ход из расположенного неподалеку от монастыря города Осташкова. Сначала плыли на лодках. Первым следовало самое большое судно, за ним множество небольших лодок, по-праздничному украшенных. Святые мощи, покоившиеся в раке, обносили вокруг монастыря, и затем совершалась Божественная литургия.

Вполне возможно, что Иван и его друг побывали в монастыре преподобного Нила именно во время этого праздника. Еще они хотели встретиться с отшельницей Матреной, жившей в окрестном лесу, но не смогли ее найти. Вскоре после этого тринадцатилетний Иван попрощался со своим родным селом и со всем, что было ему дорого с самого детства. Он очутился в совершенно ином, чуждом ему мире – в огромном Петербурге, на работе в трактире у брата.

Едва ли есть в мире место, с большей правдивостью и точностью обнажающее трагедию человеческой жизни. За три года, проведенных за трактирной стойкой, Иван многого насмотрелся. Трудно было найти более поучительную школу жизни для будущего старца – врачевателя страждущих душ.

Днем Иван работал, зато все остальное время посвящал молитве, чтению и церковным службам. Мир большого города не тяготил, но и не привлекал. Устремление отрока к духовной жизни не ослабевало.

При первой возможности Иван, найдя попутчика, знавшего финский язык, отправился в поездку по монастырям Ладожского озера. Некоторое время он пробыл в Коневском монастыре, а затем поехал дальше, на Валаам. Там шестнадцатилетний Иван и остался.

На Валааме и в Петербурге

Вскоре по прибытии в монастырь Ивана направили на послушание в один из многочисленных скитов Валаама. Скит преподобного Германа Валаамского [память прпп. Сергия и Германа Валаамских совершается 28 июня, а также 11 сентября, в день перенесения мощей] находился на северном берегу Ладоги, в селе Сюскюсалми волости Импилахти [примерно в 25 километрах к северо-западу от острова Валаам].

Когда Иван прибыл в скит, там еще велось строительство. Возведение внушительных размеров каменной церкви было закончено только в начале XX столетия. До этого ежедневные богослужения совершались в часовне при главном здании скита – большом, несколько хаотично построенном деревянном доме.

В Германовском скиту занимались земледелием, растили скот. Ивану пришлось помогать работавшим в хлеву и в поле, к чему он с детства был привычен. Кроме того, он нес послушание в сапожной мастерской и в пекарне, где пек просфоры.

Все монастырские труды, какими бы незначительными или важными они ни казались, ценятся одинаково перед Богом. Все это называется послушанием, другими словами – работой, которую выполняют ради послушания перед Богом и монастырским начальством.

Сапожным делом Иван занимался вместе с рясофорным послушником Виктором, который позже был пострижен в схиму с именем Виссарион. Жили они в одной келлии. Отец Иоанн и через десятилетия будет вспоминать, какую праведную, подвижническую жизнь вел его товарищ. Утром всегда вставал до полунощницы и, чтобы не тревожить своего юного напарника, в половине второго уходил в сапожную мастерскую. Там, в тиши ночной, он совершал свое обычное молитвенное правило. В церковь Виктор всегда приходил раньше всех, выстаивал все богослужения и уходил последним. Как говорил отец Иоанн, «назидательный был старичок, на пользу мне было жить с таким». Так прошли четыре года в Германовском скиту. Потом Ивана призвали на военную службу, которая в те времена продолжалась четыре года. Он служил в стрелковом батальоне. После армии молодой человек вернулся на некоторое время в свою родную деревню, к родителям. Насовсем он прибыл на Валаам 28 мая 1901 года и позже в своих воспоминаниях писал: «Вот и живу с тех пор в монастыре, и мысли никогда не было, чтобы вернуться в мир».

Скит преподобного Германа Валаамского

С поселением на Валааме Ивана ожидали новые послушания. Сначала он работал в экономской конторе на главном острове. Но вскоре на него были возложены иные обязанности, которые хотя и не были особенно приятными, но должны были исполняться так же добросовестно, как и всякие другие. Ивана отправили на послушание в Петербург, в Валаамскую часовню у Калашниковской пристани на Синопской набережной.

У Валаамского монастыря в Петербурге было три подворья в разных местах города. Главное из них, куда прибыл

Иван, находилось на левом берегу Невы. Все его постройки – часовня и жилой дом – были каменными. Это подворье, возведенное во времена игумена Дамаскина, напоминало небольшой монастырь, действующий в столице.

Помимо Калашниковского подворья Валаамскому монастырю принадлежала часовня с жилым помещением при ней, находившаяся на Васильевском острове. Большая деревянная часовня, похожая на храм, была построена во времена игумена Гавриила, в конце XIX столетия, в честь преподобных Сергия и Германа Валаамских. В часовне совершались ежедневные богослужения и продавалась духовная литература, изданная монастырем. Кроме того, Валаамскому монастырю принадлежал в Петербурге двухэтажный каменный жилой дом, подаренный обители в 1871 году Александрой Образцовой.

Отец Иоанн рассказывал: «Многомятежный сей град повлиял на меня вредно, и я, немощный духом, не смог вместить городской суеты, ибо мне приходилось закупать и отправлять на вокзал и пароход и принимать разные товары, какие требовались для монастыря». И опять перед глазами Ивана вставала горькая картина жизни большого города, знакомая с юности.

Хотя Ивану не нравилось в Петербурге и он считал, что город действует на него губительно, пришлось пробыть там два года. В июне 1910 года послушник Иоанн был пострижен в монахи с именем Иакинф (по-гречески «иакинфос» озна-

чает «яхонт»). После многих просьб игумен Маврикий разрешил отцу Иакинфу покинуть Калашниковское подворье и переселиться в Ильинский скит.

Валаамская часовня у Калашниковской пристани

Скит пророка Илии, находившийся на небольшом отдельном острове, стал местом пребывания отца Иакинфа на три с половиной года. Исполнял он там обязанности псаломщика. Ежедневная церковная служба, по монастырскому уставу, состояла из вечерни, повечерия, трех канонов: Спасителя, Божией Матери и Ангелу Хранителю – и затем акафи-

ста Спасителю или Божией Матери, в разные дни поочередно. После этого читалось вечернее правило с Иисусовой молитвой. Утро начиналось с полунощницы, затем следовала утренняя и часы. Литургий было две в неделю, в субботу и в воскресенье, а также в праздничные дни.

Братии тогда было в скиту восемь человек. «Жизнь текла мирно, в согласии, и мы ревновали о духовной жизни. Иеромонах был, правда, строптивного характера, но братия, благодаря этому, только больше преуспевали в терпении».

Спокойная жизнь в скиту подошла к концу, и отец Иакинф получил новое послушание – в буфете при гостинице. Затем он был назначен псаломщиком в Германовский скит. Следующее послушание было отцу Иакинфу особенно по душе – его направили на проживание в скит Иоанна Предтечи, о чем он с давних пор мечтал. В этом скиту велась сугубо строгая подвижническая жизнь, что и привлекало молодого монаха. Кроме того, там жили несколько духоносных старцев, и монах Иакинф стал теперь их учеником и сподвижником.

Передо мной на письменном столе лежит небольшая памятная Владимирская икона Божией Матери, относящаяся к описываемому времени. На обратной стороне образа, под узорчатой виньеткой, надпись: «Сию святую икону дарю сестре во Христе Серафиме в день Ангела 29 июля 1918 года. Монах Валаамского монастыря Иакинф». Икона принадлежала монахине Софии, которая давно уже обрела вечное

упокоение на кладбище Нового Валаама.

Мать София была из тех паломниц, которые после революции по причине закрытия финско-русской границы остались в Валаамском монастыре и прожили там до конца своих дней в трудах и молитве. Многие из них были пострижены в монашество, в том числе и Серафима, которую при постриге нарекли именем София. В последние годы своей жизни почти слепая, круглолицая, звонкоголосая монахиня София вспоминала, как уже после начала революции захотела переехать с Валаама в Россию, в Дивеевский женский монастырь, основанный преподобным Серафимом Саровским. Она спросила совета у отца Иакинфа. Тот не благословил уходить с Валаама. После революции путешествовать по России стало делом опасным. Судьба же Дивеевского монастыря, как и всей Церкви, была в руках одного только Господа Вседержителя. Так и получилось, что Серафима навсегда осталась на Валааме.

Хлебопекарня Валаамского монастыря

Этот эпизод, произошедший более семидесяти лет назад, позволяет заметить нечто важное, касающееся духовных качеств тогда еще монаха Иакинфа. Ему была присуща способность понять человека, оказать помощь в его духовных затруднениях. В тот раз отец Иакинф утешил и духовно поддержал Серафиму Жукину, простую женщину из Минской губернии, попавшую через Петроград на Валаам. В последующие годы он окормлял множество людей, приезжавших в монастырь, чтобы посоветоваться со старцем.

Благостная пустынная жизнь в скиту Иоанна Предтечи, под сенью высоких елей, продолжалась шесть лет. Но вот

неожиданно монаху Иакинфу назначили новое, сугубо трудное послушание. Высокое церковное начальство направило его в качестве настоятеля в обитель преподобного Трифона Печенгского, Кольского [память 15 декабря], на берегу Северного Ледовитого океана.

Надо сказать, что с определением на должность настоятеля кого-либо из живущих в обители монахов были большие затруднения. Как писал, будучи уже назначенным в Печенгу, игумен Иакинф, «после архимандрита Ионафана полтора года был настоятелем иеромонах Порфирий. Ныне живет на покое, по слепоте глаза отказался. В настоящее время он в больнице, делали операцию левому глазу, стал видеть. После отца Порфирия были присланы из Соловецкого монастыря. Игумен Иннокентий поигуменствовал полтора года, скончался. Затем присланы из Валаамской обители». Тут отец игумен имеет в виду себя самого и своих помощников.

Сапожная мастерская Валаамского монастыря

О том, как происходило назначение отца Иакинфа на настоятельскую должность, свидетельствует следующая деловая переписка. Протоиерей Николай Окулов 1 июля 1921 года обращается к архиепископу Финляндскому и Выборгскому Серафиму. Заметим, что Трифонова обитель, после разорения ее в 1921 году советской властью, перешла к финнам. В письме говорится: «Хозяйничанье большевиков в монастыре, их грабеж и их реквизиция в экономическом отношении привели монастырь к упадку. Монастырское братство состоит из прилежных работников и старается изо всех сил, чтобы исправить (победить) те несчастья, к которым

привели монастырь большевистские поступки. Посему действия все-таки требовали бы энергичного направления, но в настоящее время такового направления не (имеется) хватает, так как у монастыря нет настоятеля. Возможно, в скором времени будет решаться вопрос, существенно касающийся монастыря, и тогда наблюдение монастырских интересов также будет требовать того, чтобы в управлении монастырем был энергичный настоятель. Вследствие всего этого и склоняясь к постановлению, сделанному в свое время Церковным Правлением и Вами, я побудил монастырское братство выбрать себе настоятеля, который был бы способен при современных тяжелых условиях опять поднять из упадочного состояния монастырскую жизнь, а также мог бы быть блюстителем монастырских интересов. Вследствие сего моего побуждения монастырское братство в воскресенье 27 июня держало собрание [...]. Все лица, принадлежащие к братству, находятся на слишком низкой степени образования. Так как (теперешнее) настоящее положение монастыря требует от настоятеля оною трудной и многосторонней деятельности, то братство не нашло в своей среде соответствующего человека для сей должности и обращается к Вам, Господин Архиепископ, прося Вас назначить им в настоятели подходящее лицо с другого места, например с Валаама. На всякий случай в том отношении, если назначение настоятеля не состоялось бы с других мест, братство выбрало в кандидаты настоятеля иеромонаха Иону».

Скит пророка Или на Валааме

В письме к настоятелю Валаамского монастыря игумену Павлину архиепископ Серафим сообщает о вернувшемся из поездки в Печенгу протоиерее Окулове, который доложил, что «Печенгский монастырь крайне нуждается в том, чтобы ему послан был настоятель с Валаама, что этого очень желает и просит братия монастыря, что иеромонах Иона, избранный настоятелем, не способен занимать эту должность для поддержания Печенги. Печенгской обители нужен человек более опытный, энергичный, способный отстаивать интересы надлежащим образом. Бумага об утверждении иеромонаха Ионы на Печенгу задержана».

Далее последовал ответ игумена Павлина:

«Его Высокопреосвященству, Преосвященнейшему Серафиму, Архиепископу Финляндскому и Выборгскому.

Вследствие письма Вашего Высокопреосвященства от 19 текущего [1921] октября, сим имею честь почтительнейше донести. Вернувшийся из Выборга иеродиакон Азария заявил, что он, ввиду своей неподготовленности, настоятелем в Трифоно-Печенгский монастырь поехать не может и просит послать его туда в качестве сотрудника настоятелю. Иеродиакон Михей на предложение ему поехать в Печенгский монастырь в качестве сотрудника настоятелю не изъявил согласия. Монаху Иакинфу было предложено поехать в Трифоно-Печенгский монастырь и. д. настоятеля, последний согласился; согласился с ним поехать сотрудником иеродиакон Азария. В качестве второго сотрудника отцу Иакинфу было предложено поехать в Печенгский монастырь монаху Аввакуму. Последний также изъявил согласие. Донося о сем, признаю со своей стороны, что монах Иакинф вполне оправдывает свое назначение и что иеродиакон Азария и монах Аввакум люди благонадежные и способные, могущие быть хорошими помощниками отцу Иакинфу.

Скит Иоанна Предтечи на Валааме

Я покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство монаха Иакинфа утвердить и. д. настоятеля Трифоно-Печенгского монастыря с возведением его в сан иеромонаха. Иеродиакона Азарию и монаха Аввакума переместить в братство Трифоно-Печенгского монастыря с возведением их обоих в сан иеромонаха до отъезда их к новому месту служения».

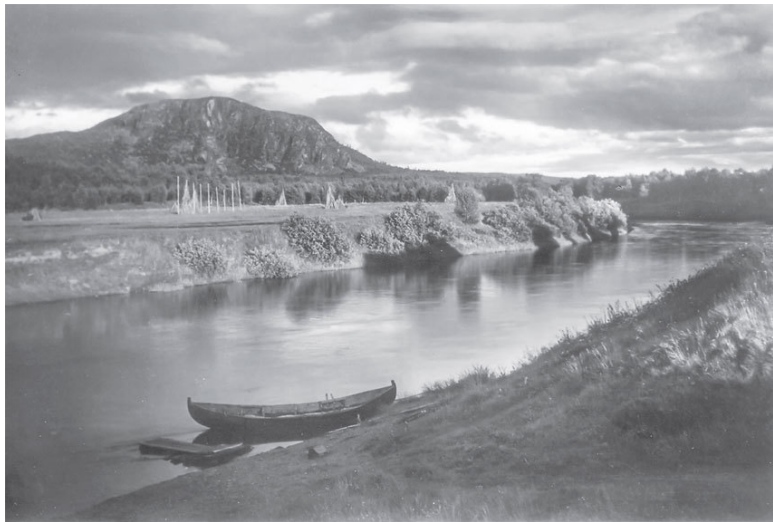
Архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим в письме от 28 октября 1921 года засвидетельствовал свое согласие в том, чтобы на должность настоятеля Трифоно-Печенгского монастыря назначить монаха Иакинфа с возведением его в сан иеромонаха. В помощь ему назначить монаха Аввакума и иеродиакона Азарию, зачислить их в братство Трифоно-Печенгского монастыря с возведением в сан иеромонаха.

Монастырь преподобного Трифона

Печенгский монастырь был основан в самом начале XVI века далеко на Севере, на холодном арктическом берегу. Основатель монастыря, преподобный Трифон, родился в пределах Новгородских; в миру он носил имя Митрофан. В отрочестве сподобился он слышать глас Божий, повелевший ему «идти в землю пустынную, жаждущую, где не ходил еще никто и не обитал ни один человек». Понял Митрофан, что под «землей жаждущей» понимаются души язычников, жаждущие Благой Вести Божией, и, покинув родительский дом, отправился в путь. И пришел святой на берег студеного моря, в Кольскую область, на реку Печенгу. Места эти, на границе с Норвегией, издавна входили в состав Новгородских земель, а с падением Новгорода в 1478 году перешли под власть великих князей московских. Обитали здесь лопари (или саамы), которые жили в чумах и занимались оленеводством и рыбной ловлей. Митрофан остался у них и, приняв вид торговца, начал изучать жизнь и обычаи своей будущей паствы. Познакомившись с саамами поближе, Митрофан принялся со смирением рассказывать им о Христе и обличать бессмысленное идолопоклонство.

Святой Трифон, основатель Печенгского монастыря, и медведь, опрокидывающий квашню для теста

Вид на гору Спасительную, у подножия ее находится пещера, в которой укрывался преподобный Трифон

Старая (рыбацкая) церковь. Фото 1933 г.

Прошло двадцать лет, прежде чем он подготовил нескольких лопарей для принятия Святого Крещения. Митрофан был мирянином, поэтому за священником для совершения таинства пришлось отправиться в Новгород. Там Митрофан получил благословение архиепископа на построение церкви и, наняв плотников, вернулся на Печенгу. Три года ново-построенная церковь оставалась неосвященной, пока в Колу – русскую колонию на Кольском полуострове – не прибыл иеромонах Илия. По просьбе Митрофана он освятил построенную церковь во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы, окрестил духовных чад Митрофана, а самого его постриг в монахи с наречением имени Трифон. Это совершилось 1

февраля 1533 года, и этот день считается датой основания Свято-Троицкого Печенгского монастыря.

Подобно большинству монастырей, Печенгская обитель переживала периоды расцвета и упадка. Царь Иоанн Васильевич Грозный особенно чтит преподобного Трифона, и, когда тот посетил Москву для сбора милостыни, царь пожаловал в обитель колокола и церковную утварь. Царевич же Феодор Иоаннович отдал с себя верхнюю драгоценную одежду, чтобы сделали из нее облачения для служителей. Кроме того, государь пожаловал обители обширные рыбные ловли для поддержки монастырского хозяйства.

Молодой и быстро растущий монастырь претерпел тяжелое разорение от шведов вскоре после кончины преподобного Трифона. В Рождественскую ночь 1590 года войска Юхо Весайнена вошли в обитель и жестоко расправились с братией и работниками, попавшимися им под руку в церкви, во дворе, в других помещениях монастыря. Спаслись от коварного злодеяния лишь братия, работавшие вне стен обители. Им пришлось предать земле останки святых мучеников, найденные на пепелище.

Олени упряжки – наиболее подходящий способ добраться до Печенгского монастыря

По повелению царя Феодора Иоанновича монастырь был перенесен в Кольский острог, затем, после пожара 1619 года, был построен заново близ города, за рекой Колой. В 1764 году монастырь упразднили. Лишь в 1886 году для восстановления древней обители из Соловецкого монастыря прибыли одиннадцать монахов. Но там, где прежде стоял монастырь, выросло поселение, жители которого не хотели оставлять обжитого места.

Церковь Рождества Христова Трифоно-Печенгского монастыря

И тогда произошло удивительное событие. На монастырские земли забрел медведь, чего на памяти местных жителей прежде не происходило. Но теперь, с самого Преображения, разъяренный зверь каждый вечер обходил поселок, истребляя коров, овец и всякий домашний скот. Убить медведя никак не удавалось. Тогда поняли, что он был послан преподобным Трифоном в напоминание о том, что жителям, по просьбе братии, надо без промедления переселиться в другое место и оставить бывшие монастырские земли инокам.

Наибольшего расцвета Печенгская обитель достигла в начале XX столетия. За двадцать лет монастырь был полностью восстановлен и стал во много раз богаче, чем во времена преподобного Трифона. Количество постоянных насельников, монахов и работников возросло примерно до двухсот человек. Благодаря упорному труду братии обитель на берегу Северного Ледовитого океана процветала. Сюда уже в 1911 году было проведено электричество. Кроме того, имелись телеграф и почтовая контора. Но важнее всего отметить, что обитель стала форпостом Православия на Дальнем Севере.

При монастыре действовал кирпичный завод. Было уже заготовлено более миллиона кирпичей для строительства новой церкви. Однако этот проект не осуществился. Началась Первая мировая война, и все работники, в том числе и послушники, были мобилизованы на фронт.

По Тартускому миру Печенгский монастырь отошел к Финляндии, а граница с Россией была закрыта. В обитель теперь уже не могли прийти послушники с Кольского полуострова и из Архангельской губернии, ее ждала та же печальная участь, то же вымирание, что и Валаамский и Коневский монастыри.

Вот в этот-то северный монастырь со скудеющей по численности братией и ветшающими строениями 19 октября 1921 года был назначен новый настоятель – игумен Иакинф.

В письме за 1922 год он описывает печальную картину

разорения обители: «Трифоно-Печенгский монастырь за последние годы, по случаю вначале реквизиций на военные надобности, а за ними смутного времени Руси, быстро истощался своим достоянием. Но малою семьею, по случаю мобилизации народа, упорно отстаивал жизненность от упадка прежних своих начинаний и свое существование. Так он в конце 1920 года пострадал от обирания его советской властью Руси: увезены в Мурманск все коровы – 24 головы крупной холмогорской породы, оставлено только 9 лошадей на конном дворе. Затем увезено большинство одежды, обуви и материалов для шитья, из портной и сапожной – 3 швейные машинки и много других крупных и мелких предметов хозяйственного инвентаря. Увезена обстановка настоятельских комнат, библиотека – более 1000 книг, граммофон, хорошая фисгармония, способствующая при обучении пения. Отобраны необходимые строительные материалы, и остаток их передан советской властью финнам. Осталось только, по распоряжению архангельского советского начальства, заделанное уже в ящики и приготовленное к вывозу церковное имущество, поэтому возможно совершать богослужения при приличной обстановке. Предполагалось закрыть монастырь и всех монашествующих увести в Мурманск, но это не осуществилось, мы остались на своем местожительстве, несмотря ни на что. Этот же вопрос был о нас и у финнов. С приходом к нам финнов у нас водворилась напоминающая прежнюю мирная жизнь. При этом мы ожидали, что будем сво-

бодны от дальнейшего безвозмездного обирания нашего достояния, каковое обирание последовало затем от финнов: так, ими безвозмездно взяты переданные советскою властью строительные материалы – 460 дерев леса, приготовленного уже монастырем и находящегося на месте стройки у р. Манны [...]. В верхнем монастыре взят штабель обшивочных и половых досок, затем 195 кубов сосновых чурбаков, заготовленных монастырем в урочище реки Овечьей, и много других материалов в нижнем монастыре. После всего этого правительством страны отдано все движимое имущество монастырю с правом собственности, а недвижимое, вопреки постановлению Православной Церкви в Финляндии, изданному в 1919 году, принято правительством в собственность гражданскую. [...] Причем нам оставлено из него для временного пользования – в верхнем монастыре земельный участок: в нем и около него 3 1/2 версты длины и 1 верста в ширину по обоим сторонам р. Печенги, тут же церковь в честь Сретения Господня и из зданий почти все жилые – 12, за исключением дома, занятого стражниками, и разных амбаров и нежилых построек в пользование монастыря – 14, а в нижнем монастыре оставлено монастырю два малых жилых помещения: келлии и дома с конюшней и право служить тут в церкви Рождества Христова только в два первые дня этого праздника [...]. Отошли финнам на пользование и владение принадлежащие монастырю Айновы острова, с которых был большой доход монастырю от сбора гагачьего пуха, яго-

ды морошки и сена. В настоящее время средства для существования монастыря приходится добывать усиленным физическим трудом. И если правительство страны не даст монастырю вознаграждений или денежного пособия за все полученное им от монастыря, то это будет ужасно скорбно для нас».

Церковь во имя святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Печенга

Настоятельство в Печенгском монастыре

Для самоо монаха Иакинфа назначение настоятелем Печенгского монастыря было большой неожиданностью. Прямо из простых монахов, не рукоположенного во священники, его посвятили в сан игумена с возложением золотого наперсного креста. Братия Валаамского монастыря тогда состояла примерно из пятисот монахов, в том числе иеромонахов было семьдесят пять и иеродиаконов тридцать пять. Многие из них были отмечены наградой – золотым наперсным крестом. Отец Иакинф сам себя считал ничем особо не выделявшимся, средним, и поэтому назначение вызвало у него удивление. И все-таки почему-то он побоялся отказаться от этого послушания.

Монах Валаамской обители Иувиан в письме настоятелю Коневского монастыря, игумену Амфилохию, делится своими впечатлениями по поводу проводов братии и вестями из разных монастырей, претерпевших гонение от большевиков: «Утром, 9 сего [1921] декабря, отец Иакинф с отцами Азарией и Аввакумом покинули родной Валаам, направив стопы свои в „страну забвенную и полуночную“. Отплыли они на почтовой лодке, а проводить их к Никольскому скиту собралось пять человек братии, именно: отцы Платон, Лука, Иувиан, Онуфрий и Пимен. Отъезжающие держались бод-

ро и старались не обнаруживать своего волнения. Перед отплытием отец Иакинф просил меня передать Вам поклон и просьбу молитвенно споспешествовать ему. Сердечно простившись с печенгскими отцами, мы помогли им погрузить в лодку их немногие вещи, и они отправились в свой далекий и неведомый путь. Стоя в лодке, они все время выражали нам свое прощальное приветствие. Взаимно отвечая тем же, мы долго стояли на берегу, пока лодка не стала затухать постепенно увеличивающейся далью. Не знаю, что испытывали в это время печенгские отцы, но наши чувства были грустные! Помогите им Господь Бог в их новом, трудном послушании в чужой обители!

Настоятель монастыря преподобного Трифона Печенгского игумен Иакинф

На все время путевого следования печенгские отцы молитвенно поминаются у нас за ранней литургией и на обоих молебнах у раки преподобных, это за исключением обычного поминовения. Во дни, предшествующие отъезду, отец Иакинф простился в трапезной с братией и просил святых молитв. Накануне отъезда им был совершен молебен перед ракой преподобных, а потом и некоторых избранных из братии он угощал чаепитием в монастырской гостинице. Вообще все время отец Иакинф держался удивительно спокойно, в глубочайшей преданности промыслу Божию. То же самое проявляли и его сподвижники. Для нас было чему подивиться и назидаться. Неожиданно вызванные к священству, все они служили очень хорошо и благоговейно. [...] С последней почтой у нас получено письмо из Харбина, от архимандрита Ювеналия, настоятеля Фаворской пустыни, что близ Перми. Сообщает, что все монастыри Пермской епархии разграблены и монашествующие разогнаны. В Харбине в настоящее время живут беженцев – три архиерея: из Оренбурга, Читы и с Камчатки, три архимандрита. В числе последних настоятель Абалацкого монастыря Тобольской епархии Мефодий Шлемин. Отец Ювеналий просится на Валаам на какое угодно послушание, но ему приходится отказывать, т. к. нет въезда в Финляндию. Наши иноки Уссурийского монастыря все

время живут под постоянным страхом большевистского нападения, часто подвергаясь опасности от партизан-разбойников. Помоги им Бог!»»

Игумен Иакинф на пороге храма Печенгского монастыря

Братия во главе с настоятелем Иакинфом за трапезой

В книге М. А. Янсона «Валаамские старцы», напечатанной в Берлине в 1938 году, приведены слова, показывающие тогдашнее настроение отца Иоанна. Он вспоминает, что принял назначение совершенно благодушно, волнений не испытывал. Для него самого это было удивительно, так как, по собственным словам, он был человеком от природы робким. Случалось, что, когда, придя из скита в главный монастырь, он подходил во время всеобщей прикладываться к Евангелию, его ноги слабели, голова начинала кружиться, так что он боялся упасть. Из-за этого он даже иногда не подходил к Евангелию. Но теперь, после назначения в настоятели, с отцом Иакинфом произошло нечто совсем непонятное: вместо

страха появились слезы.

На приготовление к длительному и трудному путешествию было отведено всего две недели.

На Валааме новому игумену посоветовали подготовить торжественную речь к братии и для этого предлагали воспользоваться услугами одного монаха, весьма искусного составителя подобных речей. Однако отец Иакинф решительно отказался заранее готовиться к выступлению...

Впереди лежала дорога на Дальний Север, занявшая семнадцать дней. Последнюю часть пути добирались на оленях.

В письме от 8 января 1922 года, отправленном на Валаам, игумен Иакинф описывает дорогу в Печенгу и то, как их встретила братия. «Сообщаю, что мы по милости Божией благополучно достигли Трифоно-Печенгского монастыря. Не зная финского языка, такой далекий путь совершили без всяких недоразумений. На конечной железнодорожной станции, в г. Улеборге, провели одни сутки, где местный священник принял нас очень ласково и написал нам дальнейший путь нашего следования. Его указания послужили на пользу.

Из Улеборга я известил печенгскую братию о своем приезде и просил встретить нас на лошадях, но так как в здешнем крае езда на лошадях очень затруднительна, то нас встретили на 14-ти оленях за 150 верст. В полдень 25 декабря, по старому стилю, подъехали к постоялому дому, в котором и встретили Рождество Христово. Навстречу нам выехал

иеродиакон Александр, богатырского телосложения, 48-ми лет от роду. Увидя его, мы весьма обрадовались и сердечно приветствовали. Попивши с ним вместе чайку, отправились в путь.

Постройки Печенгского монастыря и главный храм верхнего монастыря

Дорога была очень хорошая, снега немного, и ехать было очень хорошо. На пути, в одной лопарской хижине, я причастил запасными Святыми Дарами больную старушку, чем она была очень довольна. В этом пути одну ночь пришлось ночевать под открытым небом в тундре: разложили мы костер, вскипятили воду из снега, сварили свежих селедок, привезенных отцом Александром. Так и провели всю ночь у костра: рубили дрова и подкидывали в огонь. А олени

тем временем сами доставали себе пропитание из-под снега – мох, которым и кормились. Утром, в восемь часов, отправились в путь. Ехали опять тундрой. Тундра – это безлесное пространство, покрытое мерзлым мхом, растений никаких нет, местами есть только болота. Ехать пришлось высочайшим хребтом, очень неровным, длиной верст на 50 и шириной на 20. Десять верст поднимались все вверх и потом столько же вниз. Не доезжая до монастыря, остановились в небольшой деревушке, жители которой, чтущие преподобного Трифона, радушно нас приветствовали. Немного оправившись, поехали в монастырь, куда прибыли в 4 часа вечера 26 декабря. Меня прямо подвезли к игуменскому подъезду. Зайдя на краткое время в игуменские покои, я направился в церковь, где братия приготовилась уже к встрече. При моем входе надели на меня шелковую мантию и подали крест, певчие на хорах запели тропарь и кондак Рождеству Христову. Пели нотное. Приложившись к святому престолу и к мощам, по окончании ектеньи я сказал без всякой подготовки, экспромтом, следующее приветствие: „Здравствуйте, святые отцы и братия! Поздравляю вас с высокочтожеством праздником Рождества Христова. Очень жаль, что мне не пришлось вместе с вами праздновать первый день праздника. По вашей просьбе я прислан к вам настоятелем и со мной еще два иеромонаха: отец Азария и отец Аввакум. По силе моей и данным мне Господом способностям буду трудиться во благо святой обители и вас прошу, святые от-

цы, помогайте мне как в трудах, так и в советах“. При этом некоторые из братии ответили: „Будем трудиться и помогать вам“.

„Главная цель монашеской жизни – развитие духовной жизни и достижение христианского совершенства. Прошу вас, святые отцы, будем все мы стремиться к тому, чтобы между нами была любовь, мир и согласие. Еще прошу вас, будьте снисходительны ко мне, если при службе моей будут какие-либо ошибки. [Прошу об этом] потому, что в сан игумена я посвящен из простых монахов и пришлось мне отслужить только одну седмицу“.

После моего приветствия иеромонах Иона сказал: „Прости нас, мы люди простые, в ответ не можем ничего сказать“. После всего этого приветствовав всю братию в уста, мы отправились в игуменскую келлию. Кроме нас, приезжих, туда пришли казначей, ризничий иеродиакон Леонид и еще несколько иноков. Самовар был уже готов, подали к столу пшеничные пироги с рисом и семгой и ватрушки с творогом. За чаем любезно и по душам поговорили. Затем нам предложили сходить в баню, именно для нас приготовленную. На другой день, по случаю нашего прибытия, не работали, были в церкви. После литургии мы отслужили молебны Божией Матери и преподобному Трифону. По окончании обеда в трапезной было прочитано письмо от Преосвященного Серафима к печенгской братии, а я рассказал о нашем путешествии. Печенгская братия очень рады нашему прибытию,

относятся к нам с уважением. Продовольствие братии хорошее, пища тоже хорошая: на холодное подают треску с картошкой, иногда селедки жирные, иногда семгу, щи с трескою и еще кладут какую-то рыбу, уха из свежих сельдей, каша бывает или гречневая, или пшенная, или геркулесовая; в ужин то же, что и в обед, кроме каши. Чай получают по полфунта на месяц и одно кило сахару, булки получают каждый воскресный день и в праздники, также и просфорки. Сельди и теперь ловятся. Местность очень красивая, монастырь находится как бы немного в низине, а вокруг – высочайшие горы, точно ограда. Близ монастыря есть замечательная гора, называемая Спасительною, на ней, по преданию, преподобный Трифон укрывался от преследования языческих жрецов. Высота этой горы 80 сажен. Климат здесь хороший. На Валааме нам говорили, что в Печенге болеют цингою, но оказалось наоборот: сюда даже приезжают лечиться от цинги. Говорили еще, что ночь здесь длится три месяца, и это тоже неправда: только день бывает несколько короче. Мы приехали в самые короткие дни и заметили, что продолжительность самого короткого дня – пять часов, так что в течение двух часов можно читать без огня.

Церковная служба отправляется исправно, поют хорошо, напев соловецкий, обедня совершается ежедневно. С Божией помощью я начинаю входить в курс дела. Келейничает мне келарь, инок 48 лет. Игуменская келлия хорошая: два зала довольно большие, спальная комната и еще две кел-

лии, в одну из них поместил отца Азарию. Жизнь-то наша какая изменчивая! Из темной Предтеченской келлии – и вдруг очутился в больших помещениях с двенадцатью окошками! Здесь принято так: когда служит игумен, то делают ему встречу и надевают шелковую мантию. Хотел было я отменить встречу, но мне сказали: не надо отменять, пусть будет по-старому.

Здесьшний письмоводитель знает свое дело хорошо, от роду ему 60 лет, но в мантию не пострижен. Кроме него, есть еще несколько человек, которые долго живут в обители, но в монашество не пострижены. Всех таких я намерен постричь Великим постом.

Благодарение Богу, жить пока можно хорошо. Деньги, взятые мной с Валаама на проезд, возвращаю с благодарностью. Проезд нам обошелся в девять тысяч марок. Спаси Господи печенгских иноков, выдали деньги для отсыла не морщась, с благодарностью. Своих оленей в монастыре нет. Для встречи нас наняли и уплатили за 14 оленей три тысячи марок. Братия здесь простенькая: труженики и ревнующие о церкви. Некоторые называют меня Ваше преподобие, под благословение подходят несколько раз в день.

Мои сотрудники пока благодушествуют. Им нравится здесь как церковное пение, так и все прочее. Прошу передать от меня земной поклон всей боголюбивой валаамской братии и предтеченским моим сподвижникам. Смиренно у всех прошу святых молитв.

Нижайший послушник игумен Иакинф с братиею».

Игумен принял монастырь по-простому, ничего не проверяя. По его словам, братия отнеслись к нему очень хорошо, и он, с Божией помощью, стал понемногу привыкать на своем новом и столь ответственном послушании.

Вскоре настоятель стал замечать, что печенгские иноки получили лишь формальное духовное образование. В церковь они ходили редко, писания святых отцов не читали. Игумен Иакинф старался объяснить им цель монашеской жизни, советовал изучать святоотеческие творения. Некоторые последовали этому совету, стали прилежнее посещать службы, углубились в чтение.

28 марта 1922 года игумен Иакинф пишет монаху Валаамского монастыря Иувиану: «Пока, по Божией милости, помаленьку привыкаю, внимательно всматриваюсь в братию и приспосабливаюсь к ихнему порядку. Нежелательно что-либо нарушать усвоенного ими. Как говорится, в каждом монастыре свой устав, и новшеством только можно возмутить братию. Я подметил, что устройство у братии внешнее, материальное; воспитаны на физически трудовых работах, церковь и духовное развитие на втором плане. По долгу моего послушания, что будешь делать, приходится и на пользу сказать братии. В Крестопоклонное воскресенье, после обеда, в трапезе сказал братии следующее: „Желающие могут причащаться Святых Таин почаще“. Затем [указал на то], чтобы ходили в церковь, и посоветовал побольше читать свя-

тоотеческие книги, объяснил важность безропотного послушания, подтвердил [свои слова] из святоотеческих писаний. В заключение сказал: „Нам нужно искать прежде всего Царства Небесного, а остальное все приложится [см.: Мф. 6, 33] по словеси Господню“. Оказывается, что учить других словом не трудно, но самому жить духовно и учить примером, увы, тяжело.

Игумен Иакинф у могильного креста архимандрита Ионафана (Баранова)

Отец Азария выбран братией духовником, энергично проходит новое послушание, умудри его, Господи. Оказался

вполне способным. [...]

Отцу Аполлинарию потрудись объяснить следующее: у нас в монастыре нет лишних средств, чтобы выслать ему на путевые расходы, притом же у нас в монастыре зарплату рабочим [платить] не требуется, особенных работ нет, справляемся сами. Местное население бедное и редкое – тоже заработков не имеют. Я ему советую жить на Валааме, и пусть он подклонит волю свою под иго послушания. Именно только путем послушания и может инок приобрести внутренний покой. Безропотное послушание – это самое лучшее средство ко спасению. А если кто приедет на свои средства, другое дело, можно принять, пусть едет, приму. Дорога от Сердоболя до Рованеми (железная дорога) стоит 200 финских марок, от Рованеми до Ивало на моторе – 300 марок, а от Ивало до монастыря придется идти пешком 200 верст, дорога затруднительная, потребуется порядочно марок на путевые расходы.

Я знаю отчасти отца Аполлинария, ему советую с Валаама не уходить».

Своими первыми впечатлениями о том, как проходит их пребывание на новом месте, игумен Иакинф делится в письме к настоятелю Валаамского монастыря игумену Павлину от 28 марта 1922 года: «Всечестнейший и добрейший о Господе о. игумен Павлин!

Послание ваше, посланное 15 февраля, я получил 22 марта. Очень мы, валаамцы, в особенности я, были рады о по-

лучении дорогой весточки из родной нашей святой обители. С большим удовольствием мы прочитали, сердечно благодарим вас за мудрые духовные наставления. Также очень благодарны вам, что вы нам сообщили из писем отцов игуменов Сергия и Владимира и иеромонаха Галактиона. Я в этот же день вечером после ужина в трапезе поделился со всей братией полученными от вас сведениями и попросил помолиться как за вас, так за и отцов игуменов Сергия и Владимира.

На вашу просьбу о текущей нашей жизни отвечаю с любовью. Церковная служба совершается ежедневно по уставу сполна регентом-уставщиком, он же и гостиник, иеродиакон Леонид, голос хороший, ревнующий о церковной службе и знаток пения, ему помогают и другие иноки петь и читать, поют хорошо. Работа начинается с 6 утра, обед в 10 часов, чаепитие в 2 часа, после чая работают до 5 часов. До нас работали до 6 вечера, я часик убавил и попросил братию, чтобы ходили в церковь к вечерне, вечерня кончается помянником, молитвы на сон грядущим читаем в трапезе после ужина. Полунощная в 3 часа, обедня в 6 часов, а в праздники в 7 часов, на воскресенье и праздники малая вечерня в 3 ^{1/2} часов, бдение начинается в 6 часов, ужин после бдения. Вот таким образом, как колесо, катится наша жизнь к вечности.

Гора Спасительная и постройки Печенгского монастыря

Мои сотрудники, отцы Азария и Аввакум, спаси их Господи, служат примером для печенгской братии, выстаивают полунощницу и утреню, попивши чайку, идут дрова пилить, колоть и укладывать. Отец Азария выбран братией духовником. На 1-й неделе Великого поста исповедовалась вся братия уже у нового духовника. Очередную седмицу я тоже служу, в воскресенья и праздничные дни служим собором.

Игумен Иакинф с братией Печенгского монастыря

Я, по Божией милости, привыкаю, все всматриваюсь, дождаю настоятельских скорбей, сознаюсь, не обладаю от природы хорошим умом и сообразительностью, только надеюсь на Господа и Его святое милосердие, пусть Он управляет, как хочет, по Своей благодати. Руководствуюсь книгою преподобного аввы Дорофея, вся книга хороша, там есть наставления и настоятелю весьма назидательно, и прочие книги читаю святых отцов. Духовно-нравственные книги разных содержания большевики не взяли, взято ими: светские книги – 1000 экземпляров и еще много разного имущества,

несколько перечислю: 24 коровы, 5 лошадей, 130 оленей, трески соленой 25 бочек по 25 пудов в каждой бочке, кирпича 150 тысяч, с гостиной всё обрано – тюфяки, одеяла, посуда, подушки, 5 швейных машин, сукна серого 100 аршин, пряжи 16 пудов, оленьих шкур 28 штук, тюленьих шкур 40 штук, керосину 300 пудов, самоваров 15 штук, скатерти, полотенца, тулупы, рясы, теплые сапоги, вообще, что в рухальной было хорошее, все взяли, оставили только худое, еще уцелело, что только было спрятано. При сдаче Печенгской местности Финляндии большевики хотели окончательно все увезти из монастыря, и монахов – в Мурманск, но не успели это сделать, скоро заняли эту местность финны. Церковное имущество было увезено на 20 верст большевиками, но вернули обратно. После такого грабежа недолгое время печенгская братия жила спокойно, последовало отбирание имущества финнами. Отошло во владение правительству следующее: нижний весь монастырь, большой двухэтажный корпус, гостиная, кладовые, конюшня, кузница, лесопильный завод с электрическим двигателем, церковь. Нам разрешено служить только два раза в год, в память избиения братии шведами, и еще много домов и сараев отобрано финнами. Подробное описание, написанное письмоводителем, прилагаю. Спасибо, урезали хорошо, умеют делить. А вознаграждения за отобранное имущество у монастыря, нам местное финское начальство сказали, что не будет. [...]

О Соловецком монастыре сообщаю следующее: прошлый

год были люди в Печенге из г. Архангельска, говорили, что в Соловецком монастыре сделана ссыльная тюрьма, управляется монастырь комиссаром, настоятель и соборные в количестве восьми человек увезены в Архангельск в принудительные работы, и 80 иноков взяты на войну. В данное время как там живут иноки – неизвестно, комиссары держат в большом секрете. Когда пароход приходит из монастыря в г. Архангельск, на пароход никого не пускают, комиссар и еще четверо с ним идут в город, берут, что им нужно, и уезжают обратно.

Выше всего прописанного в заключение скажу: ничего, еще жить можно, кое-какие есть средства, если не будет еще грабежа от иноплеменников. Оказывается, Иакинфу игуменство-то на пользу, лицо стало покруглее и ручки попухлее. Живется не как на Предтече [имеется в виду Предтеченский скит].

Земно кланяюсь всем соборным, письмо прочитаете, наверное, во время чая, приятно кушать. Отец эконоом, наверное, на Предтече безмолвие водит, передайте ему поклон. Не пожелает ли он к нам на Печенгу? Места-то для безмолвия очень удобные здесь, пять пустынных келлий, есть свободные, на выбор может занять. Вот что маленько может страшить – медведи у нас есть. Зимой их не видно, в берлогах лежат, а летом можно наткнуться на него. Но пустынники не должны бояться медведей.

Простите, писать-то не мастер, не логично выходит.

Впредь намерен я вам писать и вас прошу, не отказывайте нам возвещать нам о дорогом Валааме.

Пребываю сомолитвенник ваш игумен Иакинф с братией».

О состоянии монастырского хозяйства на первых порах настоятельства игумена Иакинфа можно судить по его письму, направленному 4 июня 1922 в Финляндский Монашеский Совет:

«Уведомляем вас, что вследствие смутного времени Руси в 1919 и 1920 гг., реквизиций и несуразного пользования монастырским достоянием другими не было возможности правильно вести порядок записей по монастырским отраслям хозяйства, а затем в конце 1920 г. монастырь был обобран русской советской властью и остался с почти пустующими продовольственным и рухлядным амбарами – с небольшим количеством одежды и обуви у каждого из братии монастыря и с небольшим же остатком строительных материалов, каковой затем был взят финляндцами. Поэтому, не имея основательных документов, сведений за это время по хозяйствам представить не можем. [...]

Жизнь монастырская началась вновь с введением по возможности хотя сколько-нибудь порядка по хозяйствам с вступлением монастыря во владение Финляндии в начале 1921 г., за каковой год поступило финляндскими деньгами: [приводятся суммы поступлений за 1921 и 1922 гг.]. Причем приход сумм за 1921 г. получился большею частью за про-

данную монастырем, полученную из Америки подошвенную кожу – 76 880 марок (каковой доход временный, за постоянный считать его нельзя), затем за подводы на лошадях, от продажи в силу необходимости сена и, наконец, личного заработка монашествующих финнов. Расход за 1921 г. был почти только на приобретение продовольствия, а в настоящее время необходима покупка одежды и обуви и предметов, утраченных монастырем при обирании его.

Монастырь существует в настоящее время на усиленные труды всего личного состава братства. [Монастырь] возбудил ходатайство об уплате ему хотя сколько-нибудь за взятое у него недвижимое и движимое имущество Финляндским правительством. И если это не будет уважено правительством, и будет продолжаться еще реквизиция монастырского достояния и коснется в виде налогов, усиленным трудом добываемых только для текущего содержания сумм, то все это повлечет к упадку и еще большей трудности жизни монастыря».

Первые годы для нового настоятеля были особенно трудными во всех отношениях. И материальное положение обители, и, в первую очередь, духовное состояние братии глубоко удручали игумена. Очень уж отличалась подвижническая жизнь Валаамского и Печенгского монастырей. Воспоминания о любимой обители преподобных Сергия и Германа на Ладогe не отпускали отца Иакинфа. Истинным бальзамом на душу Печенгского игумена были весточки из родной обите-

ли, как, к примеру, предпасхальное письмо настоятеля Валаамского монастыря игумена Павлина от 7 апреля 1922 года:

«Честнейший о Господе, достойнейший о. игумен Иакинф, со всей о Христе братией Трифоно-Печенгской обители, радуйтесь о Господе!

Совершив душеполезную и спасительную Четыредесятницу и вступая ныне в поприще святых страстей Христовых, братски приветствую Вас со всей о Христе братией обители вашей со Светлым праздником Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, сердечно и молитвенно желая встретить и провести это всерадостное христианское торжество в мире и утешении духовном.

Ежегодно, когда в Святую Пасху начинается в храме Божиим торжественное и взаимное пасхальное приветствие, тогда помяните, что и все мы – собратия ваши о Воскресшем Христе и как духовные чада единой по духу Валаамской обители заочно приветствуем каждого из вас всерадостным приветствием: „Христос воскрес!“ В этих двух словах – вся сила веры нашей. В этом кратком приветствии заключается величайшее значение, непреодолимая сила, победный клич окончательной победы жизни над смертью. *Если Христос не воскрес*, – говорит апостол, – *то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша* [1 Кор. 15, 14]. Если бы Христос не воскрес, если бы Каиафа оказался правым, а Ирод и Пилат мудрыми, тогда мир был бы бессмыслием, царством зла, обмана и смерти. Если бы Христос не воскрес, то кто бы мог

тогда воскреснуть? Но Он **ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!**

Истина Христова Воскресения есть истина всецелая, полная, всеобъемлющая, не только истина веры, но также и истина разума. Потому-то божественный Златоуст в своем огласительном слове, в этом победном пасхальном призыве от времен древнейших и до наших дней, свидетельствует: „Воскресе Христос, и низложися ад! Воскресе Христос, и падоша демони! Воскресе Христос, и радуются ангели! Воскресе Христос, и попрося смерть! Воскресе Христос, и воцарися жизнь!“

Посему, дорогие и родные нам по духу отцы и братия святой Трифоно-Печенгской обители, пребудем во всю нашу жизнь достойнейшими Христова звания: будем жить Христом Спасителем нашим и радостью Его Воскресения! Не будем приобщаться той духовной смерти, какую видим теперь вокруг нас. Не будем смущаться грозными знаменьями нашего времени. Не будем устрашаться гонительства врагов Креста Господня, ибо злоба нынешних времен – ничто в сравнении с вечною победою Господа нашего Иисуса Христа, умертвившего смерть и даровавшего нам жизнь! Жива Христова Церковь и навеки неодолима, в крепком единении с ней будем живы и мы, грешные и недостойные ея чада!

Облобызав всех вас, любезнейшие отцы и братия, святым Христовым лобзанием, нахожу необходимость побеседовать с вами о текущих событиях жизни. Посланная вами святая икона преподобного Трифона, Печенгского чудотвор-

ца, с несколькими небольшими образками, получены здесь в сохранности. Наши отцы, получившие от вас образки, благодарят за память. 17 минувшего марта вам послан казенный пакет за № 291, заключающий в себе книги валаамского издания, с описанием нашей обители, и два альбома – видов и мастерских Валаамского монастыря. Примите все это от нас в подарок и в молитвенную память о своей духовной родине.

Сообщаю про себя, что великой милостью Божией Господь хранит нашу обитель. Братия наши живы и здоровы. Усердно трудятся все, каждый в своем служении. После вашего отъезда у нас отошли в вечность: монах Наум, монах Агапит, схимонах Макарий и иеросхимонах Антонин Хлопинский. Кроме того, в России скончались: иеромонах Кирилл Зигфрид, живший ранее на Предтече, иеродиаконы: Иануарий и Епифаний и м. Феона. На днях нашу обитель посетил владыка-архиепископ Серафим и посвятил во пресвитера иеродиакона Андрея.

Недавно я удостоился получить собственноручное письмо святейшего отца нашего Патриарха Тихона, следующего содержания: „Всечестный о. Игумен! Приветствую Вас с днем Ангела Вашего и молитвенно желаю Вам здравия и спасения. Сегодня имел утешение служить Литургию, а накануне все-нощное бдение в храме Вашего подворья в Москве. Молились о Вас, и трапезовал у отца Галактиона. Служба и порядок хорошие. Молящихся было много. Призываю на Вас Божие благословение и прошу Ваших святых молитв. Ваш по-

слушник и благожелатель Патриарх Тихон. 23 января/5 февраля 1922 г. Москва“.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев)

Отец Галактион сообщает, что при служении у нас на подворье Патриарха служба происходила очень торжественная, некоторые стихиры и величание были добавлены нашим преподобным. Владыка Патриарх остался очень утешен, что спустя после этого несколько дней отец Галактион был у Святейшего по делам и удостоился чести быть приглашенным к чайному столу Патриарха.

Кроме Московского подворья, получены письма из ПТГ. [Петрограда.] Братия все живы и благополучны, за исключением отца Стефана, которого советская власть арестовала за купленное им гарное масло, которое оказалось потом краденым. Как удастся отцу Стефану выйти из этой беды, не знаю. В России невероятный голод, сильнее, чем при Борисе Годунове: по Волге целые селения вымерли. С ужасом ожидают весны, когда голод усилится. Цены на все с каждым днем повышаются, а советские деньги падают. Теперь, например, один миллион большевистских денег равняется двадцати финским маркам. Один Бог ведает, что таится в недрах будущего нашей дорогой Родины?..

Праведник нашего времени отец Иоанн Кронштадтский в одном из последних своих творений говорит: „Всеблагое Провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует ее и ведет к возрождению. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искус-

но, премудро, метко кладет на свою наковальню всех, подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись и плачь горькими слезами пред твоим Небесным Отцем, Которого ты безмерно прогневала!“ Дай Бог, чтобы эти слова отца Иоанна, дышащие надеждой на лучшее будущее России, оправдались.

В заключение сего послания низко кланяюсь Вам, дорогой отец Игумен Иакинф, и честным отцам нашим: Азарии и Аввакуму и всей христоролюбивой братии Вашей. Взаимно прошу Ваших святых молитв. Остаюсь с искреннею любовью во Христе, Вашим всегдашним собратом и сомолитвенником [игумен Павлин]».

Крестный ход в Печенгском монастыре (игумен Иакинф в центре на ступенях храма)

У отца игумена Иакинфа тоже была потребность поделиться с валаамскими братьями своими заботами, поблагодарить их за участие и внимание. Он пишет 6 октября 1924 года монаху Иувиану:

«Честнейший о Господе о. Иувиан. Ваш пакет, посланный 18 сентября, я получил 1 октября, сердечно вас благодарю за все. За беспокойство прости, что я все тебе докучаю своими разными просьбами. Еще прошу: потрудись узнать, нет ли где в Финляндии в каком-нибудь городе кос (горбуш). Если найдутся таковые, сообщи нам адрес, тогда мы сделаем заказ. Горбуши нам очень нужны: старые совершенно издержались, совсем, так что на будущее лето нечем косить будет, а другими косами (стойками) наши иноки не умеют косить. Инока Рафаила я что-то не знаю, где был он на послушании и какое его мирское имя. Где живет иеромонах Нифонт? Что-то о нем не слышно ничего. Он прислал мне крестики и календари еще зимой, но и по сие время не присылает счета на них. Вашему авве Павлину везет – крест с украшениями получил. Наверное, очень красивый. А когда надевает он этот крест? А ты, честнейший, и не сообщил нам об этой вашей радости. Сообщаю тебе, друже, пока секретно. Отец Азария очень тяготится житием в Печенге. В начале сентября этого года собрался уже ехать на Валаам без всякого разрешения

и вещи некоторые сдал. Но пока остался до весны, весной хочет ехать непременно. Но я не намерен задерживать его, пусть идет с Богом. Его тяготит, как я полагаю, духовничество, не может переваривать.

Однажды я в скорбную минуту и свободное время, перебирая письма с Валаама, рассматривал содержание их. Приковало мое внимание твое письмо, писанное в 1922 году, в котором помещены выдержки из писем епископа Игнатия [Брянчанинова] скорбящему игумену Дамаскину. Действительно золотые слова, которые вытекали из опытного, духовной мудрости, сердца. Прочтя их в утешение себе, я не мог удержаться от слез, так они повлияли на меня. И тобой метко и прозорливо было выражено: „Все это предлагаю Вашему вниманию в уверенности, что в свое время Вы помянете приведенные слова владыки Игнатия“. Да, я поминаю, даже неоднократно. Шлю сердечный поклон с благодарностью.

Признательный игумен Иакинф».

Игумен Иакинф тосковал по Валааму. Со временем «прибавились кое-какие неприятности», тогда он объявил братии, что хочет вернуться в родную обитель. В письме игумену Павлину он так рассказывал о происшедшем: «12 октября вечером после ужина монах Алексей сказал, что мне не нужно было принимать на жительство в монастырь лопаря. На это я сделал отцу Алексею строгий выговор и говорил ему настолько внушительно, что многие из братии слышали. На следующий день в трапезной после обеда я сказал братии,

чтобы они не расходились. Все, что поднакопилось у меня сказать им, думаю, кстати все выскажу, и сказал следующее: „Святые отцы и братия! Слава Богу, покос закончили, пожню разделали и прочие летние работы справили успешно и благополучно. За все ваши труды спаси вас Господи, трудились хорошо. Теперь мы только своими трудами и существуем, доходов со стороны нет. С окончанием летних трудов, теперь прошу вас, ходите в церковь почаще; очень редко ходите, точно миряне: ходите только по воскресным дням, надобно ходить и на буднях“. Затем стал говорить громко и отрывисто: „Святые отцы! Скорблю и скорблю о том, что вижу среди братии упадок духовной жизни. В доказательство этого привожу следующие случаи. Отец Анатолий бранился при всех матерной бранью, а когда духовник сделал ему замечание, Анатолий сказал: ‘Молчи, а то и тебе то же будет!’ Отцы! Что тут духовнику оставалось сделать? А то, что кулаком слезы утереть и уйти с покоса. Он так и сделал: кулаком слезу утер и удалился с покоса. (При этом духовник, находившийся тоже в трапезе, заплакал.) Далее: казначей продал малинку, у игумена не благословился и сараюшку стал строить, тоже без благословения. Отец эконом стал разделявать пожню, тоже не благословился. Есть и другие подобные самочиния. Так поступать нехорошо. Вы позабыли, что я игумен и с властью, и всякая власть от Бога: кто противится власти, тот противится Богу. Отчего это так стало и кто же в том виноват? Виноват игумен, ибо я слабо управляю вами.

(Далее начинаю тихо:) Святые отцы, я сознаю себя, что я не на своем месте нахожусь и затрудняюсь настоятельствовать, прошу вас: выберите себе другого игумена, а я уезжаю на Валаам, советую выбирать из своей братии, ибо с Валаама едва ли прищлют, да и не поедет никто“. От такой неожиданности братия осталась на своих местах в недоумении.

Когда я возвратился к себе в келлию, то конюх прибежал ко мне побледневший, я повторил, чтобы он запряг лошадь, и он побежал молча. Затем прибегает письмоводитель, расстроенный, и заплакал, стал просить у меня, чтобы я не уезжал на Валаам, тут с ним сделалось худо.

Игумен Иакинф с братией Печенгского монастыря

Лошадь наконец подана, и я уехал к отцу Пармену на электрический завод. По приезде на завод я позвал отца Азарию к телефону и спрашиваю его: как там братия? Он ответил: приходили шесть монахов со словами и просили, чтобы я не уезжал на Валаам. На второй день я позвал к телефону иеродиакона Леонида, узнать от него о настроении братии. Он ответил: „Мы все у вас просим прощения и просим не уезжать от нас, сегодня ждем вас“. Я ответил, что приеду завтра.

Приезжаю обратно на третий день в два часа дня и прямо на конюшню, лошадь по обыкновению убрали. Иду мимо коровника, старший кричит мне: „Батюшка, зайдите с дорожки-то, молочка попить“. Я говорю ему: „Да ведь сегодня среда“. А он отвечает: „Ах, право, я совсем растерялся и дни-то позабыл“. Затем одумался и говорит: „Да нет – сегодня четверг, утром молоко раздавал“. Тогда я велел принести мне молока в келлию.

Игумен Иакинф – настоятель Печенгского монастыря

Только что вошел я к себе в келлию, приходит отец Азария и со слезами на глазах говорит мне, что почти все из братии приходили, многие со слезами заявляли: „Будем просить, чтобы игумен не уезжал, и как только возвратится он из нижнего монастыря, мы соберемся в трапезной, куда пригласим также и его, упадем ему в ноги и будем просить прощения“. Затем пришел отец Леонид и рассказал много интересного, что происходило в это время в братии. Попало более всех отцу Алексию, называли его красным игуменом и говорили: „Батюшка, благослови“. Келарь отобрал у него медный таз, сказав при этом: „И самовар отберу“. И среди прочей братии происходило много трогательного, ходили все грустные и ждали моего возвращения.

Когда я возвратился в монастырь, то об этом скоро узнала вся братия. На ужин собрались все, за исключением только двоих. Казначей сказал: „Как только отужинаем, я пойду за отцом игуменом и приглашу его в трапезу. И как только он войдет, упадем ему в ноги и попросим прощения“. Но я, не дожидаясь прихода к себе отца казначея, направился в трапезу, где заканчивали молитву. При входе моем в трапезу казначей упал мне в ноги и стал просить прощения, и прочие братия то же намеревалась сделать. На это я заметил им, что кланяться мне не нужно, и просил их успокоиться. В трапезе стало тихо. Тут сказал я следующее: „Отцы и братия! Какая

у нас случилась внезапная буря и ударил гром, так что все мы растерялись и пришли в недоумение. Я тоже недоумеваю от такой неожиданности. В чем же дело? Может быть, подумаете, что виноваты в этом казначей, или эконом, или отец Алексей, ибо о них я упомянул третьего дня в трапезе? Но нет, виноваты не они, а враг рода человеческого: он вмешался в наше мирное житие и возмутил всех нас. Хотя он и ранее понемногу возмущал: то гнев наведет, то вражду вызовет среди братии, недавно отца духовника расстроил, и он хотел убежать на Валаам. Но это ничего, без этого не обойдешься. В этой временной жизни мы, как в телеге, едем: то на камешек колесом наедешь, то на кочку попадешь, а иной раз и в ухаб въедешь так, что камилавка на голове встряхнется. Но враг очень искусен в духовной брани и, как опытный воин в бою, старается прежде всего поразить начальника, чтобы расстроить его подчиненных. Так случилось и у нас. Враг поразил мое сердце печалью, унынием и тоской о Валааме, моей духовной родине. Там, думал я, есть духовные старцы, с которыми очень хорошо можно поделиться в скорбную минуту; там удобнее проводить иноческую духовную жизнь, ибо в этих отношениях Валаам мне известен хорошо. Вот и стал я подумывать, как бы туда ускользнуть, а к этому еще прибавились кое-какие неприятности, и я решил ехать. Но вы оказали мне любовь и расположение и просите меня остаться. Я остаюсь ради вас, мне вас жалко, и свои интересы я не соблюдаю: живу просто и стараюсь по возможно-

сти нести ваши немощи. Денег не коплю, да и зачем эту обузу брать себе на душу: монах-сребролюбец не верит в Божий промысл. Недавно взял у отца казначея 300 финских марок на расходы, вот и все мои деньги“.

Затем я спросил: „Отец Анатолий здесь?“ Он стоял в коридоре и ответил: „Здесь“. – „За оскорбление духовника публично, – сказал я ему, – проси у него и прощение публично“. На это Анатолий сказал: „Извиняюсь“. Я опять заметил ему: „Не ‘извиняюсь’, а иди поклонись ему и скажи: ‘Прости ради Бога’“. Он не идет. Тогда другие иноки сказали: „Притащите его сюда“. Отец Леонид стал тащить, но он крепко уперся, отец Леонид отпустил его. В это время духовник сказал во всеуслышание: „Святые отцы, отец Анатолий не хочет смириться, выслать его вон из монастыря“. Тут я возразил: „На этот раз простим, а если впредь повторится его грубость, тогда вышлем его вон из монастыря, как негодного человека, чтобы и других не заражал. Еще я слышал, как он хвалился: ‘Если вздумают меня выслать, тогда пусть обеспечат средствами’. Да я тебя обеспечу! Старичок ты, что ли, сам зарабатывай, есть кого нам обеспечивать, так это тех, которые не способны к труду. Я объясню правительству условия нашей жизни, тогда узнаешь, как тебя обеспечат“. Затем обратился к братии: „Святые отцы и братия! Будем полагать начало жить получше, в церковь ходить почаще да Богу молиться побольше. Не надо на церковь глядеть как на что-то ненужное, без церкви и работа впрок не пойдет. Ес-

ли мы Бога забудем, тогда и Бог от нас отступится, и мы все пропадем. Нам надобно иметь больше любви, приспособляться один к другому и нести немощи, игумен – ваши, а вы – игуменские. Я иногда и думаю держать вас поостроже, да жалко: скорби у всех есть. Вот так подумаешь, пожалеешь, иногда поплачешь и помолишься, ну и попустишь по своей слабости – без наказания. Теперь, надеюсь, что вы исправитесь и исполните обеты, данные при пострижении по отношению к игумену“. В заключение сказал: „Сегодня вместо правила пропойте тропарь преподобному Трифону и ‘Достойно есть’“. Все это пропели торжественно. Потом, взявши крест, произнес отпуст. Братия прикладывались ко кресту, а певчие пели стихиры кресту и разошлись по келлиям мирные и веселые. Когда я пошел, то заметил на глазах у некоторых из братии слезы, которые говорили: „Ну теперь слава Богу!“ Отец Феодорит держится за сердце да и говорит: „Слава Богу, а то все сердце у меня изболело, и я эти ночи не спал“.

Наутро братия вышли на работу успокоенные. Слава Богу, обитель умирилась!

Все это происшествие я записал при свежей памяти, экспромтом на следующий день.

Прошу святых молитв. Убогий игумен Иакинф.

Трифано-Печенгский монастырь, 18 октября 1924 года».

После этой «бури» отец Иакинф настоятельствовал в Печенгском монастыре еще восемь лет. Лишь в октябре 1931

года он, по собственной просьбе, был освобожден от должности настоятеля. Весной следующего года он вернулся на Валаам и был направлен на проживание в уже знакомый ему скит Иоанна Предтечи.

В Предтеченском скиту

В четырех верстах от главного Валаамского монастыря, на крутом скалистом острове находился скит Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Существует предположение, что уже с давних пор на этом суровом острове жили подвижники, может быть, уже со времен основания Валаама. В начале XVII века шведы разорили главный монастырь, и спустя некоторое время, когда настало затишье, некоторые из оставшихся в живых монахов вернулись на Валаам. Есть сведения, что они вели тихую подвижническую жизнь именно на острове святого Иоанна Предтечи. Еще в середине XIX века здесь можно было увидеть развалины их скромных жилищ.

Большинство уцелевших от разгрома братий бежало в город Старая Ладога на юго-восточном берегу Ладожского озера. По повелению царя Михаила Феодоровича в распоряжение братии был предоставлен находившийся в городе Васильевский монастырь. Здесь валаамские иноки построили скромную деревянную церковь, освященную в честь Преображения Господня.

Более двухсот лет спустя по возобновлении Валаамской обители игумен-строитель Дамаскин перевез этот ветхий, но драгоценный для истории монастыря деревянный храм на Валаам. Он был восстановлен на Предтеченском острове.

По сохранившимся описаниям, внутреннее убранство храма было крайне просто, но вместе с тем изящно. Деревянная часть иконостаса – из украшенной резьбой сосны. Иконы написаны в старинном стиле. Бревенчатые стены не были ни облицованы, ни покрашены.

Иноки перед входом в скитскую церковь на острове святого Иоанна Предтечи. Слева направо: наместник иеромонах Исаакий, настоятель на покое архимандрит Павлин, келей-

ник настоятеля рясофорный монах Марк (Шавыкин), настоятель игумен Харитон, схимонах Пионий, схиигумен Иоанн и водитель моторной лодки иеродиакон Рафаил

Монахи в саду Предтеченского скита

Внутренний дворик скита Иоанна Предтечи

Кроме храма, на острове построили небольшой дом по старинным обычаям, в котором жили скитяне. Во дворе имелся колодец. Все три сооружения: храм, дом и колодец – были обнесены дощатой оградой. Перед церковью разбит был небольшой сад с яблоневыми деревьями и ягодными кустами. По всему острову с течением времени были построены скромные бревенчатые келлии для пустынников.

Скит Иоанна Предтечи предназначался для тех, кто избрал для себя более суровый образ подвижничества. Поэтому и пост там соблюдался строже. Такие продукты, как молоко, масло и яйца, там никогда не употребляли в пищу. Не благословлялась также рыба, а добавление растительного

масла разрешалось лишь в редкие дни.

На этом уже знакомом острове, по которому отец Иакинф так тосковал, он и поселился вскоре после своего возвращения на Валаам. Тогда же бывшего игумена постригли в великую схиму – наивысшую ступень монашества. Он стал монахом-пустынником, главное послушание которого – непрерывная молитва о спасении своей души и о душах всех скорбящих. При схимническом постриге его вновь нарекли Иоанном. Официальным его званием стало звание схиигумен, которое дается ушедшему на покой бывшему настоятелю монастыря, постриженному в схиму.

Отец Иоанн так вспоминает о своей жизни в скиту: «Жил я один в небольшой пустыньке в скиту Иоанна Предтечи. Сам себе готовил и сам выращивал овощи, а за хлебом ходил в монастырь или иногда пек сам. Ночью я любил бодрствовать, ложился спать всегда после двенадцати часов, в два или в три вставал. Но, конечно, днем я спал столько, сколько требовалось естеством».

Женщинам нельзя было посещать Предтеченский остров. Сюда приезжали в основном из монастыря те мужчины-паломники, которые жаждали беседы с подвижниками о более глубокой духовной жизни.

Иеромонах Павел (Олмари-Гусев), будущий Предстоятель Финляндской Православной Церкви в 1960–1987 гг.

В начале тридцатых годов в этом скиту несколько счастливых недель провел Георгий Олмари-Гусев, тогда студент Духовной семинарии в Сортавале, ставший со временем архиепископом Павлом. В книге «Воспоминания о Валааме», вышедшей пятьдесят лет спустя, владыка с теплотой вспоминает скит Иоанна Предтечи и его начальника, схиигумена Иоанна, «рассказы которого о благотворности молитвы, особенно непрестанной молитвы сердечной, были просты, но явно основывались на собственном опыте. Не столько имело значение его учение, лишь кратко изложенное в нескольких беседах, сколько сама личность отца Иоанна и окружавшая его обстановка, например его отшельническая бревенчатая изба посреди густого ельника».

Одно из воспоминаний отца Иоанна о годах, проведенных в скиту, связано с необычным празднованием Святой Пасхи. Он встречал этот большой и радостный праздник на острове в полном одиночестве. «Отец Самуил уехал сразу после службы в монастырь, а я остался один, в совершенном безмолвии, сходил на колокольню, позвонил да по острову походил... Полнейшая тишина, никого нет, только птички весело поют, особенно дрозд заливается на разные мотивы...»

С течением времени сократилось число пустынников, и жизнь отца Иоанна на острове осложнилась. В конце тридцатых годов он стал переходить на зиму в главный монастырь. Там он исполнял послушания – был помощником духовника монастыря и в очередь с другими совершал богослужения.

С начала тридцатых годов на Валаам устремились паломники из Финляндии и других стран. Летом 1932 года члены Русского студенческого христианского движения (РСХД) из Хельсинки совершили поездку на Валаам. В группе этой эмигрантской молодежи была и Елена Акселевна Армфельт.

Зарождение дружбы

Те, кто после революции бежали из России в Европу и вообще на Запад, были в основном православными. Поэтому неудивительно, что там, где оседали такие переселенцы, стали во множестве появляться православные храмы. Во вновь открываемых приходах активизировалась и деятельность молодежи.

Одним из православных объединений, существовавших во многих странах Европы, было Русское студенческое христианское движение, которое зародилось в Париже. Его основателем был протоиерей Сергей Четвериков. До Второй мировой войны он посещал Финляндию и во время одной из таких поездок провел несколько месяцев в Валаамском монастыре.

Русское студенческое христианское движение имело в Финляндии два отделения – в Хельсинки и Выборге. Отделение в Хельсинки возглавила Елена Акселевна Армфельт. Она стремилась к тому, чтобы духовной составляющей кружка было Православие. Это означало постоянное участие в богослужбной жизни Церкви, следование святоотеческому учению. Основным видом их деятельности были еженедельные лекции на церковные темы. Чаще всего они проводились по вечерам в маленькой квартирке Елены Акселевны. Кроме того, члены кружка материально поддержи-

вали детей из обедневших русских семей, устраивали поездки и встречи с членами других отделений РСХД.

Протоиерей Сергей Четвериков, духовный писатель, помогавший игумену Харитону в работе над книгой «Умное делание. О молитве Иисусовой»

Из-за революции ход в православную Русь был накрепко закрыт. И все же по западную сторону границы остались некоторые оплоты Православия, в частности в Прибалтике – Пюхтицкий женский монастырь, ставший одним из главных центров паломничества православных русских людей, оказавшихся на Западе.

Члены русского православного кружка побывали в эстонской Пюхтице³. Эта поездка была полезной и придала им сил. Еще более глубокое впечатление произвело на молодых людей знакомство с Валаамом.

С провозглашением независимости Финляндии в границы страны вошел и Валаам, что дало возможность выжить монастырю. В России же вскоре после революции монашеские обители стали закрывать. Жизнь Валаама продолжалась, правда, постепенно затухая, так как не было возможности принимать послушников из России. Все же в монастыре и в новых условиях сохранялись те традиции, в которых он жил в течение многих веков.

³ Пюхтицкий Успенский монастырь – православный женский монастырь Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Основан в 1891 г. Находится в деревне Куремяэ волости Иллука (Ида-Вирусский уезд Эстонии). С 1990-х гг. имеет статус ставропигиального. Монастырь никогда не закрывался. Пюхтица (Pühtitsa) в переводе с эстонского означает «святое место».

Первая (старая) церковь Валаамского монастыря в Финляндии

Для эмигрантов, приезжавших с Запада, Валаам был живым воспоминанием о Родине, по которой они тосковали. Для православных Валаам по-прежнему оставался центром духовной жизни и местом паломничества. В начале тридцатых годов члены студенческого кружка, возглавляемого Еленой Армфельт, заинтересовались Валаамом и решили летом посетить монастырь. На Валааме их принимали хорошо. Это и понятно – все молодые люди были верующими и говорили

по-русски, что расположило к ним монахов.

Члены кружка были в монастыре не только гостями. В свободное от церковной службы время они помогали братии по хозяйству. Знакомились и с разными достопримечательностями, с райской природой острова. Подобно другим паломникам, молодые люди всем сердцем привязались к Валааму.

Главный корпус обители. В этом же здании на верхнем этаже находилась домовая церковь

Во время пребывания в монастыре студенческой группы готовился к таинству Крещения один юноша – еврей из Ри-

ги. Его привлекало Православие, и вот теперь, несмотря на возражения родных, он решил принять на Валааме Святое Крещение. Оно было совершено на берегу Ладожского озера по всем традиционным церковным канонам. Становясь членом Церкви, Симеон Якобсон приобрел и новых, крестных, родителей. Игумен Харитон благословил Елену Акселевну стать крестной матерью.

Симеон, как полагается до крещения, исповедовался; принимал исповедь схиигумен Иоанн: по обычаю, летом старец приходил из скита в монастырь на несколько дней и принимал паломников.

Когда юноша вернулся от отца Иоанна, то был просто в восторге и рассказал Елене, с каким чудесным «добрым и всепонимающим» старцем познакомился. И тогда Еленой Акселевной овладело неотступное желание увидеться с отцом Иоанном и послушать его наставления. Вскоре ее желание исполнилось, и в один прекрасный день Елена уже сидела за чашкой чая в келлии отца Иоанна. Он говорил долго и откровенно. Елена была потрясена. Она даже не могла себе представить, не могла поверить, что о таких серьезных вещах, как спасение души, смерть и воскресение, можно говорить так просто и красиво. Отец Иоанн и Елена Акселевна подружились и прониклись взаимной симпатией уже при первой встрече.

Позже старец брал Елену с собой на прогулки по острову, расспрашивал своего нового друга о жизни. Разумеется, не

из любопытства, а чтобы дать Елене возможность раскрыться, откровенно рассказать обо всем, что накопилось и тяготило молодую душу.

Время от времени отец Иоанн спрашивал: «А что дальше? И что потом произошло?» – «Мне было так легко довериться ему, – вспоминала Елена Акселевна. – Я ему говорила, ничего не боясь. Рассказала все, что было на душе».

Дни, проведенные русской молодежью на Валааме, пролетели быстро. Вскоре уже надо было возвращаться в Хельсинки. Елена Акселевна попрощалась с отцом Иоанном, и старец предложил, чтобы она писала ему о своих делах. В первые годы они обменивались письмами редко, но перед Зимней войной⁴ начали переписываться регулярно. Их письма стали особенно частыми, духовно глубокими в послевоенные годы, когда валаамские братья, а вместе с ними и отец Иоанн переселились в Новый Валаам.

⁴ Так в Финляндии называют Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг.

Новый Валаам

Валаамские иноки, вынужденные спастись от огня войны, нашли себе новое место чудесным образом. Братия верили, что Сам Господь Своим Промыслом указал им, где остановиться.

Игумен со старшими братьями ездил по Финляндии и осматривал продававшиеся сельские поместья. Когда они приехали в усадьбу министра Саастамойнена в деревне Папинниemi округа Хейнявеси, то на стене главного здания увидели икону преподобных Сергия и Германа, основателей Валаамской обители. Иноки восприняли это как указание свыше и сразу же купили усадьбу. Отец Иоанн, как и другие монахи, был очень доволен новым местом.

Поместье Папинниemi, теперешний Новый Валаам, расположено на пологом южном берегу озера Юоярви, окруженного дремучими лесами. Ко времени переезда монастыря здесь еще не было хорошей шоссейной дороги. Связь с внешним миром осуществлялась главным образом водным путем. Поэтому в обители царили покой и уединение, которые так ценятся подвижниками. Для братии, насчитывавшей более полутора ста человек, было важно, что в поместье имеется множество различных построек. И все же было очень тесно. На Старом Валааме каждый монах имел свою собственную келлию, теперь же в одной комнате размещалось

ДО ПЯТИ ИНОКОВ.

Колокольня, главный корпус и церковь Валаамского монастыря в Папинниemi

Уже осенью в год переезда одна из надворных построек была отремонтирована и превращена в церковь. Здесь же, согласно традиции, находилась и трапезная. Иконы и другие святыни, привезенные со Старого Валаама, размещенные в небольшом храме, создавали особую атмосферу, помогали духовному, молитвенному настрою.

Скромная церковь Нового Валаама, в которой соверша-

лись ежедневные богослужения, – это единственное место в монастыре, где можно было собрать братию для каких-то официальных мероприятий. В высоком главном здании, стоявшем на выходящей к берегу стороне монастырского двора, жили игумен и некоторые братья. Здесь, в неотапливаемых чердачных помещениях, были устроены домовая церковь и ризница.

Две вытянутые, похожие на казармы двухэтажные постройки, расположенные почти в ряд, стали братскими корпусами. Длинное бревенчатое здание в центре двора – молочный завод. Здесь изготавливалось масло. В этой же постройке поселились старушки, которые в свое время остались на Старом Валааме после закрытия границы, а теперь переехали сюда вместе со всеми. В том же здании находилась монастырская покойницкая, что, по-видимому, старушек вовсе не смущало.

Иеромонах Памва у алтарной стены домово́й церкви

На новом месте монахи продолжали заниматься сельским хозяйством, в том числе животноводством. Под хлев приспособили большой и прочный каменный сарай. Кроме того, здесь были еще деревянные сараи и амбары.

На берегу, почти у самой воды, стояла просторная постройка, в которой была устроена баня. С вечера здесь начинали нагревать большую печь, и к утру баня была готова.

Казалось, что в Новом Валааме хорошо приспособились к продолжению монашеской жизни. Но расцвета подвижничества в Папинниеме не произошло. Отцы и братия были уже

далеко не молоды, а без новоначальных старение насельников обители и сокращение численности братии становилось все ошутимее.

Престол в алтаре старой церкви

Церковь служила также трапезной для братии монастыря

По окончании Второй мировой войны у иноков возникло желание вернуться на Старый Валаам. Вначале, сразу после войны, изменившееся положение Русской Православной Церкви позволяло на это надеяться. Но отец Иоанн относился к таким устремлениям сдержанно. Он писал тогда: «Все

наше братство – богадельня; всей братии сто двадцать семь человек: от семидесяти лет до восьмидесяти четырех – семьдесят один инок, а от шестидесяти лет до семидесяти – сорок девять иноков. Ниже шестидесяти годов – семь человек. Некоторые иноки очень стремятся туда, но большинство, напротив, не хотят. Я вообще уклоняюсь от всяких разговоров, ведь по-нашему не будет, всецело надо расположиться на волю Божию. Много замышляет в сердце своем человек, но состоит только определенное Господом, говорит Святое Писание».

Когда Русская Православная Церковь была вынуждена отказаться от планов возрождения монастыря на Валааме, о переезде постепенно забыли. Вопрос был поднят заново в пятидесятые годы, но уже несколько в ином ключе.

Келлия старца

Схиигумен Иоанн жил в угловой комнате на втором этаже одного из братских корпусов, ближайшего к лесу. В Новом Валааме не было возможности обеспечить отшельников отдельным тихим помещением, как это было на Старом Валааме. Схимники жили в тесных «казармах» вместе с другими братьями. Обиталищем монахов служил двухэтажный деревянный дом, который и сейчас стоит на том же месте, правда, используется теперь по другому назначению. Через все здание проходит коридор со множеством дверей, ведущих в маленькие комнатки. Это и были монашеские келлии. В то время теснота была такая, что часть скарба приходилось хранить в коридоре. Около каждой двери стояла вешалка для верхней одежды. Под длинными рясами на полу стояли картонные коробки с разными необходимыми вещами.

У двери келлии отца Иоанна была еще и скамья: на исповедь к духовнику приходили братья и паломники, и, когда исповедников собиралось несколько человек, ожидавшие своей очереди садились на эту скамью.

Келлией старца служила скромная, всего в несколько квадратных метров комната. Из небольшого окна открывался прекрасный вид на тихое озеро. В переднем углу висело множество икон. Главная из них – Валаамская икона Божией Матери (которую после кончины старца отец Памва

подарил Елене Акселевне). Перед святыми образами всегда горела лампада. В углу перед иконами – аналой, покрытый льняной вышитой дорожкой, на нем – большая Следованная Псалтирь в кожаном переплете. В эту книгу входят, кроме псалмов, основные суточные богослужебные тексты. Псалтирь читается каждым монахом в ежедневном молитвенном правиле. Справа от двери – высокая простая книжная полка со старинными книгами. Подбор их свидетельствовал о духовных интересах живущего в келлии. Это были почти исключительно творения святых отцов. Их чтение было любимым занятием старца Иоанна: они служили главным источником его наставлений. Важнейшая из этих книг – многотомное «Добротолюбие» – самый значительный сборник творений древних подвижников. Учась мудрости на духовном опыте святых отцов, поверяя себя постоянным обращением к Священному Писанию, старец накапливал крупицы драгоценного знания и передавал их другим.

Корпус, в котором жили монахи. В настоящее время гостевой дом. Фото 2004 г.

Схиигумен Иоанн в Новом Валааме

Были в келлии и вещи, необходимые для повседневного обихода. Белый деревянный диван с высокой спинкой служил старцу постелью. На стене у дивана для тепла и уюта висел разноцветный ковер. У окна – стол и несколько табуреток. Справа на полу – кухонный шкаф. В нем хранились посуда, продукты, таз для мытья посуды. На шкафу – самовар, над которым висело полотенце. Елена Акселевна раз спросила отца Иоанна о назначении полотенца. «Это чтобы пот вытирать со лба, когда пьешь горячий чай», – ответил старец.

Одна из келлий в Финляндии. Фото 2004 г.

В комнате на вешалке висела длинная черная монашеская ряса. Зимой у кровати стояли огромные валенки. Они были необходимы в холодных, продуваемых сквозняком комнатах и для улицы. По размеру валенок можно было понять, что у старца были большие, опухшие ноги.

На внутренней стороне двери прикреплен старинный рисунок: два монаха беседуют между собой. У одного в глазу маленький сучок, у другого – громадное бревно. Рисунок иллюстрировал слова Спасителя: *И что ты смотришь на сучок*

чок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? (Мф. 7, 3).

Воспоминания об игуменах

Отец Иоанн пишет Елене Акселевне: «Сегодня, двадцать седьмого октября, около шести часов вечера мирно скончался наш отец игумен Харитон» (27.10.1947).

Игумен Харитон был последним настоятелем Старого Валаама. Именно на его долю выпала тяжелая обязанность эвакуации братии с ладожского острова на новое место.

Отец Иоанн жил вместе с братией Валаама внешне спокойной жизнью бывшего игумена. Он старался быть в стороне от всего, что могло нарушить его душевный покой. Но тихая отшельническая жизнь прервалась после кончины игумена Харитона, когда братия избрали схиигумена Иоанна настоятелем. Друзья поспешили поздравить отца Иоанна, но письмо старца показывает, каково было в тот момент его настроение: «Сердечно, от души благодарю за поздравление с настоятельским крестом. В данное время настоятельство именно крест, да тяжелый. Я сам не стремился и не желал настоятельства; верю, что Бог дал мне этот крест и по Своему милосердию поможет благополучно нести его. И вас прошу помогать мне вашими святыми молитвами» (02.02.1948).

Решение выборного совета братии нуждалось еще в утверждении Церковным управлением в Куопио [здесь находится резиденция архиепископа Карелии и всей Финляндии]. Но почему-то утверждение задерживалось.

Игумен Харитон (1933–1947)

Игумен Иероним (1948–1952)

Игумен Нестор (1952–1967)

Игумен Симфориан (1969–1979)

Игумен Харитон со схимниками на Новом Валааме. Первый справа – схиигумен Иоанн

Братия за трапезой. Во главе стола игумен Нестор, второй по правую руку от него – схиигумен Иоанн

Церковное управление не утвердило выбора братий. Оно сослалось на канон, в котором говорится, что монаха, постриженного в схиму, выбирать в настоятели нельзя. Были проведены новые выборы, в результате которых в настоятели выбрали отца Иеронима. В душе отец Иоанн радовался, что Господь избавил его от настоятельского ига.

Отец Иоанн искренне радовался новому ходу событий. «Скорби, которых я ждал, по Божией милости даже не коснулись меня, и настроение мое нисколько не изменилось. Ах, как хорошо держать себя в стороне, и внимать себе, и во всем располагаться на волю Божию».

Игумен Иероним без особого желания принял обязанности настоятеля. Он чувствовал себя уже слишком старым и слабым для руководства монастырскими делами и любил говорить, что он «ненастоящий игумен». Так и не смогли уговорить его переехать из скромной келлии на второй этаж главного здания, в игуменские покои. Старец продолжал жить прежней жизнью, несмотря на свое новое положение. Его крестом, кроме монастырских забот, стало еще бремя болезни. Через несколько лет все это свело отца Иеронима в могилу.

В письме к Елене Акселевне отец Иоанн пишет: «Вот скоро, шестого июня, сорокоуст игумену Иерониму кончится. Кто-то будет другой игуменом, прошу тебя, молись, чтобы Господь избавил меня от этого ига» (30.05.1952).

Новым настоятелем избран был иеромонах Нестор. До этого он исполнял должность казначея и всю свою монастырскую жизнь занимался церковным пением, был регентом и певцом. Поскольку монастырь принадлежал тогда Русской Православной Церкви [воссоединение с Матерью-Церковью произошло в октябре 1945 г.], нужно было новому настоятелю прибыть в Ленинград для посвящения в игумены. С отцом Нестором в Советский Союз поехал также и отец Симфориан. «Отцу Нестору с отцом Симфорианом паспорта за границу пришли, теперь ждут визу; когда получают – поедут в Россию», – отметил в своем письме отец Иоанн.

Уже следующей весной игумен Нестор слег на несколь-

ко недель. Суставной ревматизм в ногах вызывал у него постоянные мучения. «Игумена лечат электричеством. Месяц должен лежать и никуда не ходить. Худые у него ноги. Ты пишешь: „Беда будет, если заболит“, не так ты думаешь: если и умрет, найдется игумен» (12.05.1953).

Игумен Нестор после этого жил еще четырнадцать лет и, не жалуясь на свои недуги, управлял постепенно сокращавшейся братией обители.

Монастырские будни

Когда монастырь переместился в Финляндию, отцу Иоанну было шестьдесят семь лет. В то время он еще был силен физически. Иногда выполнял и тяжелые работы: летом – в поле, зимой – рубил дрова. С годами силы стали таять, пришлось уменьшить физическую нагрузку. Подобно другим монахам, он все-таки до самой последней возможности старался круглый год хотя бы понемногу работать на свежем воздухе.

На монастырский двор по осени привозили большие груды хлыстов, и старцы, каждый в меру своих сил, распиливали их на дрова «для веселости души и для здоровья». Из писем отца Иоанна к Елене Акселевне можно узнать о настроении, царившем во время работы, и о многом другом, чем жила монашеская община: «Вторую неделю служил совершенно здоровым, а теперь хожу дрова пилить с отцом Виктором». Летом: «По Божией милости я смог принять участие в сенокосе. Начиная с понедельника будем жать рожь». С наступлением осени: «Слава Богу, летние работы кончились с большим успехом. Погода благоприятствовала. Теперь братия ходят в лес дрова пилить».

Если старец в свободное от богослужений время не работал на улице или не гулял на свежем воздухе, он уединялся в своей келлии. Особенно зимой отец Иоанн любил бывать

в уединении, чтобы углубляться в молитву, в книги...

Главным занятием отца Иоанна в свободное от монастырских послушаний время была переписка с его духовными чадами. Почти до самого последнего своего дня он посылал им весточки. Духовные дети старца, его друзья всегда получали от него поздравления с праздниками Рождества и Пасхи. Открытки с поздравлениями получала, конечно, и Елена Акселевна. «К празднику Святой Пасхи я выслал шестнадцать поздравительных открыток. Сам их нарисовал. Пошлю и тебе такую же». Инна Коллиандер, художница, супруга писателя Тито Коллиандера, тоже вспоминает, что получила от отца Иоанна пасхальную открытку, им нарисованную. К сожалению, открытки со временем затерялись.

В келлии отца Иоанна несколько месяцев были часы с кукушкой. Как-то, будучи в Хельсинки, он увидел такие часы и непременно захотел иметь подобные. Елена Акселевна вспоминает, что отец Иоанн иногда был как маленький ребенок. Если что-то начинало его интересовать, он обязательно хотел это приобрести. Какое-то время «кукушка» утешала старца, но впоследствии он от нее отказался, переслал своей корреспондентке.

Часы эти все еще висят в квартире Елены Акселевны. Доктор Виир регулярно заводит их, кукушка кукует и приветствует старушек в напоминание об отце Иоанне.

Почти во всех письмах старца к Елене Акселевне содержатся упоминания о еде. Постороннему и не знающему обы-

чаев монастыря это может показаться странным. Поэтому нужно кое-что объяснить.

В Новом Валааме старцы-монахи жили крайне бедно, по мнению многих, даже в нечеловеческих условиях. Монастырь был общиной иноков преклонного возраста. У них, по понятным причинам, не было ни сил, ни желания добиваться принятого в то время уровня бытовых условий.

Постепенно и трапеза пришла в упадок. Пища не просто была скудной, к тому же и готовилась плохо из-за царившего на кухне беспорядка. Тараканы бегали по накрытому столу, их можно было обнаружить в подаваемом супе или в каше. Понятно, что многие предпочитали питаться в своих келлиях. Монахи получали пенсию, и у них была возможность самим покупать продукты.

Для подкрепления убывающих телесных сил отец Иоанн иногда готовил себе еду в келлии. В то же время, согласно монастырским правилам, он старался посещать и братскую трапезу. Старец считал, что питание в келлии – грех, и, хотя находил тому объяснение стремлением поддержать здоровье, все-таки не хотел оправдывать своего поведения.

В послевоенные годы в Финляндии было трудно с продовольствием. Вблизи монастыря тогда еще не было магазина, и поэтому Елена Акселевна и многие друзья отца Иоанна довольно часто посылали старцу посылки с продуктами. Как правило, к посылке прилагалась просьба поделиться с кем-либо из братьев. «Позабыл написать, твои селедочки я полу-

чил, по назначению раздал: отцу Вениамину – пять штук, отцу Антонию – три штуки и другим неимущим дал, так как селенок у меня оказалось много. Пожалуйста, не присылай мне больше» (27.10.1947).

Отец Иоанн, в свою очередь, тоже отправлял посылки Елене. Семья жила скромно, так что продукты, присланные старцем, принимались с радостью, как добавление к той малости, что получали по карточкам. «Посылаю я вам посылку, не стесняйтесь принять, изюм мне не нужен, а вам пригодится, кофе тоже не нужен, а сахару осталось у меня еще четыре таких порции, скоро еще дадут. Мама твоя любит, пусть кушает, еще малиновый чай посылаю, своего производства» (23.12.1947).

«Последнее время не мог даже взяться за карандаш кому-либо написать. Уставал, службы церковные и еще за грибами ходил. Насушил белых грибов. Иногда сваришь с макаронами – очень хорошо. Даже и за посылочки не благодарил. Наде Шульц передай мою благодарность за посылочку и письмо, и прошу прощения за грубое мое молчание. Коллиандерам тоже позвони и передай мою благодарность. А как здоровье Ольгиного сына Володи? Им тоже не написал. Просто кругом виноват. Сварил варенье черносмородиновое – пятилитровую банку. И грибы сушеные есть. Не посылай мне, пожалуйста, деньги. Если будет нужда, тогда попрошу» (19.08.1952).

«Спасибо за гречневую крупу. Сначала я ее варю на плит-

ке в кастрюльке, а потом заворачиваю в шубу на три часа. Выходит очень хорошо.

... Меня потянуло на кислое, а сладости совсем не могу кушать. Клавдия Корелина прислала мне клюквы. Варю кисель и с чаем пью. Попроси ее прислать еще клюквы. Как видно, теперь нет там у вас лимонов» (01.06.1954).

«Когда соберешься послать мне посылочку, приложи две баночки томату. Расходуй мои денежки, не стесняйся, мне они не нужны.

... У меня чай есть, и селедочки есть, масла купил три кило – вот как схимник живет, не схимник, а чревоугодник. Иногда у меня бывают порывы жить построже, довольствоваться только одной скудной трапезой; а потом думаю: поддержи здоровье, помогай братии. Вот таким образом и обманывает себя схимник нерадивый» (26.06.1948).

По православному обычаю верующие не справляют день своего рождения. Празднуют именины, день памяти святого небесного покровителя. В монастыре именины – небольшой праздник среди будней. «Письмо, порошки, лимон я получил, за все сердечное спасибо. На именины испек булочку. Печенгских⁵ угостил чайком с булочкой, конечно, служил и вас с мамой поминал» (10.07.1946).

⁵ Во время Второй мировой войны оставшиеся монахи Печенгского монастыря переехали в Новый Валаам.

О необычном

«Еще пишете о снах, что читали у святых отцов: „Если повторяется, то это правильный сон“. Снам верить не надо. Преподобный Варсонофий Великий пишет: „Тот, кто один раз явился ложно, может сделать это еще три раза и более“» (19.02.1948).

Отец Иоанн, согласно учению Церкви, критически относился к сновидениям и к их толкованиям. Но в существование нечистых духов он твердо верил и в одном письме в подтверждение этого поведал о своем собственном опыте. В довоенное время, когда он жил один в скиту Иоанна Предтечи, то слышал, что «кто-то идет в коридоре, отчетливо слышны шаги человеческие; хорошо помню, что двери заперты. У меня мурашки пошли по телу, а кот сгорбился, и шерсть поднялась у него, точно ждет кого-то, что откроется дверь и кто-то войдет к нам. Я взял лампу, вышел в коридор, осмотрел везде, нет никого. Конечно, неверующий скажет, что это галлюцинация. Нет, это не галлюцинация, а именно бесы. Иногда были слышны стуки в раму, когда я читал свое правило, и еще были стуки, но всех не буду описывать» (11.11.1954).

Елена Акселевна написала отцу Иоанну о некоторых сверхъестественных явлениях, которые ей пришлось пережить, и старец в ответном письме рассказал о похожих случаях, происходивших среди монастырской братии: «В мона-

стыре у нас тоже бывают подобные явления. Я тебе говорил, что схимонах Пионий слышал голоса: „Я такой-то святитель“. И отец Пионий кланялся ему. Впоследствии не стал обращать на голоса внимания, хоть и слышал их. Тогда поменьше стали говорить. Какой-то головной недуг. У схимонаха Николая была галлюцинация. Видел разные явления и слышал голоса. Потом все это прошло» (24.09.1952). Но и сам старец иногда чувствовал нечто странное: «Я тоже испытываю ночью страх, что кто-то есть в келлии. Тогда углубляюсь в молитву, и делаю крестное знамение, и читаю Евангелие, что знаю на память» (01.09.1953).

Мост к монастырю

«Некий инок говорит мне: „Вот уже сколько времени, как раз в два часа утра, стучат в углу, а сегодня в раму, и очень крепко“. Он думал, что стучит ангел. Я сказал ему: „Не ангел, а бес. Теперь не будет больше стучать“. Так и сбылось: перестал стучать» (17.09.1953).

Днем ночные ужасы не пугали, но и тогда случалось беседовать с посетителями монастыря о сверхъестественных явлениях: «Один мирянин сказал о своей жизни, что он живет хорошо и видит сны пророческие, которые сбываются. Я позвал его в келлию и поговорил с ним. Он сказал: „Кто живет худо, у того и сны худые, а кто живет хорошо, у того и сны хорошие“. Конечно, я говорил с ним много, он удивился.

Вот еще одна мне сказала: „Я святая“. У меня тогда не было времени поговорить с ней, а теперь скажу: „Такие не бывают святыми“.

У нас есть прозорливцы, но в своем отечестве пророки без чести. Знаешь монаха Бориса? Он теперь ходит в церковь в полумантии и в камилавке. Говорит, что в этом году умрет. Пошел ему восьмидесятый год. Ему сказано, что в этом году умрет» (22.08.1955).

«Посетил я монаха Бориса, у него сильный кашель, говорил он мне о чудотворной иконе, которая у него в келлии, затем показал мне свой дневник. [...] Как ему верить о явлении ему Божией Матери? Преподобному Сергию Радонеж-

скому явилась Богородица, и преподобный Михей тоже тут стоял, но не мог смотреть на Богородицу, закрыл руками свои глаза⁶. А Борис с умилением взирал на Пречистую Деву Богородицу» (08.09.1955).

Позже отец Иоанн поведал о своем собственном опыте встречи со сверхъестественным: «Жил я в скиту, пели мы с другим монахом, и во время службы, когда читали шестопсалмие, этот монах задумался. Я почувствовал его мысли, хотел стукнуть его по плечу и сказать: „Что ты замышляешь худое?“ Но воздержался, думаю: надо проверить, будет ли так делать, как обдумал? Оказалось, он в точности так и сделал, как думал...

Вот еще случай. У меня было лекарство от насморка. Я также чувствовал: инок в другой келлии хочет прийти ко мне за лекарством. Отнес ему лекарство, он говорит: „Как ты узнал? А я только хотел идти к тебе“. Ничего я не сказал ему.

⁶ См., напр.: Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Изд. 5-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 199–201. Память прп. Сергия Радонежского – 5 июля; 25 сентября; прп. Михея Радонежского – 6 мая (ст. ст.).

Вид с озера на Валаамский монастырь в Финляндии

Иногда бывают совпадения. Скажут, как раз мысли, что другой думает, но тут трудно определить: случайное ли совпадение или дьявольское внушение, чтобы ввести неопытных в самомнение как прозорливых».

Старец объясняет взгляд Церкви на прозорливость: «Прозорливость у святых совсем иначе бывает, ибо у них по Божией милости душа очищена от страстей и они видят душевным оком. Вот из многих приведу один пример. Преподобный Стефан ехал мимо Троицкой Лавры в двенадцати верстах от монастыря и поклонился игумену Сергию, а они в

это время обедали. Преподобный Сергей сказал: „Встаньте, братия, и поклонитесь, ибо нам кланяется преподобный Стефан“»⁷.

«Когда я жил в Петрограде в часовне, ходила к нам молиться пожилая женщина. Она всегда видела душой, кто к ним идет, и уже готовилась заранее встретить их. Также видела, когда и где был ее муж и как он вел себя в гостях. Она рассказала отцу Иоанну Кронштадтскому, а он сказал ей: „Тут нет греха, но тебе это не на пользу“, – и у нее пропала прозорливость» (06.02.1956).

Отец Иоанн считал себя недостойным того, чтобы сподобляться видений и переживать духовные откровения. Но он все-таки имел такую способность. Тито Коллиандер в статье «Христианство и культура» рассказал об одном случае, который приоткрывает внутренний мир старца. «Несколько лет тому назад большого духовного опыта старец, валаамский монах, провожал меня из Папинниemi до большой дороги. Мы шли не спеша, беседуя спокойно. Вдруг монах остановился, внимательно смотря прямо перед собой.

– Будто бы кто-то здесь поблизости молится, – сказал он.

Примерно в ста метрах за нами шла женщина. Мы остановились и стали ее дожидаться. Монах обратился к ней, но она не поняла его русскую речь. Я перевел:

– Вы молились только что?

⁷ См. там же. С. 193–195. Память свт. Стефана Пермского – 26 апреля. В память об этом чуде в Лавре и до сегодняшнего дня за трапезой встают и кланяются.

Женщина явно удивилась:

– Да, я как раз читала Иисусову молитву, шла и повторяла ее.

– Так я и думал, – сказал монах».

Задушевная беседа

Из личных воспоминаний православного писателя Сергея Большакова известно, что он встречался со схиигуменом Иоанном на Новом Валааме. Как-то раз в августе они сидели в саду и беседовали. День был теплый и солнечный, но уже чувствовалось приближение осени. Прозрачный воздух, резкие тени. Тихое утро золотилось на солнце.

– Скажите, отец Иоанн, об уклонениях в молитве Иисусовой. Бывают они или нет?

– Как же не быть? Бес всюду приражается. Если к мирянину приставлен для искушения один бес, то к монаху – два, а к делателю и все три. Сборник «О молитве Иисусовой» и «Беседы о молитве Иисусовой», которые издал покойный игумен Харитон, читали?

– Читал.

– И там об этом говорится довольно много. А сущность та, что при молитве Иисусовой надо иметь глубокое смирение и отнюдь не мнить. А иные мнят. Для чего мы читаем молитву Иисусову? Чтобы, постоянно помня Господа и каюсь в грехах, прийти в духовное умиротворение, внутреннее безмолвие и почувствовать любовь к ближнему и правде, – тогда мы живем в Боге, Который есть любовь. Но есть люди, которые смотрят на эту молитву как на некую магию, которая им доставит чтение мыслей, прозрение, дар чудотворений и

исцелений и тому подобное. Такой подход к молитве крайне греховен. Так поступающие обольщаются бесами, которые им дают от себя некую власть, чтобы их совсем погубить навеки. Вот был я игуменом на Печенге. Это очень далеко, на берегах Ледовитого океана. Летом солнце три месяца не заходит, а зимой – трехмесячная ночь. И великое одиночество. Бурный океан и безлюдная, унылая тундра кругом. В таких условиях бывает, что, молясь исступленно, некие иноки весьма повреждаются и начинают слышать голоса и видеть видения и тому подобное. Одному такому стали слышаться голоса в келлии, будто ангельские, внушавшие ему, что он достиг дивной высоты и может чудеса творить и даже, как Спаситель, по водам ходить. Убедили эти голоса бедного испытать себя на деле, пройти по тонкому льду, якобы он уже невесом. Ну он и пошел, и провалился в воду. Хоть он и кричал и его вытащили, однако от холодной воды заболел и вскоре умер, покаявшись. Это крайний случай, а других бес иначе донимает. Молясь и видя в себе некий прогресс духовный, начинают они кичиться им и всех прочих считать низшими себя и недостойными, а в себе видеть избранный сосуд Божий. Такие молитвенники обычно всех осуждают, легко раздражаются при укорении, всегда пребывают в какой-то смуте. Хотя и говорится у апостола Павла, что взывающий ко Господу Иисусу Христу о спасении и исповедающий Его Сыном Божиим спасен будет, но Сам Спаситель поучает, что *не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Цар-*

ство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного [Мф. 7, 21]. А эти люди хотя и взывают, но сердце их отстоит далеко от Господа. Нужно, значит, к молитве прибавлять еще исполнение заповедей, ибо *вера без дел мертва* [Иак. 2, 20], и делами вера достигает совершенства.

– А как узнать, отец схиигумен, к кому обращаться за советом?

– Ищи себе старца тихого, доброго, смиренного, пребывающего в мире совести и внутреннем безмолвии, то есть никого не осуждающего. А от тех, которые всех осуждают, всем недовольны да еще и сребролюбивы, – от таких беги, ибо с ними сам еще развратишься. Да помни еще и то, что со старцем жить можно до поры до времени. А как научился деланию молитвы да блюдению помыслов, то зачем тебе и старец? Нельзя все время быть ребенком, а с годами сам за все должен отвечать. Да и сам ты можешь старцем быть, когда придет время.

– То есть как это?

– Да очень просто. Старец есть человек, богатый духовным опытом и мудростью и великой любовью к людям. Старцами бывали и простые монахи, как достопамятный Зосима Верховский, с которого Достоевский списал своего старца Зосиму, а вовсе не со святителя Тихона или отца Амвросия. Прочтешь житие старца Зосимы – сам увидишь. Таковы же были старцы Василиск Туринский, Иоанн Молдавский, схииеродиакон Мелхиседек, преславный старец, доживший

до 125 лет. Старец Даниил Агинский, великий подвижник и учитель, в Сибири, да вот Кузьма Вирский были простыми мирянами, а к ним за советом ездили не только миряне и священники, но монахи, и епископы, и из премудрых. А разве не старец, да еще какой, автор «Рассказов странника». В переписке отца Амвросия Оптинского я нашел, что был он из орловских крестьян, а как рукопись была найдена на Афоне, в Свято-Пантелеимоновском монастыре, то, вероятно, там есть и оригинал этой рукописи. Вероятно, этот странник, возвращаясь со Святой Земли домой, в Россию, заехал на Афон, как многие паломники делали, да и рассказал о своих хождениях старцу иеросхимонаху Иерониму (Соломенцеву), а тот приказал записать, или странник сам записал, да, может, на Афоне и остался. Как знать?

– А странничество – подвиг, отец Иоанн?

– Да, и какой! Только юродство выше, ибо труднее. Но юродствовать не дозволяется, а только очень немногим, по благословению великих старцев. Мы и малого-то снести не можем, куда уж там пускаться в великое. Вот о старце Леониде Оптинском такую историю рассказывают. Один монах надоедал ему просьбами благословить на вериги, а старец ему отвечал: «Зачем тебе вериги? Монашество само есть тяжкие вериги, если все делать как следует». Но монах все клянчил. Наконец старец благословил, а затем вызвал к себе монаха-кузнеца и сказал ему: «Придет к тебе завтра монах просить, чтобы ты ему вериги сделал, а ты скажи: „Зачем тебе

вериги?“ – да зауши хорошенько». На следующий день прибегает разгневанный монах и объясняет, что он просил кузнеца сделать ему вериги, а тот вместо этого его заушил. «Ну вот, – сказал старец, – ты одной пощечины не стерпел, побужал жаловаться. Куда тебе носить вериги? Так вот и не надо выше головы прыгать».

– Вот мне отец Михаил говорит: сей, брате, доброе слово всюду, и в тернии, и при дороге, и на камени [см.: Мф. 13, 19–22], все, может, что-нибудь и произрастет, и плод принесет, даже сторичный. Что вы думаете, отец схиигумен?

– Ну, уж раз отец Михаил так сказал, надо слушаться. Сей доброе слово всюду – вот и будешь странствовать, как тот странник. Это, брат, немалый подвиг.

– А смогу ли я выдержать, батюшка?

– С верой сможешь, ибо сказано: *все могу об укрепляющем меня Иисусе Христе* [Флп. 4, 13]. Вот к молитве Иисусовой прилегай, она тебя и вывезет.

Наставник скорбящих

Схиигумен Иоанн нес послушание духовника Валаамского монастыря в Финляндии и в то же время был духоносным старцем. Понятия эти различны. Духовником, исповедующим и совершающим таинство отпущения грехов, может быть, согласно Церковному уставу, только рукоположенный во священники. Принимать покаяние, наставлять кающихся и провозглашать прощение грехов – обязанность всякого православного иерея.

Деятельность старца, строго говоря, не есть таинство. Поэтому всякий православный мужского пола, монах или мирянин, может стать старцем, если имеет такой дар. Чтобы сделаться священником, надо учиться, а старцем надо родиться. Немногие имеют такое призвание. В одном из писем Елене Армфельт середины 1940-х годов отец Иоанн объясняет: «Руководитель должен быть бесстрастным и иметь дар рассуждения, а именно: знать время, начинание, предприятие, устройство человека, крепость, знание, усердие, возраст, силу, немощь, произволение, сокрушение, навык, незнание, силу тела, сложение, здоровье и болезненность, нрав, место, воспитание, расположение, намерение, поведение, понимание, природный ум, старание, бодрость, медлительность, намерение Божие, смысл каждого изречения божественного Писания и многое другое. Вот каков должен быть руководи-

тель в духовной жизни и какое иметь рассуждение».

Этот длинный список необходимых для старца качеств отец Иоанн приводит, чтобы показать свою неспособность быть истинным духовным наставником. И все же он пишет, что не отчаивается и с надеждой на Божию милость старается помогать своим духовным чадам.

Отец Иоанн был настоящим старцем, ибо сердцем понимал ближнего, любил его, соболеznовал в скорбях. Такая черта – врожденная. Образование и обучение не меняют сердца человека. Знания и навыки старец, конечно, должен приобрести. Но главная черта, определяющая пригодность к будущему служению, должна быть уже в самой основе характера человека. Отец Иоанн умел выслушивать и успокаивать приходивших к нему со своими бедами монахов и мирян.

Как уже было сказано, задача старца – принимать людей, спрашивающих о духовной жизни, внимательно выслушивать их и давать правильные советы. Старчество – одна из самых глубоких православных традиций, это есть проявление внутренней духовной силы Православия.

Старцы живут, как правило, в монастырях, где являются часто и духовниками. Многие монастыри стали известны именно благодаря своим старцам, к примеру Оптиная пустынь. Старцы этой обители преобразили религиозную жизнь России, сплотили Русскую Православную Церковь для несения великих скорбей во время и после революции.

Отец Иоанн нес обязанности старца, принимая паломни-

ков на исповедь у себя в келлии, а также отвечая на многочисленные письма. Иногда он отправлялся с посетителями на прогулку, во время которой можно было побеседовать о спасении души. Также и братия исповедовались отцу Иоанну и получали душеполезные наставления. «Некий инок приходит ко мне в скорби и говорит: „Жизнь прожил. Добрых дел у меня нет. Теперь мною овладела тоска. Как мне войти в Царствие Небесное?“ Поговорили вместе на эту тему и нашли новую надежду».

В своих посланиях отец Иоанн старался внимательно разобраться во всем, что волновало человека, в его бедах и заботах. Часто он как бы отождествлял себя со своим скорбящим духовным чадом. «Что ты написала о своем внутреннем состоянии, все это и у меня есть. Точно жила близ меня и записывала все мои душевные уклонения. Однако унывать не будем, но с Божией помощью постараемся полагать доброе начало, чтобы жизнь проводить в полном смысле похристиански» (05.08.1954).

Отец Иоанн давал такие советы терпящим скорби: «Пишешь, что переживаешь тяжелое состояние душевное. [...] В подобные тяжелые минуты одно есть средство: терпение и молитва» (17.03.1950).

Некоторые писали отцу Иоанну длинные письма, в которых просили подробных ответов на многие вопросы. Это, естественно, было не под силу старцу. Он так объясняет Елене Акселевне краткость своих писем: «Я стараюсь пи-

сать не на тему вопросов, а по устройению и жизни человека, так что вопросы его сами по себе отпадут и он забудет о них» (27.11.1951).

Составлять ответы, конечно, было совсем не просто. Столь обширная переписка бывала иногда в тягость старцу. «По два и по три письма лежат, все не могу собраться ответить, а отвечать надо непременно, ибо есть вопросы серьезные» (02.03.1951).

В жизни самого старца тоже чередовались минуты радости и скорби. Кто свободен от этого? Но отец Иоанн знал, как избавиться от уныния: «В такие моменты требуется терпение и ожидание помощи от Бога. Господи, помоги!» (06.12.1946).

Духовное родство

Из всех духовных чад отца Иоанна Елена Акселевна Армфельт была ему самым близким человеком. В послевоенные годы они писали друг другу почти каждую неделю. Дружба эта – чисто духовная, о чем и упоминает старец в одном из своих писем: «А так как наша с тобой дружба чисто духовная, то если какие-либо и примешиваются случайности, повредить или разъединить они не могут» (05.12.1947).

«Не стесняйся, пиши и посылай мне хоть каждый день, никто здесь не соблазнится, что часто пишешь. Из письма видно, что ты унываешь и малодушествуешь... Я припоминаю, что писал тебе на эту тему в 1945 году восемнадцатого сентября, в начале письма, а дальше другие ответы на твои вопросы. Прочти, если не уничтожила то письмо» (27.02.1949).

Значение этой переписки было в том, что, как пишет старец: «Я вообще делюсь с тобой [говорю] обо всём, как самому близкому другу» (16.09.1947).

Отец Иоанн был духовником и старцем для Елены Акселевны. Со временем она стала настоящей духовной наперсницей отца Иоанна, именно ей он поверял свои самые сокровенные раздумья.

Это, конечно, необычно, но так уж сложилось. Отец Иоанн часто жаловался в своих письмах, что не нашел сре-

ди монастырской братии человека, близкого по духу, с которым он мог бы поговорить по душам, разделить радости и скорби. В этом старец винит себя и свою гордыню. Однако, внимательно вчитавшись в его письма и наставления, можно понять, что те, с кем отцу Иоанну приходилось жить рядом, духовно и душевно пребывали совсем на другом уровне. Поэтому место друзей-монахов занимали друзья из мирян. В этот дружеский кружок входили как специалисты с высшим образованием, так и самые простые, неученые люди. Среди друзей отца Иоанна были и художники. Он даже сам удивлялся образованности своих духовных чад. «Иногда смущает меня мысль: „Зачем я переписку веду, безграмотный, с образованными?“» (11.02.1946).

Елена Акселевна и отец Иоанн в Хельсинки

Самое ценное в переписке отца Иоанна и Елены Акселевны – духовные наставления. Старец учил и советовал, как идти по христианскому пути на основе Священного Писания и святоотеческого предания. Он утешал Елену в скорбях и печалях.

Естественно, в доверительной переписке говорилось о многом. Оба, отец Иоанн и Елена Акселевна, делились друг с другом печальями и горестями, большими и малыми, неиз-

бежными в повседневной жизни. Они обременяют душу, но если есть кому их высказать, то становится легче. Обсуждалось и то, что происходило в ближайшем окружении каждого. Отец Иоанн сообщал о монастырских порядках, а Елена, в свою очередь, – о своих служебных и домашних делах. Часто она рассказывала старцу о приходских новостях. Жизнь прихода, состоявшего в основном из русских эмигрантов, была, конечно же, богата событиями. Люди есть люди, а человеческие слабости проявляются и в монастыре, и на приходе.

На память Духов-
ной Матери
Елене
Армфельт

Сти-сирен
Иоанн

1948 г.

Семидра 2 дна

Фотография-открытка, подаренная схиигуменом Иоанном Елене

Протоиерей Владимир Волков в храме

Наставления отца Иоанна часто бывали прямыми и нелюбимыми. Поэтому их не всегда легко было принимать. Справедливые слова часто тяжело бывает слушать. В небольшой квартире Елены проживала еще одна старушка, Александра Сергеевна. Однажды после службы она заговорила с матерью Елены Акселевны и пожаловалась, что у нее нет жилья. Вскоре Александре разрешили поселиться на кухне, где она прожила много лет. Естественно, Елена Акселевна иногда уставала от ее присутствия и сгоряча говорила что-нибудь неприятное. Потом Елена каялась в этом перед отцом Иоанном и получила такой совет: «Старайся исправляться. Больше не отвечай грубо Александре Сергеевне». В том же письме от 16 ноября 1953 года есть и другие строгие наставления.

Как-то раз отец Иоанн наложил на Елену Акселевну епитимью. Она без благословения старца посоветовала священнику своего прихода, отцу Владимиру, обратиться к отцу Иоанну со своими скорбями. Само по себе это было не так уж плохо, но поскольку сделано было без благословения, то старец очень огорчился, о чем и читаем в письме от 23 декабря 1952 года.

Духовные чада, жившие в миру, часто хотели порадовать своего дорогого наставника. Они, как уже говорилось, посылали в монастырь посылки с продуктами. Павла Макси-

мовна была хорошей портнихой и шила отцу Иоанну кое-что из одежды, например из облачения схимника. «Благодарю за посылочку... Если летом соберетесь к нам, я встречу вас в этом колпачке» (25.01.1952).

В одеяние схимника входит аналав, отдаленно напоминающий передник, на котором вышит крест. Это тоже было выслано старцу. В монастырь передавали иконы – на память и в знак любви. Часто отец Иоанн посылал своим духовным дочерям просфоры, из которых были вынуты частичцы за них во время Евхаристии. Иногда он посылал невынутые просфоры прямо из пекарни, тогда их можно было есть просто как белый хлеб. «Послал я тебе сухарей из черного хлеба и еще большую просфору – она не вынута, кушай с чаем» (14.01.1954).

Как-то Елена получила от отца Иоанна часы: «Посылаю тебе мои часы карманные. Мне они не нужны, продавать как-то не хочется...»

Елена Акселевна просила у старца советов и благословения во всех своих делах и в разных жизненных ситуациях. После кончины матери она хотела взять на проживание, кроме Сергеевны, еще одного постороннего человека. Однако старец посоветовал: «Лучше отказать ей в квартире, чем жить вместе и смущаться» (30.03.1949).

Несколькими годами позже две знакомые Елены Акселевны переехали к ней на квартиру. Одна из них – Павла Максимовна. Старец благословил этот переезд. Места, правда,

было не очень-то много. Квартира состояла всего лишь из одной комнаты с альковом. Была, кроме того, еще небольшая кухня, но там спала Сергеевна. Отец Иоанн в своей келлии размышлял, как бы переставить мебель, чтобы обе смогли хорошо устроиться, и сообщил о своем решении в письме от 23 января 1955 года.

Старец благословил иметь в квартире Елены радио и телефон: «У нас в монастыре есть радио, а почему же тебе не иметь. [...] Телефон тоже хорошо иметь тебе, пользуйся им, ничтоже сумняся» (04.03.1957).

И позже, уже перешагнув порог своего восьмидесятилетия, Елена Акселевна, прежде чем принять какое-либо решение, задумывалась: «А что бы отец Иоанн посоветовал в этом случае?»

Другие духовные чада

В Финляндии и в других странах, куда забросила судьба эмигрантов из России, отец Иоанн имел множество духовных чад, искавших углубленной духовной жизни. На все их письма старец по мере своих сил старался отвечать. Те, кто жил неподалеку, летом приезжали в монастырь, чтобы повидаться с любимым батюшкой.

В числе близких друзей отца Иоанна были писатель Тито Коллиандер из Хельсинки, его супруга, художница Инна, и их дети. Память об отце Иоанне была для них бесценна. Тито Коллиандер в своем творчестве не раз обращался к образу старца, в его книгах можно найти основополагающие поучения отца Иоанна. Поддержка старца была очень важна для семьи Коллиандеров, особенно во времена для них тяжелые. В своих записках под названием «Воспоминание о Валааме» Инна признавалась, что отец Иоанн «поднял их семью на ноги».

Коллиандеры часто гостили в Новом Валааме; супруги приезжали по очереди, чтобы отдохнуть и успокоиться. В монастыре они заходили в келлию отца Иоанна – попить чаю и побеседовать. Во время этих бесед, бывало, возникали и разногласия по некоторым духовным вопросам – сказывалось различие во взглядах на жизнь, – но дружбе это помешать не могло.

Тит Коллиандер сыграл решающую роль в издании книги «Письма валаамского старца». Он сумел удачно отредактировать их, преодолел и те многочисленные внешние препятствия, которые в избытке встречаются в издательском деле.

Схиигумен Иоанн с духовными чадами Титом и Инной Коллиандер у братского корпуса Валаамского монастыря в Финляндии

В Хельсинки жила и Марфа Платонова, еще одна духовная дочь отца Иоанна. Она происходила из рода Нейглик, члены которого были видными правительственными чиновниками в Карелии. Марфа работала в швейной мастерской Шведского театра. Что особенно ценно, в послевоенные годы она писала иконы для православных часовен и храмов. Отец Иоанн во время своих поездок в Хельсинки часто гостил у нее. Бывая в столице, старец обязательно посещал также Анну Вырубову – подругу последней российской императрицы. Отец Иоанн метко называл эту даму «осколком затонувшего корабля».

Павла Максимовна (в монашестве – Платонида), подруга Елены Акселевны, тоже писала отцу Иоанну, хотя ее духовником был отец Михаил. К старцу обращалась и Александра Сергеевна – квартирантка Елены – и получала от него приветы и ответы на свои вопросы в письмах, адресованных Павле Максимовне. Сергеевна часто жаловалась, что Елена Акселевна курит, и удивлялась, что старец не может повлиять на нее. Елена страдала из-за этой своей привычки, позже она сумела избавиться от такого пагубного пристрастия.

Подруга императрицы Александры Феодоровны – Анна Вырубова

Когда отец Иоанн оказывался в столице, все хотели, чтобы он погостил у них, что было невозможно. Иногда возникали сложные ситуации, даже происходили эмоциональ-

ные всплески, которые позже обсуждались в переписке между Хельсинки и Новым Валаамом.

В Линтульском монастыре⁸ среди сестер-монахинь тоже были духовные дочери отца Иоанна. Однажды, в июне 1966 года, я сидел в кельии монахини Марины и слушал, как она читала батюшкины письма, которые хранились как драгоценное сокровище. И хотя в то время личность отца Иоанна и духовное содержание его писем были еще не вполне понятны, мне это не мешало. Что-то очень важное чувствовалось уже в самом чтении как таковом. В моей памяти запечатлелось: увешанная иконами кельия, вокруг благодатная тишина; больная старица, сидя на постели, самозабвенно читает письма старца-монаха.

⁸ Линтульский Свято-Троицкий монастырь – первый женский монастырь в Финляндии. Устроен в 1894 г. тайным советником Н. Ф. Нероновым в приобретенной для этой цели усадьбе Линтула. В 1905 г. общине присвоен статус монастыря. В 1939 г. в связи с началом Советско-финляндской войны все 40 монахинь обитатели перебрались вглубь Финляндии. В 1946 г. линтульские монахини переехали в с. Паллоки (Финляндия), где в 1973 г. была освящена новая церковь во имя Пресвятой Троицы.

Монахиня Мария (Анна Вырубова в постриге)

О своих учениках из дальних стран отец Иоанн писал: «В Англии Людмила Вахман читает о мытарствах⁹. Пишет мне: „Умоли святую мученицу [великомученицу] Варвару, чтобы она похлопотала прислать мне перед смертью священника“. Еще пишет: „Стараюсь переломить сластолюбие“; интересные ее письма, все же она глубоко верующая и боится умереть без покаяния. Умудри ее Господь» (22.02.1950).

Отцу Иоанну писали из Франции, из Германии. Елена Акселевна была своеобразным секретарем отца Иоанна, особенно в переписке с заграницей. Она снимала копии с писем старца и помогала их рассылать. Иногда отец Иоанн даже советовался с Еленой: «Посылаю тебе письмо из Америки. Прочти и, что Господь положит тебе на сердце, какой дать ей совет, напиши мне как можно скорее. Я буду писать ей, и мне желательно знать твое мнение, как писать» (17.03.1950).

В последние годы перед кончиной у старца совсем почти не было сил отвечать на письма. Тогда он просил «секретаря» ответить за него, написать о его состоянии и о том, что у него нет больше сил вести переписку с дорогими ему духовными чадами.

Одно письмо из сборника «Письма валаамского старца» обращено к жене иноверца. В подобном общении случались

⁹ См., напр.: Житие прп. Василия Нового и видение Григория, ученика его, о мытарствах прп. Феодоры. М., 1891.

особо трудные случаи. Так, из Эстонии в Америку переехала Галина Хейс, вышедшая замуж за еврея. Ей, православной русской, было совсем непросто войти невесткой в еврейскую семью, верную своим традициям. Особенно трудно было с сыном. Галина хотела воспитать его в Православии, но муж, подчиняясь уговорам своей матери, противился этому. Отец Иоанн глубоко сочувствовал Галине. Он знал ее еще со времен Старого Валаама. Старец давал подробные советы, как ей жить в еврейской семье, сохраняя любовь к мужу и уважение к его родителям, но оставаясь при этом верной своей Церкви. Батюшка дал разрешение на обрезание ее сына. Но были в этой семье не только скорби, о чем и сообщает старец в одном из писем 1952 года: «Получил от Галины письмо. Пишет радостно, что ее сын любит церковь, и Боженьку, и батюшку. Принимает Святое Причастие как взрослый и целует Святую Чашу и иконы громко, на всю церковь. А дома подражает диакону и поет громко, по-своему. Значит, Галина живет благополучно. Просит меня писать ей письма. Хочет прислать мне хорошие лекарства для лечения рук и ног».

Живя в обеспеченной семье мужа, Галина не забывала своего любимого батюшку. Вместе с мужем они присылали лекарства не только отцу Иоанну, но и другим монахам. И через много лет после кончины старца Галина писала Елене Акселевне и просила помолиться от своего имени на его могиле.

Старец вел переписку и с духовными дочерьми из Пюх-

тицкого монастыря. Они были друзьями отца Иоанна с довоенных времен, еще со Старого Валаама, о чем и свидетельствуют некоторые письма.

Елена Акселевна в Новом Валааме

Каждое лето во время отпуска Елена Акселевна приезжала в Новый Валаам – одна или с Павлой Максимовной. Поездка в монастырь и беседы с отцом Иоанном были самыми замечательными событиями года. С любовью и грустью вспоминала она летние незабываемые недели, проведенные среди живописной природы Нового Валаама.

В первые годы после переезда монастыря шоссейные дороги не доходили до поместья Папинниemi, и паломники добирались до Нового Валаама на пароходе из города Куопио. Позднее регулярные рейсы пароходов отменили, и вместо них было устроено сообщение на поездах и автобусах.

Чтобы приехать в монастырь, требовалось благословение игумена. Елена Акселевна писала к настоятелю, и отец Иоанн в своем письме передавал от него привет: «Отцу игумену я передал твое письмо. Он благословил тебе приехать. Обещал келлию, в которой ты была в прошлом году. Напиши отцу Симфориану, когда хочешь приехать, он пришлет лошадку. Отец Лука [заведующий гостиницей] все еще лечится в санатории» (18.06.1956).

Как-то Елена Акселевна не смогла приехать летом в монастырь. Мать ее была так слаба, что невозможно было оставить больную без присмотра. Не состоялось нечто очень важное – поездка в Новый Валаам. Елена была огорчена. Отец

Иоанн утешал ее в письме за 26 июня 1948 года.

Множество паломников приезжало в монастырь во время престольных праздников, особенно на Преображение Господне. Елена Акселевна и Павла Максимовна вспоминали, что накануне праздника монахи ходили в баню, заплетали длинные вымытые волосы в косички, на следующий день они были чистыми и пышными. С утра все облачались в праздничные одежды; особенно красив был отец Памва в своем розовом подряснике. Елена и Павла тоже старались принарядиться. Иноки приносили из сада в церковь ягоды и фрукты целыми бельевыми корзинами, чтобы после службы освятить плоды земные по церковному обычаю. Отец игумен часто приглашал их к себе на праздничный чай.

Отец Лука также зазывал иногда к себе на чай и угощал белым монастырским хлебом-ситником.

Как-то раз так вышло, что Елена Акселевна и Павла Максимовна, по мнению отца Луки, уже достаточно погостили в монастыре, и он сказал подругам: «Пора уже вам ехать обратно в Хельсинки». Те, естественно, пошли жаловаться своим старцам: Елена – отцу Иоанну, а Павла – отцу Михаилу. Но старцы сказали: «Раз приказали, так и поезжайте домой». Правда, потом отец Лука переменял свое мнение и попросил подруг остаться еще на некоторое время. И опять с новой, теперь уже радостной вестью они пошли к духовникам. Но старцы благословения не меняли: «Раз отец Лука сказал, так и поезжайте».

Когда Елена и Павла уезжали, в храме служили всенощную. Отец Лука был в алтаре. Тяжело было у него на душе, что выпроводил гостей раньше времени. Поэтому он открыл окно, высунулся и в знак примирения долго и весело махал им на дорожку. У подруг не было денег, и отец Иоанн одолжил им на дорогу. От канала Карвио они отправились на пароходе в Савонлинна, а оттуда в Хельсинки, и все беспокоились, хватит ли денег на билеты. Денег хватило.

Елена Акселевна путешествовала только в Новый Валаам. Но ее знакомые иногда бывали и за границей. Она рассказывала об этих поездках, и старец догадывался, что его духовная дочь хотела бы повидать мир. Но в письме от 26 мая 1953 года он говорит: «Я знаю дорогу ближе, очень полезное и назидательное это место, очень близко, ибо Господь указал его (см.: Лк. 17, 21). Советую тебе непременно самосильно стремиться туда».

И снова была поездка в монастырь, и опять о ней остались чудесные воспоминания. Отец Иоанн пишет своей любимой духовной дочери: «Всякому началу бывает конец, только Бог безначальный и бесконечный. Вот, Елена высчитывала время о поездке в монастырь сперва месяцами, потом неделями и днями. Дождалась, приехала, погостила и уехала, и все это было точно во сне, прошедшее время кажется скорое, а впереди ждать год. Очень долгим кажется. Вот так наша жизнь и проходит в ожиданиях».

Отец Иоанн в Хельсинки

В послевоенные годы отец Иоанн часто бывал в Хельсинки, проездом в город Порво [шведское название города – Борго]. Там находился дом для престарелых русских эмигрантов – «Солнце». В «Солнце» приглашали служить на праздники иеромонахов из Нового Валаама. Отца Иоанна часто благословляли на это послушание. По дороге в Порво старец не упускал случая встретиться со своими друзьями. Обычно отец Иоанн старался хотя бы на пару дней остановиться у Елены Акселевны, а вернувшись в монастырь, всегда тепло вспоминал гостеприимство хозяек, о чем свидетельствуют, к примеру, письма 1945 года.

Когда отец Иоанн гостил у Елены, он часто беседовал с ней о Русском студенческом кружке. Этот кружок был особенно важен для Елены Акселевны, и старец старался укрепить свою духовную дочь в ее стремлении сделать направление собраний чисто религиозным. Он ценил этот кружок, который работал на христианской основе, помогал Елене советами и поддерживал ее в сложных ситуациях. «С кружком: умудряйся поддерживать его, все же цель собрания кружка добрая. Это ничего, что иногда бывает разногласие. Только старайся, насколько возможно, быть мирной» (11.10.1953).

В Хельсинки отец Иоанн навещал множество знакомых. Проезжать с места на место ему помогала Лидия Райло, у

которой была своя машина. К тому же многие ее родные были верными друзьями отца Иоанна. Позднее Лидия в Новом Валааме несколько недель ухаживала за старцем, когда он был уже при смерти.

Богодельня «Ауринко» («Солнце»). Усадьба находится на территории г. Порвоо, пригород Гаммелбака (в переводе «Старая горка»)

Как-то отец Иоанн ехал вместе с ней к Елене Акселевне. В

подъезде они увидели пьяного, который просил денег. Лидия резко ответила, что у нее ничего нет. Отец Иоанн промолчал. Когда они вошли в лифт, старец спросил Лидию, смотря ей прямо в глаза: «Правда ли, что у тебя совсем нет при себе денег?» Та ответила, что деньги у нее, конечно, есть, но она не собирается давать их всяким пьяницам. Отец Иоанн возразил: «Но подумай, ведь это, может быть, его последняя бутылка до начала новой жизни!»

И Елена получила подобный выговор в письме за 9 сентября 1956 года: «Нет духовного смысла узнавать, кто просит помощи. Если и миллионер будет просить, по заповеди Божией, просящему надо дать. Пусть кто как хочет рассуждает, а я держусь этого мнения».

С возрастом у Елениной матери стало плохо с памятью. Однажды, оставшись дома одна, она положила дрова в духовку и хотела зажечь. К счастью, беды не произошло. Но теперь Елена боялась оставлять ее одну на целый день. Тогда старец придумал способ, чтобы не пускать Юлию Оскаровну на кухню. Он написал крупными буквами на картоне: «Юле на кухню не ходить», и прикрепил его к кухонной двери. Приказ подействовал, и дочь успокоилась.

Постепенно, с утратой сил, прекратились поездки в Хельсинки и в Порво. И хотя отец Иоанн временами чувствовал себя лучше, но должен был смириться, «во избежание разных пересудов».

Теперь сердце старца грели воспоминания о поездках. Об

этом – в одном из его писем: «Кончаю писать, ложусь спать. На дворе двадцать пять градусов [мороза], а в келлии двадцать пять градусов тепла. Дрова заготовили, кочегар топит хорошо, трубы даже горячие. У вас, вероятно, холодновато, одевайся потеплее, засыпай с молитовкой. Храни тебя Господи. Господь да спасет вас с мамой. Господь да поможет вам. Господь да избавит вас от муки» (30.12.1947).

Настоящее Православие – в России

«Митрополит Григорий служил у нас, и с ним служащих было восемнадцать человек. Служба была торжественная. [...] О приезде к нам митрополита Григория вы там больше узнаете, а я кратко скажу. Валаамские братия соединились после двадцатилетнего разделения и влились в Русскую Православную Церковь, и был у нас праздник три дня, теперь едиными устами и единым сердцем славим Господа» (1945).

После того как Финляндия стала самостоятельной и после образования Православной Церкви Финляндии, Валаам, под давлением властей, вынужден был перейти на новый стиль. Большая часть братий были против такой реформы. Из-за этого в монастыре возникли нестроения, иноки разделились на два лагеря – сторонников нового и старого стиля. После Второй мировой войны, уже в Хейнявеси, валаамские монахи по своей инициативе присоединились к Русской Православной Церкви, которая с радостью приняла монастырь. И Коневский монастырь, находившийся в эвакуации в Кейтеле, присоединился к Русской Православной Церкви¹⁰.

¹⁰ После революции Финляндская Православная Церковь получила право на автономное самоуправление. В 1923 г. она перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриарха. Когда из-за нововведений возникли нестроения внутри ФПЦ, то надеяться на скорую помощь Константинополя не приходилось. Начали искать сближения с Московской Патриархией. От Святейшего в Финляндию отправился митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков).

Хотя духовно монастыри окормлялись Русской Православной Церковью, административно они принадлежали Финляндской Церкви. Такая ситуация приводила ко многим недоразумениям. После присоединения к Московской Патриархии монастырям было дозволено соблюдение старого стиля.

В связи с приездом митрополита Григория у иноков появилась надежда вернуться на Старый Валаам. Многие из монахов были бы рады этому. Отец Иоанн не питал особых надежд: «Возвращение на Старый Валаам меня лично не очень радует. Зачем ехать туда, только для встречи со скорбями? Ведь мы еще пока не знаем, какие будут нам поставлены условия». Старец понимал, что братию теперь составляла группа стариков, более не способных справляться с многочисленными обязанностями, связанными с жизнью в таком большом монастыре, как Старый Валаам.

Вскоре положение Церкви в Советском Союзе осложнилось, и Москва более не проявляла инициативы по поводу возвращения. И все же вопрос не был полностью снят. В се-

4 октября 1945 г. владыка прибыл в Валаамский монастырь (о чем и пишет отец Иоанн). Новостильников он призвал к покаянию, и всех – к примирению. Игумен Харитон выразил просьбу монахов воссоединиться с Московской Патриархией. Митрополит Григорий совершил чин воссоединения иноков с Матерью-Церковью. Тогда же был решен вопрос о воссоединении с Московской Патриархией некоторых так называемых православных общин в Хельсинки. ФПЦ пока оставалась вне молитвенного канонического общения с РПЦ, находясь под юрисдикцией Константинопольского Патриарха. См.: Поездка Ленинградского митрополита в Финляндию// Журнал Московской Патриархии. 1945. № 11.

редине пятидесятих годов он снова возник, но теперь уже в новой связи.

Среди монахов постоянно обсуждалось положение в Русской Православной Церкви. К размышлениям побуждала настойчивая пропаганда Русской Зарубежной Церкви. Так называемая Синодальная Церковь, промонархически настроенная, враждебно относилась к Православной Церкви, действующей в Советском Союзе, обвиняя ее в сотрудничестве с коммунистическим режимом. Синодальная Церковь имела несколько журналов, издавала различную литературу. У нее была возможность отстаивать свою позицию в западных средствах массовой информации.

До отца Иоанна тоже доходили резкие отповеди зарубежныхников, адресованные Московской Патриархии. Старец старался оградить Русскую Православную Церковь от этих обвинений. Он призывал понять ее, а не осуждать. Эту болезненную для него тему он затрагивает в нескольких письмах 1954 года.

«Как же не признавать правительство, когда они там живут. Когда евреи были в плену у язычников, в Законе Божием сказано было, чтобы они молились за правительство страны... Совершенное Православие только и осталось в Русской Церкви. Святейший Патриарх Алексей строго следит за службами и требует все службы по Уставу исполнять. Я хорошо знаю, в других Церквях Православных дольше бывает панихида, чем отпевание. Ах, заграничные иерархи! Бревна

в своем глазу не видите, просто не хотите видеть, а сучки в глазу страждущей Церкви увидели» (28.08.1954).

Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский

И продолжает о Русской Церкви: «Из Финляндии одна дама ездила в Россию, говорит: „Была в церкви, народу много и усердно молятся. К стыду моему, я плохо изображала крестное знамение, рядом стоящая женщина сказала мне: ‘Ты неправославная, что ли, так плохо крестишься?’ – мне было стыдновато“» (28.08.1954).

Старцу очень понравился русский православный календарь, где были помещены фотографии иерархов Церкви. Отец Иоанн пишет Елене Акселевне: «Посылаю два календаря. Вот сколько там иерархов! Все с бородами!» (24.04.1953).

Как же не ехать на Родину?

Возможность возвращения братьев Нового Валаама в Россию снова стала рассматриваться в начале пятидесятых годов. Правда, теперь уже речь шла не о Старом Валааме, а просто о возвращении на Родину, в Россию.

Присоединение монастыря к Русской Православной Церкви влекло за собой определенного рода трудности в отношениях с представителями Финляндской Православной Церкви, отделившейся от Московской Патриархии и перешедшей в юрисдикцию Константинопольской Патриархии.

Только в 1957 году отношения стали налаживаться. Русская Православная Церковь учредила особую кафедру епископа для эмигрантских приходов и монастырей Московской Патриархии, действующих в Финляндии. Эту кафедру занял преосвященный Михаил, епископ Лужский. Приезжал он довольно часто, и руководству Финляндской Церкви, конечно же, не нравилось, что в монастырях Финляндии в качестве хозяина выступает епископ чужой Церкви. Кроме того, время было послевоенное, и отношение к враждебному еще недавно государству было, естественно, прохладным. Монастырские же братия принимали владыку Михаила тепло.

«Владыка служил всенощное бдение. Сослужили шесть иеромонахов и три иеродиакона. За литургией сказал речь

о Страшном суде Господнем. Не скажу, что говорил ораторски. В конце молебна передал от Патриарха Алексия икону Божией Матери для всей братии монастыря.

...На вечерне акафист читали собором – епископ и четыре иеромонаха. После акафиста прикладывались к патриаршей иконе. Ужин был у отца игумена, присутствовали владыка и соборные. За ужином разговор был пустячный. У епископа нет способности занимать разговором. После ужина владыка пригласил меня к себе на беседу. Просидел я у него полтора часа. Разговор был разный. Говорил он о своем трудном положении, о поездке сюда, в Финляндию, об общинах... Духовных опытов у него нет. Во внутренней жизни мало понимает. Коснулся своей проповеди к нам. Я сказал: „Говорил хорошо“. Поблагодарил меня за беседу. Остался доволен. К отцу Михаилу тоже ходил поговорить. Летом тот был у владыки и понравился ему.

В понедельник владыка пришел в половине литургии. Я зашел в алтарь взять Св. Таины для причащения. Он стоял в алтаре. Я спросил его: „Как Вы спали?“ Он сказал: „Спал всю“. Я сказал: „Это хорошо. Сон, как лекарство, полезен“. Певчие пели хорошо. У меня молитва была смешана как-то с грустью. После обеда получили от владыки каждый по пятьдесят граммов чая и маленькую баночку икры на двоих...

Владыка поехал с монахами в лес за дровами. Из леса шел пешком. Не хотел садиться, говорит: „Лошади и так тяжело, воз большой“. Интересуется монастырскими работами.

Говорил он: „Много пишут про меня в газетах клеветы, но я напишу опровержение“.

Есть и у нас такие, которые, когда служил епископ Михаил, не ходили в церковь. Говорят: „Он служит у большевиков“».

Увеличение среднего возраста братии, отсутствие притока новых послушников, ухудшение внешних условий, в которых находился монастырь, – все это вызывало у его насельников сомнения в возможности продолжать иноческую жизнь в Финляндии. Эти пессимистические настроения, а главным образом, незаконное крещение старостильников пробудили во многих иноках мысль о возвращении на Родину, где в послевоенные годы уже действовало несколько монастырей.

В официальном журнале Финляндской Православной Церкви «Аамун Койтто» в 1954 году была опубликована статья о канонических проблемах Финляндской Православной Церкви. Автор прямо требовал закрытия мужских монастырей на том основании, что они принадлежат Московской Патриархии, к которой, по словам автора статьи, были приписаны незаконно, в обход руководства своей Церкви. Статья отражала церковно-политическую ситуацию того времени и, вызвав беспокойство братий, усилила их стремление вернуться на Родину. Отец Иоанн тоже собирался переселиться в Россию. Тема эта затрагивается им в нескольких письмах 1955 года.

Со временем мнение отца Иоанна стало меняться: «Некоторые очень стремятся ехать в Россию. Однако надо полагать, что там такой свободы не будет. Мне писала монахиня из Эстонии: „Лучше вам доживать там, где живете“. Я тоже согласен с ней» (29.10.1955).

В связи с визитом в Новый Валаам владыки Николая (Ярушевича), митрополита Крутицкого и Коломенского, стали обсуждаться организационные вопросы, связанные с переездом. В письме от 15 мая 1955 года старец пишет, что «теперь Русская Церковь соединилась с Финляндской Церковью и официально монастырь переходит на новый стиль и подчиняется Церковному управлению»¹¹. Некоторые иноки стали просить митрополита о переезде в Россию. Препятствий не чинили, обещали разместить монахов по разным монастырям. Но вскоре отцу игумену пришло письмо от епископа Павла, в котором разрешалось совершать «службу по-старому. Препятствий не будет».

Мало-помалу мнение отца Иоанна склонилось к тому, чтобы ничего не менять: «Лучше здесь остаться. Устроились хорошо. Место уединенное... Раз Русская Церковь соеди-

¹¹ 7 мая 1957 г. было восстановлено каноническое общение между РПЦ и ФПЦ. Московская Патриархия признала юрисдикцию Константинополя над ФПЦ. Вследствие этого братия Валаамского монастыря была полностью подчинена ФПЦ, однако сохраняя за собой право совершать все богослужения по старому стилю (до весны 1977 г.). В связи с таким положением дел власти Советского Союза разрешили валаамским инокам вернуться на Родину. Старец Иоанн так или иначе затрагивает в своих письмах тему возвращения, но только семь монахов покинули обитель и стали насельниками Псково-Печерского монастыря.

нилась с Финляндской и стала теперь единая Церковь, смущаться не надо. И если это не признавать, то в какую же Церковь надо уходить?» В письме от 25 мая 1957 года отец Иоанн перечисляет имена двадцати двух иноков, подписавшихся за переезд.

В конце концов в Россию переехали только семь монахов: Михаил, Исавр, Лука, Геннадий, Сергей, Гурий и Борис. Местом их жительства стал Псково-Печерский монастырь. Теперь уже все эти бывшие отцы валаамские перешли от времени в вечность. Отец Иоанн в день отъезда братьев находился в больнице в Хейнявеси и не смог попрощаться с ними. В письме Елене Акселевне из больницы (31.12.1957) он пишет о том, что валаамские отцы устроились и занялись уже послушаниями.

«Письма валаамского старца»

В пятидесятые годы некоторые письма отца Иоанна были опубликованы в журнале «Аамун Койтто» в переводе главного редактора журнала, иеромонаха Павла. Благодаря этому читатели-финны смогли познакомиться с наставлениями старца и его миропониманием.

Зинаида Баякина, одна из духовных дочерей отца Иоанна, прочла публикацию и написала батюшке: «Хорошо переведено. Все ваши письма надо бы издать». Многие друзья отца Иоанна придерживались того же мнения. Старец заинтересовался этой идеей, и началась работа. Отбором и редактированием писем занялась группа, состоявшая из трех ближайших учеников отца Иоанна: Елены Армфельт, Тита Коллиандера и Дмитрия Дорогана, бывшего офицера царской армии.

Проект сборника родился осенью 1953 года. Речь шла тогда о том, чтобы издавать письма на русском языке, как они и были написаны. Первоначальный экземпляр в виде копии, сделанной на мимеографе [аппарат для размножения машинописного текста], был готов летом 1956 года.

Отец Иоанн с удовольствием принял участие в работе над сборником. Он даже сам поехал в Хельсинки, чтобы отобрать вместе с издателями материал для публикации.

Из письма к Елене Акселевне: «Когда ты кончишь перевод

книги, вот тогда думаю я приехать к вам, пока в состоянии и отец игумен отпустит на недельку – мне хочется рассмотреть мои письма со всеми вами вместе» (24.01.1954).

Письма Балаамских
Старца.
1939-1956 г.

Обложка книги, нарисованная отцом Иоанном

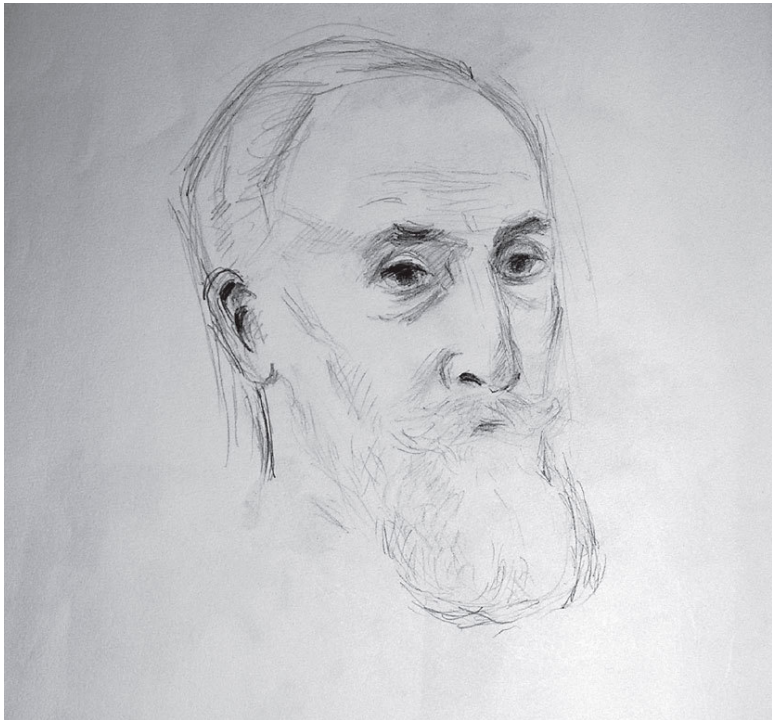
Особенно много трудилась над подготовкой книги Елена Акселевна. Старец не раз писал ей по этому поводу: «Прилагаю письмо иерею. По прочтении передай Инне Коллиандер. Она собирает мои письма. В тех письмах, что у нее, другие личности не попадали на страницы, а в тех, что у тебя, почти в каждом письме попадают другие люди. Конечно, я отвечал по содержанию письма. У тебя есть письмо к Ионовой, написанное карандашом, исключи его. Это письмо у Инны есть. Еще исключи письмо о Чаше. Мои переживания другим непонятны» (04.05.1954).

Часть писем потерялась. Старец успокаивал своих помощников, переживавших по этому поводу: «О потерянных письмах не надо скорбеть. Кажется, их много было собрано у Инны. Расположись на волю Божию. Наверно, так угодно Господу, чтобы они потерялись. Причина потери уважительная. Ведь все лето жили чужие у них. Да еще на свадьбе много народу было. Очень легко могли потеряться. Инна тоже скорбит, перебирает все вещи и сундуки. Ты прихворнула и отдохнула, поправляйся и не скорби о всех случайностях, которые приходят иногда, ибо они были и будут. Иначе и быть не может» (06.11.1954).

Работа над изданием дала старцу повод написать дополнительно несколько сочинений о духовной жизни. Часть из них была издана в сборнике «Письма валаамского старца»

вместе с другими текстами. Понятно, что не все сочинения удались и не все они вошли в книгу. Издатели волновались, как старец отнесется к этому. Но их волнения оказались напрасными: «Напрасно ты тревожишься относительно моих статей. Я ведь писал тебе, что посылаю их на ваше с Тито усмотрение. Если усмотрели, что они не нужны и не надо помещать в письмах, меня ничуть не тревожит. Также о письмах, которые забраковали, тоже не смущаюсь и тебе не советую смущаться. А то до чего дошла, что даже ночи не спала. Повторяю, будь спокойна...

Об обожении писать я не буду и не умею; вожусь все со статьями и не могу от них избавиться. Вот мне пример евангельской вдовицы: Господи, помоги мне, грешному, избавиться от долга страстям. Аминь» (28.04.1956).

Дмитрий Дороган – один из организаторов издания сборника. Рисунок Инны Коллиандер

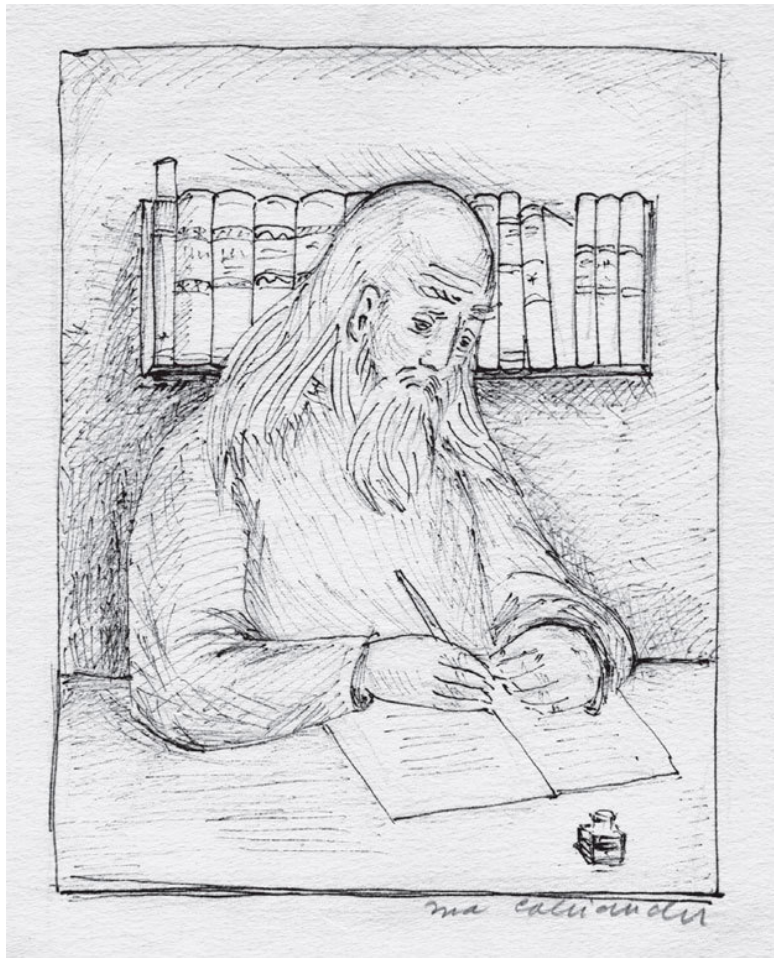

Рисунок Инны Коллиандер, выполненный по замыслу отца Иоанна

В итоге в книгу вошли несколько работ, в частности о Святых Таинах, о молитвенной жизни, о сновидениях и о нападении помыслов. Старец признавался, что, составляя статью о воплощении Сына Божия, углубился в тему так, что даже плакал, когда писал ее. Заслуживает внимания такая просьба: «Статейку о заграничных иерархах не надо исключать из сборника. Пусть они прочтут, бояться не надо. Дождусь ли я этого сборника, чтобы увидеть его, не знаю» (22.11.1954).

Все, кто участвовал в издании книги, имели скромные доходы, поэтому материальная сторона дела была под вопросом. Отец Иоанн тоже старался решить возникающие проблемы. «Много ли собрали моих писем? Дмитрий Дороган сказал мне, что можно напечатать здесь, в Финляндии, и не так дорого – таким способом, как были напечатаны молитвенники Г. Светловского. Поузнавай, можно сделать сбор? Клавдия Корелина, Тит, Шульц, и еще подыщи кого-нибудь. Это мое мнение, а вы там как хотите, так и делайте» (14.11.1955).

По просьбе издателей отец Иоанн написал предисловие. Иоанн Исаев, больной и немощный инок, переписал текст красивым почерком, и затем рукопись отправили в Хельсинки.

Отец Иоанн попросил Инну Коллиандер сделать рисунок для обложки сборника: старец-монах сидит и пишет письма.

Это пожелание не было исполнено, очевидно, из-за техники печати. Тогда отец Иоанн сам нарисовал обложку. Впрочем, он остался недоволен своим произведением: «Обложка не очень удалась. Лучше все-таки, чем ничего». Отец Иоанн предложил назвать книгу: «Письма о духовной жизни». Издатели придумали другое название: «Письма валаамского старца». Отец Иоанн согласился.

Составитель сборника Тит Коллиандер. Фото 1956 г.

По ходу работы возникали серьезные разногласия. Особенно много спорили, какие письма включать в книгу, а какие отложить. Каждый настаивал на своем и пытался убедить старца в своей правоте. Отец Иоанн выслушивал всех, старался каждого понять и примирить. Потом он полностью отстранился от участия в подготовке книги и доверил всю оставшуюся работу Титу Коллиандеру.

Отец Иоанн успокаивал Елену Акселевну: «От Титушки я получил письмо. Пишет насчет моих писем: „Дело ладится понемножку. Я их пересмотрел, исключил некоторые и вычеркнул ненужное и т. д. Слишком спешить нельзя. По моему мнению, это никогда не бывает на пользу предпринятому делу“. Пусть Тит делает, как он хочет. Я против этого ничего не имею. И ты не смущайся» (14.02.1956).

Вообще, старец был доволен, что его письма издаются. Иногда у него появлялась мысль: «Что же богословы скажут о моих письмах?» (03.04.1956). Вначале предполагалось, что статья «О Пресвятой Богородице» тоже войдет в сборник. По неизвестной причине она была исключена, но в данной книге публикуется полностью.

Летом 1956 года вышел наконец сборник писем старца на русском языке, внешне очень скромный, напечатанный на машинке и размноженный на ротапринте. Старец был доволен. Он посылал свою книгу друзьям вместе с письмами. «В Швеции и в Англии уже получили мою книгу. Как-то ее при-

няли в Америке?»

В Линтульский монастырь отец Иоанн послал три книги – монахиням Серафиме, Антонине и Евгении. Русская богадельня в Порво также получила один экземпляр, за который директор поблагодарила в ответном письме.

Отца Иоанна, естественно, интересовало мнение читателей о его письмах. Он был искренне рад, когда смог сообщить Елене Акселевне следующее: «Получил от Нади Шульц длинное письмо, пишет: „Константин послал сборник в Аргентину знакомому адвокату Н., который остался очень доволен“. И вот его отзыв: „Прекрасная книга, в этих простых письмах схимника Иоанна изложено много христианской мудрости и истины, взятых притом на каждый случай практической жизни человека – со всеми ее невзгодами, переживаниями и покаяниями. Главное же в книге – сама личность отца Иоанна“. Еще пишет Надя: „Константин радуется о том, что имеет возможность читать в переводе на финский язык ваши письма, они будут печататься в ‘Хехкува Хииллос’ и ‘Аамун Койтто’“».

Совсем по-другому отнеслись к сборнику в Новом Валааме. О том, что его критиковали, видно из следующего маленького эпизода: «Отцу Луке я дал прочесть о воплощении Бога Слова, он вернул и говорит: „Написано нелитературно“. Вот как монахи понимают богословие».

Прошло несколько месяцев, и духовник старца, отец Тарасий, высказал свое мнение и мнение других, единомыс-

ленных с ним, монахов о письмах. Отец Иоанн поспешил поделиться с Еленой Акселевной своими переживаниями по этому поводу в письме от 28 января 1957 года: «Отец Тарасий очень расстроился и с неистовым криком стал критиковать... Очень много наговорил мне».

И в последующих письмах старец рассуждает об отзывах на свой сборник. «Теперь редко встретишь человека, – сокрушается отец Иоанн, – чтобы знал в корне о духовной жизни и правильно понимал святоотеческое учение».

Свеча жизни догорает

В письме Марфе Платоновой, отправленном в июле 1950 года, отец Иоанн пишет о старости. Год за годом телесные недуги увеличивались и силы ослабевали. При этом старец целыми днями выполнял разные монастырские работы и послушания. Отец Иоанн всегда был сильным и поэтому долго не поддавался телесному старению.

Все же со временем ежедневное служение в храме стало ему не под силу, пришлось отказаться от участия в недельном круге богослужений. Но старец и далее посещал все службы и на литургии приобщался Святых Таин в одежде схимника вне алтаря.

После возвращения из больницы, в конце 1954 года, отец Иоанн в последний раз служил суточную службу. «По Божией милости я пока благодушествую», – успокаивает старец своих духовных чад. Но по тому, что переписка сама по себе стала ослабевать, можно было понять, насколько пошатнулось здоровье отца Иоанна. «Жизнь моя прошла, и приближается переход в другой, вечный и бесконечный мир», – писал он 13 апреля 1957 года.

В последние месяцы перед кончиной отец Иоанн стал нуждаться в постоянной помощи. В монастыре ему помогали работавший сапожником иеродиакон Иона и карел монах Димитрий. Иногда и духовные чада по очереди приезжали

ухаживать за старцем. Монахам не нравилось, что женщины ухаживают за схимником. Но отец Иоанн очень нуждался в помощи. Кроме старческих недугов, он страдал незалеченной грыжей, которая вызывала сильные боли. К тому же отец Иона и отец Димитрий стали менее старательно ухаживать за больным, жаловались, что им нелегко «возиться с больным, поскольку были заняты работой». Видимо, речь идет о каких-то монастырских послушаниях.

Схиигумен Иоанн на Финской земле

Усталость отца Ионы оказалась все же временной. На взволнованное к нему письмо Елены Акселевны он ее успокаивал в письме от 23 октября 1957 года.

За год до смерти, в ноябре 1957 года, отца Иоанна отвезли в дом престарелых в Хейнявеси, где он пробыл до середины января. Елена Акселевна и другие духовные чада старца приезжали его навещать. Дом престарелых находился недалеко от железнодорожной станции. Приехавшим издалека предоставляли ночлег. Появление близких людей очень много значило для старца, который не владел финским языком и не мог общаться с теми, кто его окружал. От одиночества мысли о смерти становились еще неотвязнее: «А смерть стоит за плечами, может быть, в эту же ночь и головушку скосит, ибо закон смерти неумолим» (24.12.1957).

По Новому Валааму отец Иоанн очень скучал и примерно в середине января 1958 года смог вернуться в родную обитель. Старец уповал на волю Божию и осознавал, что впереди – только приготовление к переходу в вечную жизнь. «Вообще мы как-то легко смотрим на умирающих, а если самим придется умирать? Как тяжело переносить всеобъемлющий страх перехода в вечность. Жутко делается, ибо неизвестно, что нас там встретит. Вот при этих мыслях все наши события и волнения совсем в другом виде покажутся. Мы вообще очень оземлились и воюем друг с другом в нашей скоро-

проходящей жизни. Господи! Спаси и вразуми нас, грешных. Аминь» (12.01.1958).

«...Как ни береги себя, а закон смерти неумолим, и не два же ведь века жить. В церковь всегда хожу, конечно, все сижу, и совесть не тревожит. Монастырских толков я никаких не знаю и держу себя уединенно. Теперь занят [мыслями] о переходе в другой, вечный мир, жутковато чувствуется, поделиться мнением не обретох единомысленного, читаю больше Евангелие и Апостольские послания, святых отцов. [...] Кончины бывают разные, иные умирают очень тяжело, а иные очень легко, ибо кому как Господь благоволит» (05.02.1958).

Первый ряд могил на монастырском кладбище

Монастырское кладбище. Фото 2004 г.

Последнее краткое письмо старца от 16 марта 1958 года:
«Все же слабею. Стал очень тоненький. С трудом ходил в баню. Посылаю тебе просфорочку, а другую передай Павле и Лидии. Старушке Сергеевне привет. Призываю на вас Божие благословение. Схиигумен Иоанн».

Кончина старца

Послушник Андрей Пешков должен был ежедневно ходить на почту в ближайшую деревню, а также делал закупки для монастыря в соседней лавке. Часто монахи просили его принести им из лавки что-нибудь. Утром 6 июня 1958 года брат Андрей, как всегда, зашел к монахам спросить, что кому нужно принести. Подошел он и к келлии отца Иоанна, постучался, произнес молитву и вошел. Отец Иоанн сидел на постели, и Андрей спросил: «Отец Иоанн, вам принести что-нибудь из лавки?» Старец не ответил и никак не отозвался. Андрей подошел поближе и повторил свой вопрос. Ответа не последовало. Послушник почувствовал страх, толкнулся в соседнюю келлию к отцу Гавриилу и попросил его зайти к отцу Иоанну. Отец Гавриил пришел, взял его за руку и сказал: «Уже холодная».

В полном уединении старец отдал душу Господу. Теперь братия должны были облачить его и положить во гроб. Через несколько дней состоялись похороны. Все, что происходило, ничем не отличалось от того заведенного порядка, по которому уже с давних пор валаамских монахов провожали в последний путь. Разница была только в том, что провожать схимонаха Иоанна прибыли и миряне. В их числе были самые близкие – духовные чада старца Елена Армфельт, Клавдия Корелина, Тит Коллиандер и некоторые другие.

Крест на могиле схиигумена Иоанна на монастырском кладбище. Фото 2010 г.

Земное послушание валаамского старца отца Иоанна закончилось. *И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его* (Еккл. 12, 7).

Размышляя о жизни отца Иоанна, с особым чувством вспоминаются слова Спасителя: *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то*

останется одно; а если умрет, то принесет много плода (Ин. 12, 24). Эта притча Спасителя становится яснее благодаря примеру жизни и смерти отца Иоанна, принесшего множество духовных плодов.

Спустя несколько лет после его кончины книга «Письма валаамского старца», ранее доступная в Финляндии лишь ограниченному кругу знающих русский язык читателей, была переведена и издана на финском языке. С тех пор имя отца Иоанна стало близким для большого круга людей, и они с благодарностью вспоминают о валаамском старце. Отец Иоанн не умер, он живет, и его наставления стали источником духовных сил для новых поколений христиан. Идет время, меняется мир. Но это лишь внешние перемены, а внутренний мир человека все тот же, он не меняется, остается таким же, каким и был испокон веков. Неизменно живущее в его душе стремление к Богу – это жажда духовной жизни, это попытка найти человека, близкого по духу, способного понять, утешить и простить. Нелегко найти такого, кто, не осуждая нас, с любовью и пониманием мог бы говорить о Царствии Небесном. Такой наставник нужен каждому. С течением времени становится понятным, почему все чаще и чаще люди обращаются к письмам отца Иоанна.

На родине отца Иоанна

Теперь точно известно, что Иван Алексеев родился в селе Губка Лихославльского района Тверской области (ранее Новоторжский уезд Тверской губернии). Все это и многое другое выяснилось по мере подготовки к изданию данной книги. Люди, заинтересованные в том, чтобы она вышла в свет, побывали в родных местах знаменитого старца.

Деревню нашли быстро. Удалось разыскать номер телефона и созвониться с внучатой племянницей отца Иоанна по брату Василию – Людмилой Сергеевной Баштрыковой. Она и указала церковь, в которую ходил отрок Иван, могилу, где похоронены родители и весь род Алексеевых.

Поговорили с соседями.

Общий вид деревни, колодец не изменились со времен детства отца Иоанна. Дом сгорел недавно, буквально в начале 2000-х годов. Одна из старейших жительниц деревни – Мария Громова, когда показывали фотографию отца Иоанна, заметила сходство между братьями Иваном и Василием. У Ивана было два брата – Василий и Петр – и сестра Елена. Петр и Елена уехали в Петербург. Василий держал две коровы и вел хозяйство своей семьей, работников не нанимал; несмотря на это, после революции его раскулачили. Василий до конца дней своих прожил в деревне в родительском доме, унаследовал фамилию Родионов по имени своего деда Роди-

она Тарасовича.

Дорогой мой О. Гизман!

Еще раз к вам проща-
юся, если это будет возможно.
Копируясь стою там же
на родную братью мою.

Адрес так.

Станица Мокшанская
Ставерской губернии, в Деревню
Тубку Василью Алексеевичу
Родионову.

Ему адрес укажи на
Валаамы, затем вы мне
сидимите.

Забеспокойство простит
И. Тарног.

Отрывок из письма (автограф) игумена Печенгского монастыря Иакинфа, будущего старца Иоанна, отцу Иувиану

Побывали и в церкви села Ильинского, к которой были приписаны жители деревни Губка, куда Иван Алексеев ходил на службы, где была и его церковно-приходская школа. Знаменский храм, освященный в конце 1823 года, представляет собой просторное каменное сооружение с двумя приделами во имя святых Илии пророка и мученицы Параскевы Пятницы. Построен он с расчетом на большое число прихожан. В храме замечательная акустика и шестиярусный иконостас. Иконы, по-видимому, писали на заказ в Санкт-Петербурге. Дошли до нас имена первых церковнослужителей – священников Алексея Ивановича Постникова и Петра Николаевича Богословского. Епархиальный статистический сборник тех лет приводит сословный список прихожан: семь семей духовенства, одна дворянская семья из Новинок, в селе же Константиново из 28 дворов в 23-х проживали военные. Если вспомнить русскую армию начала XIX века, то это, по-видимому, было так называемое аракчеевское поселение. После революции местные жители отстаивали церковь, не дали ее разрушить: обступили храм со всех сторон, так что люди с револьверами не могли к нему даже приблизиться. А когда церковную землю обложили непомерным налогом, прихожане продавали имущество, скот, чтобы только откупиться от властей и сохранить церковь. Во время Великой Оте-

чественной войны храм не закрывался ни на один день.

Недалеко от церкви находится сельский погост. В самом начале кладбища похоронены Алексеевы-Родионовы (более 30 человек). Среди них: Родионов Сергей Васильевич (племянник отца Иоанна), Родионов Николай Сергеевич (сын Сергея), Родионова Наталья Яковлевна (жена Сергея), Родионова Клавдия Петровна (внучатая племянница отца Иоанна, по племяннику Петру Васильевичу).

Деревня Губка. Фото 2004 г.

Прихожане и паломники из Финляндии у ворот Знаменской церкви с. Ильинского. Священнослужители в первом ряду (*слева направо*): протоиерей Сергей Коллиандер, епископ Арсений, митрополит Пантелеимон, епископ Филарет, протоиерей Серафим. Фото 11 июня 2014 г.

Божественная литургия в Знаменской церкви с. Ильинского. Епископ Арсений, митрополит Пантелеимон, епископ Бежецкий и Весьегонский Филарет (РПЦ). Фото 11 июня 2014 г.

**ПРЕПОДОБНЫЕ ОТЦЫ НАШИ
СЕРГИЙ И ГЕРМАННЕ,
МОЛЯТЕ БОГА О НАС!**

На молитвенную память о посещении прихода во имя иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в селе Ильинском Лихославльского благочиния Бежецкой епархии Тверской митрополии Московского Патриархата ошущая радость от вознесения общих ко Господу молитв с прихожанами-земляками приснопамятного отца схиигумена Иоанна Валаамского (1873–1958) преподносим икону сию преподобных отцов Сергия и Германа Валаамских, чудотворцев, основателей обители. Икона освящена в соборе Спасо-Преображенского Валаамского мужского монастыря в Финляндии, где написано большинство сохранившихся писем о духовной жизни рукою отца Иоанна.

11-го июня 2014 года

Митрополит Пантелеимон
Епископ Арсений
с группой паломников

Финляндская Православная Церковь

Икона, подаренная прихожанам Знаменской церкви паломниками из Финляндии

Могилы Алексеевых-Родионовых на сельском кладбище.
Фото 2004 г.

11 июня 2014 года группа верующих Финляндской Православной Церкви из 29 человек, в том числе митрополит Пантелеимон, епископ Арсений, протоиерей Сергей Коллиандер, диакон Юрьё (Георгий) Саранпяй побывали на родине отца Иоанна. [Фотографии, сделанные в этой поездке, помещены в разделе «Фотоальбом».]

В Знаменской церкви с. Ильинского епископ Бежецкий и Весьегонский Филарет, митрополит Пантелеимон и епископ Йоэнсууский Арсений совершили Божественную литургию.

Благословение старца

05.02.1956

Новый Валаам

Боголюбивые чада мои!

Вы собрали мои письма и хотите издать их; если вы усмотрели, что письма послужат на пользу, собирайте и издавайте.

Я ведь писал письма в разное время и разным лицам, вот и получились неизбежные повторения.

Хорошо бы было мне пересмотреть их самому, но это нельзя исполнить, ибо я не могу приехать к вам по болезни ног моих. Да я и дряхлею; теперь мне стукнуло восемьдесят три года; благодарю Бога, что память пока хоть и тупеет, но не изменяет.

Письма писал я, что Господь полагал мне на сердце; в школах я не учился и писал – как умею говорить, так и писал. Человек я от природы застенчивый и недалекого ума, это я вполне сознаю, и память плохая.

У нас портной работал шубы; знал читать и меня учил. Тупо я понимал, а сестра моя скоро заучила буквы и укоряла меня: как ты не понимаешь? Вот я уже заучила, а ты все не понимаешь! Наконец и я научился читать. В то время керосина не было еще, по ночам в избе работали с лучинкой. Я наблюдал за огнем, лучинку вставлял в светец, а угольки падали в приготовленный ушат с водой. Отец мой плел лапти, а мать и сестра пряли или починяли; еще у меня было два брата. Вот что еще интересно: спичек не было, в печке делали ямку, в нее угли загребали кочергой, вот огонек там

и хранился. Случалось, потухали угольки, мать, бывало, скажет: «Ванька, сходи к Андрею за углем». Вот я и принесу уголек в баночке. Подую на уголек, приложу лучинку – вот и добыли огонек!

Когда я начал читать, то приобрел несколько книжек Житий святых – тогда печатались такие маленькие книжечки.

Был у меня друг единомысленный. Вот мы с ним и толковали, как спастись. Ходили пешком в Нилову пустынь – за 150 верст от нас; посушим сухарей мешочек, пристроим на плечи – и марш в дорогу. Ходили мы туда три раза. Слышали мы, что там, в лесах, живет пустынноца Матрена, но никак не могли повидать ее. Да и глуповаты были – ведь только по тринадцать лет.

Старший мой брат жил в Петрограде. Он был деловой и неглупый, имел трактир и меня к себе взял. Немного я пожил с ним и книжки все приобретал. Как-то брат поехал в деревню, а я – в Коневский монастырь. Нашелся попутный человек, владеющий финским языком. На Коневце нам не понравилось, и мы отправились дальше, на Валаам. Я остался на Валааме, а он [попутчик] вернулся в Петроград. Мне тогда было шестнадцать лет. Моя мать приезжала ко мне. Проживши четыре года в монастыре, я был взят на военную службу. Служил я в стрелковом полку четыре года – тогда такой срок был, – пришел со службы, в доме с отцом пожил года два и второй раз прибыл на Валаам, в 1900 году. Вот и живу с тех пор в монастыре, и мысли никогда не было, чтобы вернуться

в мир.

Благодарю Господа, что Он по Своей милости сподобил меня, грешного, провести всю мою жизнь в монастыре. Кто будет читать мои письма, умиленно прошу: помяните в своих святых молитвах меня, великого грешника.

Старец Валаамского монастыря

Письма Елене Акселевне Армфельт

[1945]

Христос посреди нас! Боголюбивейшие Юлия и Елена!

В первую очередь пишу вам. Сердечно благодарю за радужное гостеприимство. Я [себя] чувствовал у вас лучше, чем у своих родных, хотя много и лишнего болтал. Припоминаю вашу квартирку: стол, диван, келейку Еленину, коридорчик, кухню, в которой угощали меня обедом, и прочее; все представляю и вижу точно наяву. Приехали мы в монастырь в субботу в семь часов утра. В Пиексамяки сидели мы десять часов. На лошадке ехали двадцать километров три с половиной часа. Мороз был десять градусов. Для меня был привезен тулуп. Ехать было тепло, только зябли пальцы на ногах и на руках, но все же не поморозились. По приезде в монастырь сразу же ходил в баню, смыл городскую пыль. Мне очень не хотелось ехать в четверг, но по настоянию Анны Яковлевны не мог остаться один, без наместника. Гостил я в городе хорошо, очень хорошо. Но отъезд был печальный. Кроме того, что в дороге был две ночи, еще прибавилась неприятность: отец Геннадий приехал встречать нас

на вокзал в пятницу в двенадцать часов дня, но по случаю опоздания поезда пришлось ему, бедняге, ждать до субботы, до трех часов утра. За такой долгий промежуток времени лошадь ушла. Была привязана в конюшне, но повод оборвала – дверь была открыта – и исчезла лошадка неизвестно куда. Сама ли ушла или воры похитили – осталось в тайне. Теперь идут розыски. Лошадь самая хорошая, да еще чужая. Дали в монастырь на время. И приехали мы в монастырь на лесничьей лошадке. Теперь много толков в братии нашей. Один инок сказал мне: «Ты разъезжаешь, и лошадь потеряли». Раньше сказал мне другой инок: «Есть ли в монастыре хоть один монах, который сердился бы на тебя?» А оказалось, есть. Люди как люди: сегодня хвалят, а завтра свалят. Однако я не тревожусь, ибо глубоко верю, что не без Божией же воли это случилось. Отец игумен тоже сказал: «Потеряли лошадь». Я ответил: «Не то теряли, а лошадь нечего жалеть». По Божией милости я здоров. Сердце в полном порядке. Совершенно спокоен. «Слава Богу за все!» – сказал святой Иоанн Златоуст.

Сердечно благодарю за образ преподобного Серафима; созерцаю его житие и рассматриваю свое пустожитие; жутко делается, иногда готов волосы свои на голове рвать, за свое нерадение. Время жития моего в сей юдоли плачевной [см.: Пс. 83, 7] приближается к концу, и брренное мое тело взято из земли, и в землю паки опустят. Пишу эти строки и плачу. Господи! Помоги же мне, грешному извергу, прине-

сти истинное покаяние, подобно тому иноку Силуану, которого я отпевал не так давно и сподобил причастить Святых Твоих Таин, недостойно носящего светлые церковные ризы и именующегося служителем и совершителем Божественной литургии. Опять плачу, кончаю писать и ложусь в постель, продолжая плакать, и слезы текут струей на подушку. Тишина. Огонь погашен, братия улеглись спать – и опять усиленный плач.

Суетный мир продолжает жить своей жизнью, а многогрешное мое тело лежит в холодной могиле, тело взято из земли и *возвратится... в землю... а дух* возвратится к Богу, который дал его, говорит Екклесиаст [12, 7]. А ты что приобрел в будущий век? А? Мученики покажут язвы за Христа, преподобные – подвиги, а ты что? Напялил схиму на себя, обещался пред Евангелием и пред братией нести подвиги, а как живешь? Продолжаю плакать. Встал, пошел умылся, нашел огарок свечки, продолжаю писать. Написал я тебе безумно, по безумию моему, но не буду безумен, ибо написал свое переживание, а если ты посмеешься – я не посетую на твой смех. А на мою болтовню, ибо я много иногда болтаю, повесил бы замок на мой рот, но в данное время нельзя этого сделать, духовничество и служба препятствуют. [...]

Пароход у пристани Нового Валаама

Здесь озера замерзли, лед крепкий, я уж бегал по льду. Здоровье мое хорошее, сердце в порядке, в будущее воскресенье уже назначили служить. Работать буду полегче, после обеда часика два дрова пилить. По твоему совету лекарство буду принимать, которое доктор прописал, – Бог лечит посредством докторов и лекарств. Когда Господь исцелил слепого, сперва *сделал брение* из земли и помазал слепому глаза [Ин. 9, 6], это указал Господь на лекарство, говорят бого-слова.

Кружок возглавлять – не советую отказываться, только

следи за собой и старайся быть мирной. А как ваша миссия к Б. И. Сове? Это мое письмо вышло – точно сумасшедшего, но как чувствовал, так и писал. Покрой мои недостатки христианской любовью.

Оказалось, нашу лошадку воры похитили, но для монастыря лошадь ничего не значит, у нас еще есть лошади; кто похитил – ему нужнее.

Хартию о сновидениях потом пришлю. Это письмо тороплюсь послать – скоро едут на станцию. На вас с мамой призываю Божие благословение. Храни вас Господи. Передай поклон [той], которая у вас живет, забыл ее имя.

Прошу святых молитв ваших.

Многогрешный схиигумен Иоанн

[1945]

Честнейшая о Господе Елена!

Ваше почтенное сердечное письмецо я получил и с любовью прочел несколько раз, писано разборчиво; и впредь так пиши. Слов не нахожу, как вас благодарить за доброе и хорошее отношение к моему недостоинству. Ваш скромный стол был для меня слаще всякого богатого стола. Маленькая кухонька, газовая плитка, Юлия хлопочет, печет блины, и дочь помогает. Было так хорошо и приятно смотреть на вас, и чувствовал я себя очень хорошо. [...]

С вашей стороны все было для меня просто, хорошо, откровенно, и на мои недостатки смотрели сквозь пальцы. Ваша жизнь мне понравилась. Живете так, как жили христиане первых веков. Это я говорю так, как мне показалось. Хорошо, что ты не любишь говорить о церковных делах: подобные разговоры очень мешают внутренней жизни, также и политика вредна. Я вам пришлю посылочку. Не откажитесь принять. Еще посылаю двести марок, ибо вы много тратились на меня. У меня еще осталось тысяча двести марок. Вас прошу: не надо посылать мне ничего, ведь у нас все есть, что нужно для поддержания жизни. Одного крепко я желаю, чтобы быть на небе хоть маленькой звездочкой, однако на небе я вам желаю быть большой сияющей звездой. Святой апостол уподобляет славу небесным светилам [см.: 1 Кор. 15, 40–41].

Наша лошадка нашлась, у крестьянина в пятнадцати километрах от станции. По Божией милости я здоров, заступаю служить в седмицу. Уважаемую Юлию сердечно благодарю за хорошее теплое письмо. [...]

На вас с мамой призываю Божие благословение.
Храни вас Господи.

Любящий вас схигумен Иоанн

14.08.1945

Боголюбивейшая Елена! Христос посреди нас!

Твое почтенное письмецо я получил и прочел с любовью.

Хорошо, что ты стремишься к духовной жизни, но старайся духа не угашать [см.: 1 Фес. 5, 19], хотя вам и труднее развивать духовную жизнь в миру, но стремящимся Господь поможет.

Святой Иоанн Лествичник удивляется странному в нас действию: почему мы, имея помощниками на добродетель и все сильного Бога, и ангелов, и святых человеков, а на грех – одного беса лукавого, удобнее и скорее преклоняемся к страстям и порокам, нежели к добродетели? Остался вопрос открытым – святой не хотел нам объяснить. Однако можно догадываться, что наша природа, порченная преслушанием, и мир со своими разными соблазнами ошеломляюще помогают диаволу, и Господь не нарушает наше самовластие. Нам должно стремиться к добродетели, насколько хватит наших сил, но устоять в добродетели состоит не в нашей власти, а в Господней, и хранит Господь не за наши труды, а за смирение. «Где случилось падение – там предварила гордость», – говорит Лествичник.

Но Господь по Своему милосердию дал нам, немощным, покаяние, ибо наша порченная природа очень и очень склонна ко греху. Святые отцы своим опытом изучили до тонкости нашу природу, утешают нас и подробно изложили в сво-

их сочинениях способ борьбы со грехом. Теперь у тебя есть книжица «Невидимая брань» – посматривай в нее почаще.

Когда ты уезжала, я глядел на пароход с берега, но постеснялся махать рукой, ибо там стояли наши батюшки. Долго я смотрел на пароход, пока он не скрылся из моих глаз, и пошел в свою келлию с грустью, точно что-то потерял дорогое. Человецы есмы, и человеческое [о себе] напоминает. Мало пришлось нам беседовать на пользу души. Все как-то было несвободно, а когда выпадали минуты свободные поговорить – был усталый и течения мыслей иногда были не связны. Но я надеюсь, что ты мои недостатки покроешь христианскою любовью. Хотя и короткими были наши беседы, однако и я получил пользу от твоей откровенности. Конечно, ты это не заметила. В общем, наш разговор был по душам. Так говорить не только с мирянами, но и с иноками не приходится.

После твоего отъезда у меня оказалось времени много свободного. По окончании покоса вся братия получила отдых и готовится ко Святому Причастию в воскресенье, а я вступил в седмицу служить и тебя поминаю в своих недостойных молитвах.

Относительно молитвенного твоего правила умудряйся сама, только чтобы было не на ветер, как бы только выполнить. Старайся внимательно. Не лучше ли сократить, чем со смущением выполнять и быть рабом у правила? Это не моя мысль, а святого Исаака Сирина. И в «Невидимой брани» это

писано, только не помню, в которой главе. [...]

Призываю на тебя Божие благословение, пребываю с любовью во Христе.

Твой недостойный сомолитвенник схигумен Иоани

[10.1945]

Христос посреди нас! Боголюбивейшая Елена!

Твое письмо я получил и отвечаю на него кратко. Твои каракули еле разбираю, сразу не прочесть.

Ты пишешь: «Жизнь завертела меня, и никак не могу настроиться на молитву». О молитве хорошо говорить лично, однако напишу кратко своими словами. Молитва имеет три названия: устная, умная и умно-сердечная. Устная говорится языком; когда одна находишься – вслух, и при других – молча. Умная молитва произносится одним умом. Умно-сердечная молитва – соединен ум с сердцем; и к этой молитве не стремись, она к твоей жизни не идет, такая молитва требует уединения, и без уединения она не может быть, и уединение без молитвы тоже не может быть. Это я говорю в полном смысле об уединении, отложивши всякое попечение о скоропроходящей этой временной жизни. У тебя жизнь деятельная, и как ты мне говорила, что внимание у тебя в груди, будь этим довольна, к высшему не стремись, все хорошо в свое время и на своем месте. Если ты ум заключаешь в сло-

ва молитвы – по Лествичнику – это вторая степень молитвы (двадцать восьмое слово, девятнадцатая глава)¹².

Святые отцы всякое доброе дело приписывают молитве, вот ты больше в этом и упражняйся, старайся хранить свою совесть чистую к Богу, к людям и вещам, впрочем, все ты хорошо сама знаешь, остается только покрепче себя в руки взять. Ты еще пишешь, что «помнишь советы отца Сергия и письма его повторяешь, но толку мало, поступаешь не по ним». Какого же ты толку хочешь получить, когда сама не хочешь потрудиться исполнить его советы? Нет, честнейшая, так не бывает, все будешь только спрашивать, читать и говорить о спасении, а трудиться не будешь, – толку не будет. Но довольно об этом писать, только словами можно все выразить.

О приезде к нам митрополита Григория [(Чуков), Ленинградский и Новгородский] вы там больше узнаете, а я кратко скажу. Валаамская братия соединилась после двадцатилетнего разделения и влилась в Русскую Православную Церковь, и был у нас праздник три дня, теперь едиными устами и единым сердцем славим Господа.

У нас митрополит Григорий служил, и с ним служащих было восемнадцать человек. Служба была торжественная.

¹² «Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина же ее – в том, чтобы ум заключался в словах, которые произносим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу» (Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 28. О матери добродетелей, священной и блаженной молитве, и о предстоянии в ней умом и телом. Гл. 19).

На вас с мамой призываю Божие благословение.
Храни вас Господи!

Схиигумен Иоанн

[1945]

Добрейшая о Господе Елена!

Сердечно благодарю за посылочку, также и рабу Божию Павлу! Не по времени теперь посылать их, у вас там тяжело-вато живется – в смысле питания.

Ты смущаешься, что видишь себя очень слабой в духовной жизни. И идешь не вперед, а назад. А ты как же хочешь видеть себя, исправной во всем, что ли? Но не так бывает по закону духовного ведения. Чем больше преуспевает человек в духовной жизни, тем больше видит себя грешным. Святой Петр Дамаскин пишет: «Если увидишь свои грехи, аки песок морской, и это есть начало просвещения души своей и знак ея здоровья». И просто: душа делается сокрушенной и сердце смиренным и считать себя поистине хуже всех.

В молитве не унывай, если не видишь успеха, прочти в «Лестнице» в 26-м слове 60-ю главу, еще 28-е слово, 29-ю главу¹³. Ты пишешь, что я взялся учить тебя уму и разуму.

¹³ «Все просящие чего-нибудь у Бога и не получающие, без сомнения, не получают по какой-либо из сих причин: или потому, что прежде времени просят; или потому, что просят не по достоинству, а по тщеславию; или потому, что, получивши просимое, возгордились бы или впали бы в нерадение» (Прп. Иоанн Си-

Но не так; как же я могу учить других, когда сам иду ощупью и спотыкаюсь, а если *ведет слепец слепца, оба упадут в яму* [Мф. 15, 14. Лк. 6, 39]. После долгой переписки с отцом Сергием, вероятно, хранятся у тебя его письма и помнишь его советы, а я, безграмотный, как могу руководить другими в таком великом деле, которое дороже всего мира? У меня своих опытов духовных нет, а если кому отвечаю, [то] не свое, а заимствовано от святых отцов, и сам краснею: других учу, а сам как живу?

В данное время мы лишены этого блага – жить под руководством старца, опытного в духовной жизни. Руководитель должен указывать дорогу, по которой сам шел, а если будет руководить только по книгам, [это] совсем не то; говорящий и слушающий думают, что оба назидаются, но когда вкусят, яко благ Господь, тогда познают свои ошибки. Святой Петр Дамаскин говорит о себе: «Много я получил вреда от неопытных советников». Руководитель должен быть бесстрастный и иметь дар рассуждения, именно: знать время, начинание, предприятие, устройство человека, крепость, знание, усердие, возраст, силу, немощь, произволение, сокрушение, навык, незнание, силу тела, сложение, здоровье и болезненность, нрав, место, воспитание, расположение, наме-

найский. Лествица. Слово 26. О рассуждении помыслов, и страстей, и добродетелей. Гл. 60). «Долго пребывая на молитве и не видя плода, не говори: я ничего не приобрел. Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение; и какое благо выше сего, прилепиться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним?» (Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 28, гл. 29).

рение, поведение, понимание, природный ум, старание, бодрость, медлительность, намерение Божие, смысл каждого изречения божественного Писания и многое другое. Вот каков должен быть руководитель в духовной жизни и какое иметь рассуждение.

К стыду моему, живу я в монастыре уже сорок восемь лет и до того расстроился, что просто не знаю, с чего и начинать, как спасти свою душу; однако ты не подумай, что говорю так по смирению. Нет, нет, а такой есть воистину. Смолоду было у меня ревности хоть отбавляй. Носил некоторое время власяницу и вериги, старался искать святых подвижников, но как-то не удавалось найти, вероятно, не понимал их по неопытности своей. Первая ревность очень обращает внимание на букву, убивающую дух [см.: 2 Кор. 3, 6], и не встречал такого наставника, который мог бы поддержать ревность и руководил бы правильно в духовной жизни, а без руководства живущий – по Лествичнику – «ненадежный», ибо он кичится. Так я и остался ни с чем пирожок. Но не отчаиваюсь, верую в Божие милосердие и стремлюсь к Нему по силе моей. Припоминаю евангельский виноградник, в который пришли наемники уже в одиннадцатый час и получили такую же плату, как те, которые работали с утра [см.: Мф. 20, 1–15]. Очень я доволен и рад, что Господь судил мне жизнь проводить в стенах монастыря.

Схиигумен Иоанн в Финляндии

Ты писала, что «любишь вкусную пищу»; а кто не любит? Только тот не любит, кто вкусил небесного утешения и обуздывает чрево – этого господина всего худого.

Прости, написал плохо, разбирай как-нибудь, по догадкам. Много еще пропусков и не договорено, некоторые выражения могут даже смутить тебя. Я написал, что буква уби-

вает дух [2 Кор. 3, 6], но надо понимать намерение слов: буква убивает того, кто останавливается на ней и смотрит на нее как на добродетель, а не как на пособие к добродетели; конечно, плоды не бывают без листьев, однако смоковница засыхает без плодов.

Просфорочки раздай по назначению, потрудись.
На вас с мамой призываю Божие благословение.
Храни вас Господи.

*Пребываю с любовью во Христе, ваш недостойный
сомолитвенник схишгумен Иоанн*

11.02.1946

Честнейшая о Господе Елена Акселевна!

По Божией милости я здоров, после обеда часа на два хожу дрова пилить.

Не пугайся, что у тебя нет благоговения в молитве, хорошо и спасительно, что нудишь себя молиться; загляни в «Лествицу», слово 28, глава 29¹⁴.

¹⁴ «Все просящие чего-нибудь у Бога и не получающие, без сомнения, не получают по какой-либо из сих причин: или потому, что прежде времени просят; или потому, что просят не по достоинству, а по тщеславию; или потому, что, получивши просимое, возгордились бы или впали бы в нерадение» (Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 26. О рассуждении помыслов, и страстей, и добродетелей. Гл. 60). «Долго пребывая на молитве и не видя плода, не говори: я ничего не приобрел. Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение; и какое благо выше сего, прилепляться ко Господу и пребывать непрестанно в соедине-

Бога не представляй очень строгим. Он очень милостивый, знает нашу человеческую немощь. Святых отцов мы должны благоговейно чтить, ибо они особенные избранники Божии, а чтобы не смущаться, что мы не можем подражать им, загляни в «Лествице» в слово 26, глава 125¹⁵.

Я тоже желаю, чтобы Господь сподобил тебя жизнь окончить в монастыре. Будем молиться и надеяться, что Он осуществит наше желание, теперь пока поживи с мамой, послужи ей, по пятой заповеди¹⁶.

К монастырской жизни припасай терпение, да не один воз, а целый обоз.

Безграмотные мои письма мне не нравятся; вот я написал тебе, чтобы уничтожила их, а если по смирению своему хочешь хранить, пусть остаются у тебя. Пиши мне, не стесняйся, всегда отвечу, насколько вразумит меня Господь. Иногда смущает меня мысль: «Зачем переписку веду, безграмотный, с образованными?» Сообщи мне адрес Юлии Андреевой, думаю написать ей письмецо. Будем надеяться, что мы с тобой, Бог даст, увидимся, тогда побеседуем. Святоотече-

нии с Ним?» (Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 28, гл. 29).

¹⁵ «Весьма неразумен тот, кто, слыша о сверхъестественных добродетелях святых мужей, отчаивается. Напротив, они преподают тебе одно из двух полезных наставлений: или чрез святое мужество возбуждают к ревности, или чрез всесвятое смирение приводят тебя к глубокому познанию твоей немощи и к зазрению самого себя» (Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 26, гл. 125).

¹⁶ *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе* (Исх. 20, 12).

ское писание направлено к трем степеням духовного совершенства: к младенцам, средним и совершенным, а как мы с тобой младенцы, нам требуется и полезна мягкая пища, вот и извлекай оттуда класы духовные, согласно своему возрасту.

Умудри тебя Господи, разбирайся и не смущайся. Призываю на вас с мамой Божие благословение. Храни вас Господь.

Схиигумен Иоанн

19.04.1946

Честнейшая Елена Акселевна!

Вот вступили мы во Святую Четыредесятницу. Святая Церковь вопиет: «Постимся постом приятным, благоугодным Господеви; истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглашения, лжи и клятвопреступления. Сих оскудение, пост истинный есть, и благоприятный»¹⁷.

В Прощеное воскресенье, после ужина, перерыв на полчаса; в семь часов собрались все иноки в церкви, пропели Пасхальный канон, прочли молитвы на сон грядущий, затем приложились к образам. Отец игумен просил прощения, сделал земной поклон, и все братия также поклонились ему до земли, и подходили все по очереди, прощались, лобызали ра-

¹⁷ Самогласен на стиховне. Вечерня понедельника первой седмицы Великого поста.

мена, один по одному, только и слышно: «Бог простит, и меня прости, грешного», – затем разошлись молча по келлиям.

Хороший обычай, как-то хорошо отзывается на душу, все примирились. Всю эту неделю не работают, причащаются будут в субботу.

Вас с мамой поздравляю со Святою Четыредесятницей; помощи вам, Господи, провести оную в христианском благочестии и встретить Светлое Христово Воскресение. [...]

К Святой Пасхе предстоит мне бывать в ваших краях проездом мимо Хельсинки, может быть, и к вам заверну на денек, если Господу будет угодно. Только об этом не говори никому.

По Божией милости я здоров, живот и сердце в порядке.

Призываю на вас с мамой Божие благословение.

Храни вас Господи.

Схиигумен Иоанн

[1946]

Боголюбивейшая Елена Акселевна!

Твое письмо из санатория я получил, и видно из него, что уныл дух твой, и смятется сердце твое [см.: Пс. 142, 4], и почувствовала себя выбившейся из колеи, и стала никуда не годной, и сама над собой удивилась. Однако вся причина в тебе, ты сама и не замечала, что находилась в тонком са-

момнении, и думала, что уже летишь на небо, а внутреннего истинного смирения не было у тебя и совершенного расположения в волю Божию. Господь по Своему благоутробию послал тебе некоторое изменение в твоей обычной жизни, и ты упала духом и почувствовала себя никуда не годной, а в этом-то и состоит смирение, чтобы чувствовать себя никуда не годной.

Не унывай, чадо, понудь себя на молитву, и по Божией милости все возмутившееся внутреннее твое грязное болото успокоится и будет тихо и спокойно.

Меня назначили на Страстную неделю служить в Борго в богадельне. Если будет угодно Господу, постараюсь навестить вас на пасхальной неделе. Советую тебе, не торопись выходить из санатория, отдохни хорошенько, помоги и храни тебя Господи.

*Ваш добροжелатель и недостойный сомолитвенник
схиигумен Иоанн*

10.07.1946

Папинниemi

Христос посреди нас! Боголюбивейшая Елена!

Письмо получил, за все сердечное спасибо. На именины спек булочку. Печенгских угостил чайком с булочкой, конечно, служил и вас с мамой поминал.

Мое желание о тебе, чтобы ты проводила духовную жизнь и, что было на душе, старалась высказать все ради Бога, на спасение души. И все наши беседы пусть останутся между нами, и если что примешивается человеческое, не удивляйся – человецы есмы, и человеческое напоминает для нашего смирения. *Блюдите убо, како опасно ходите*, – говорит апостол [Еф. 5, 15], и все наши предосторожности без благодати Божией рассыпаются вдребезги, ибо не в нашей власти состоит устоять в добродетели, как и раньше я тебе говорил; стремиться к добродетели и понуждать себя надо крепко, это состоит в нашей свободной воле.

У тебя теперь есть понятие о внутренней жизни и некоторый навык – понуждай себя чаще внутренне молиться, насколько хватит сил и времени, еще упражняйся в смертной памяти и молись Богу, чтобы Он дал память смертную. Замечай, какая наша временная жизнь: непостоянная, изменчивая и скоропреходящая, невнимательных увлекает к рассеянности, а чтобы приобрести внутренний свой мир, одно средство – непрестанная молитва. Скука и грусть пройдут, потерпи, не унывай, помоги и храни тебя Господь.

Все же Ньюта К. ошибается, что отец Егор не исповедуется. Она верит слухам посторонних; люди как люди, иногда из комара делают слона и видят только немощи, а келейных слез не могут знать, да и не способны проникнуть во внутреннюю жизнь уединенного инокa. Степени духовного преуспеяния разные, и духовное познать может только духов-

ный. Полезнее всего видеть всех хорошими, а себя хуже всех; будешь только следить за собой, тогда именно увидишь себя хуже всех, так я и раньше тебе лично говорил.

Всегда поминаю вас в своих недостойных молитвах, и по вере вашей да будет милость Божия с вами. Храни вас Господь.

Схигумен Иоанн

24.10.1946

Честнейшая о Христе Елена!

[...] Слава и благодарение Богу, что Господь помог тебе быть мирной к Антонине Жавор. Пусть она устраивает свой кружок, помоги ей Господи, только осуждать ее не надо. Книга святого Исаака Сирина очень серьезная, его в точности понять может только тот, кто проходит духовную жизнь. Епископ Феофан даже составил молитву ему, чтобы уразуметь его учение. Если можешь достать книгу святого Кассиана Римлянина – советую прочесть, в особенности его собеседования, ибо ты маленько стала понимать мысли святых отцов. Это хорошо, что иногда говорите о внутренней жизни; что знаешь – можешь объяснить, не бесполезно будет вашему кружку.

У тебя явилось любопытство, какой был голос у Спасителя, но Он был совершенный Бог и совершенный Человек,

кроме греха; надо полагать, что говорил, как человек, только в Его речи не было человеческого искусственного красноречия, но речь Его была исполнена величия, а когда обличал фарисеев, надо полагать, говорил строго.

У нас в монастыре еще не кончился сорокоуст по иноку Симону. Еще есть два покойника: иеромонах Власий скончался первого ноября в шесть тридцать утра, а иеромонах Михаил – второго в одиннадцать часов ночи. Похоронили четвертого числа обоих в одной могиле. Еще есть много кандидатов в вечную жизнь. Отец Власий – шестидесяти восьми лет, а отцу Михаилу – шестьдесят три года. А семьдесят два инока – от семидесяти трех лет до восьмидесяти четырех. Вот какое наше братство! И мне уже семьдесят три года. Тоже жду, думаю, что свечка жизни моей скоро погаснет. Упомянутые иеромонахи скончались мирно, перед самой конечной причастились Святых Христовых Таин. Помяни их, Господи, во Царствии Твоем.

Испрашиваю на вас с мамой Божие благословение.

Храни вас Господи.

Схиасгумен Иоанн

15.11.1946

Честнейшая о Господе Елена!

Письмо твое от 11.11.46 я получил и с любовью сразу же

пишу тебе. По Божией милости я совершенно здоров, и к докторам ходить не надо. Работа меня не затрудняет, хожу на работу после обеда часика на два с половиной – в лес сучки собирать да в кучу класть. Это полезно для тела и для души. Отца игумена положили в Куопио в больницу на исследование болезни. Значительно слабеет, он на год старше меня. [...]

Относительно моего приезда к вам не хлопочи, и хорошо сделаешь, если не будешь вмешиваться в чужие дела, во всяком случае меня не пошлют, скорее, пошлют отца Марка, ибо он свободен.

Вы с Зиной разные, потому и сердце твое не располагаетя к ней. Бог один, а пути к Нему разные, и всяк идет своей дорожкой.

Мариамну благодарю за детскую молитву; детская молитва скоро доходит к Богу. Хорошо я помню ее пение и рассказ о святом батюшке. Черта детей: простота, откровенность и естественность – вот Господь и повелел нам быть такими, такая черта была у всех подвижников [см.: Мф. 18, 2–3. Мк. 10, 15].

Если будешь строго следить за собой, поистине увидишь себя хуже всех, тогда и хвалящий тебя не повредит, ибо люди смотрят только на внешность человека, а внутренне его не знают, исключая духовную жизнь проводящих.

Молитва требует борьбы до часа смертного; хорошо, что стремишься к молитве, помоги тебе Господи, духа не угашай

[см.: 1 Фес. 5, 19].

Заглядываешь ли в книгу преподобного Варсонофия Великого? Там есть всевозможные ответы.

Господь и Царица Небесная да хранят вас с мамой от бед и скорбей.

*Пребываю с любовью во Христе, недостойный ваш
соломитвенник грешный схиигумен Иоанн*

[21.11.1946]

Боголюбивейшие Юлия и Елена! Христос среди нас!

Мой дух соединился с вашим духом, и стали мы как родные. Очень было мне приятно погостить у вас. Иногда вспоминаю, как Юлия утром встает, проветривает комнату, убирает кровать и на маленькой кухоньке топчется, хлопочет, что-то стряпает для Елены, и Леля тоже хлопочет, пол вытирает мокрой тряпкой, а я все еще нежусь в мягкой кровати. И все это представляется мне точно наяву. Ибо воображение и память – одно внутреннее, или подсознательное, чувство; прошлое можно хорошо все представить.

Однако мои года напоминают мне, что свечечка моей жизни уже догорает, скоро погаснет, только маленько подымит, и все исчезнет; мы должны помнить, что эта наша жизнь очень скоротечная и [есть] подготовка к будущей вечной

жизни. Если я с вами здесь не увижусь, верую, в будущей жизни увидимся, ибо мы с вами соединились не телесно, а духовно. Хотя у меня есть знакомые, но между нами чувствуется какой-то холодок.

Посылочки ваши я получил, посланные с монахиней Сергией (Антониной) и с отцом Марком. Пирожки одни других вкуснее, слаще всяких булочных пирожков, ибо улащают расположение и труд. Пожалуйста, впредь ничего не посылайте мне, у нас все есть, живем на всем готовом, а вам там ведь надо все самим приобретать. Помогите вам Господи.

Книжку Макария Великого читай внимательно, ибо он говорит очень глубоко о духовной жизни. Его писание можно назвать контролем духовной жизни. Если будешь копать в своем сердце, тогда увидишь там змия стоголавого; однако не пугайся и не робей, с Божией помощью будешь сокрушать ему головы; от внимательной к себе жизни увидишь себя очень худой и немощной, других не будешь осуждать и увидишь всех хорошими, и на чужие немощи даже не обратишь никакого внимания, и в сердце почувствуешь тишину и мир; по временам будут появляться утешающие слезы.

С монахиней Сергией посылаю вам пакет. Просфорочки потрудись раздать по назначению.

По Божией милости я здоров, теперь обратил внимание на себя, стал наблюдать за животом; я полагаю, что тогда заболел именно от живота – так сказал отец Иероним. [...] Много тоже нельзя обижать этого господина – «живот», от голода

ноги трясутся и слабость является, и этот господин – враг и друг.

Сегодня праздник – вход во храм Пресвятой Богородицы [Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Приснодевы Марии – 21 ноября/4 декабря], служба была торжественная, пели на двух клиросах. Погода хорошая, солнце светит; не стерпеть – пойду гулять. Люблю ходить один, люблю природу, куда ни посмотрю, все меня назидает и утешает: каждое деревце и каждый кустик, а маленькие птички-то с чириканьем летают с дерева на дерево, лапочками повиснут на сучке, что-то клювом берут, и зайчик беленький пробежит и встанет на задние лапки, послушает да поглядит по сторонам и поковыляет вперед. Все это так назидает, просто не удержаться от слез, и во всем виден Божий промысл. Как все прекрасно сотворено, и милостиво обо всем заботится, и ничто у Него не забыто. Птички такие малюсенькие, ножки точно соломинки, а существуют и кормятся в морозное время.

Слава, Господи, Твоей премудрости, слава созданию Твоему! Благодарю Тебя, Господи, что нам, многогрешным, немощным, иногда даешь приходиться в богопознание – это Твоя милость. Мы, грешные, без Твоей помощи не можем созерцать природу и не приобрести ни единой добродетели; наша свободная воля дана Тобою и может только стремиться к добродетели, а приобрести [можем] или устоять в добродетели зависит уж от Твоей помощи. Одного прошу у Тебя,

Господи, имиже веси судьбами спаси нас, грешных.

*Призываю на вас Божие благословение, хромающий на обе
ноги духовно схиигумен Иоанн*

06.12.1946

Валаам

Достопочтимая о Христе Елена!

[...] На твои вопросы хорошо бы лично поговорить, в письме всего не опишешь. Так и должно быть, когда человек следит за собой, тогда другие кажутся ему хорошими, ибо прямое око на всех глядит прямо, а кривое око на всех глядит криво. Приобрела книгу преподобного Кассиана – почитывай; хотя направлена инокам, и мирянам прикладна. Из этой книги помещены в «Добротолюбии», втором томе, умело сделанные выборки. Ты любишь читать Жития святых и почитывай, они очень воодушевляют нас, грешных, у нас читают всегда в трапезе, ежедневно, и я замечаю: у некоторых появляются слезы.

Сельскохозяйственные угодья Валаамского монастыря в Финляндии

Вот и сама замечаешь: что от посещения других и от разговоров после бывает тоска, по возможности, и уклоняйся, ничтоже сумняся, хотя и будут маленько недовольны, ничего, не смущайся этим. Ты боишься темноты, я тоже побаиваюсь, вот насколько мы слабенькие и маловерные в Божий промысл. Когда я шел пешком от монахинь, пять верст пришлось идти лесом в темноте, в одном месте напал такой страх, что по всему телу пошли точно мурашки и уши зашевелились, точно кто-то догоняет меня; обернулся назад, сделал крестное знамение и пошел вперед. Священное Пи-

сание говорит: «Боязнь – не что иное, как лишение могущества рассудка» [страх есть не что иное, как лишение помощи от рассудка (Прем. 17, 11)].

Относительно твоего смущения святые отцы сказали: «Что делается со смущением – всегда от бесов». Приложись ко кресту и к Божией Матери и довольно, будь спокойна, загляни у святого Варсонофия, вопрос четыреста тридцатый и ответ, еще вопрос четыреста тридцать третий и ответ – там можешь сама маленько разобраться¹⁸.

Когда не придется исполнить все свое правило – не смущайся, не будь рабом правилу. Держи правило мытарево: «Боже, милостив буди мне, грешной» и имей память Божию, это заменит все правила. Прочти у святого Исаака на сто тридцать шестой странице, еще в «Невидимой брани» во второй части двадцатую главу¹⁹.

¹⁸ Прпп. Варсануфий и Иоанн. Руководство к духовной жизни.

¹⁹ «Одно из больших препятствий для сохранения внутреннего мира есть, брате мой, связание себя, как непреложным законом, определением прочитывать каждый день столько-то кафизм из Псалтири, столько-то глав из Евангелий и Посланий апостольских. Положившие себе это за правило обыкновенно спешат все прочесть, не заботясь о том, приходит ли сердце в умиление от прочитываемого и в уме порождаются ли какие-либо духовные мысли и созерцания; и когда не придется им всего прочесть, тревожно смущаются и мнутся не о том, что лишились духовных от чтения плодов на созидание внутреннего своего человека, а что не все прочитано. Послушай, что говорит о сем святой Исаак: „Если хочешь насладиться стихословием и постигнуть смысл произносимых тобой словес Духа, отложи в сторону количество и меру стихов, да углубляется же ум твой в изучение словес Духа, пока душа твоя удивлением к Домостроительству не возбудится к высоким их разумениям и чрез это не подвигнется к славословию или

Когда появятся слезы, остановись на них, пока они кончатся. Слезы всегда полезны, не смущайся, знай, что без внимания не заплачешь. Когда ляжешь в кровать, занимайся богомыслием, что помнишь из Писания, важнее из Евангелия. Слезы придут, дай им свободу. [...]

На исповеди не надо стараться, чтобы были слезы, скажи, что есть на совести, и больше ничего. Как видно, Антонина переживает тяжелое состояние, за нее надо молиться, а не сердиться на нее. Да, так хорошо, что не обращаешь внимания на нее и не вмешиваешься, умудри и примири вас Господи.

Святой Исаак Сирин очень высокий писатель о духовной жизни. Он ученой системы не держался, и слог очень тяжелый. Колодец его духовной мудрости очень глубокий, а веревочка нашего разума очень коротка, и мы, грешные, не можем почерпнуть вполне его мудрого учения, довольно с нас и того, что поймем. Прочти двадцать шестое слово, как хорошо он описывает первое ведение²⁰.

Призываю на вас Божие благословение.

С любовью во Христе схизмумен Иоанн

P.S. С большим трудом писал это письмо. Водил пером душеполезной печали. В рабском делании нет мира уму, а смущение обыкновенно отнимает вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли подобно пиявице, высасывающей жизнь из тел с кровью их членов“ (Слово 30, 52)» (Прп. Никодим Святогорец. Невидимая брань. Ч. 2. Гл. 20).

²⁰ Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 26. О первой степени ведения.

по бумаге, точно ломом. Внутри на душе – сухость, а сердце точно камень. В данные моменты требуется терпение и ждать помощи от Бога. Господи, помоги! По прочтении письма и ты, наверное, почувствуешь мое состояние.

21.02.1947

Глубокочтимая о Христе Елена!

Поздравляю вас с мамой со Святой Четыредесятницей; помоги вам Господи провести оную богоугодно и достигнуть Светлого Христова Воскресения. [...]

Вот теперь у тебя есть книга преподобного Варсонофия, заглядывай в нее – она очень назидательная. Вопросы можешь найти в алфавите, что тебя смущает. Посылаю тебе для прочтения небольшую книжицу, в ней изложена система нравственного учения преподобного Исаака Сирского; прочти не торопясь. [...]

Духовная дочь отца Амфилохия мне не пишет. Я и рад этому, мне не хочется знакомиться со многими. А ты пиши мне, когда вздумаешь, с любовью отвечу, насколько могу; мое желание – чтобы ты была истинной христианкой в полном смысле. Курево, конечно, нехорошо, но я более строг к душевным страстям: зависти, злопамятству, высокомерию, лукавству, лицемерию, человекоугодию и сребролюбию, а телесные страсти иногда нас очень смиряют. Горше всего

гордыня, ибо диавол омрачил свою светлость именно гордостью; гордость – изобретение бесовское. Бог даст, когда увидимся, поговорим о душевных страстях.

Стремись, чадо, к смирению и не верь себе, пока не ляжешь в гроб. Не в нашей власти состоит устоять в добродетели, это дело благодати, а благодать хранит именно только за смирение. Лествичник говорит: «Где случилось падение – там предварила гордость». Великое для нас счастье, что мы имеем книги святых отцов, ибо у них подробно говорится о духовной жизни. Конечно, хорошо бы духовную жизнь проводить под руководством духовного наставника, но оскуде преподобные [см.: Пс. 11, 2]²¹, а без наставника очень опасно руководиться только одними книгами; все равно как в аптеке, не учившись искусству медицинскому, вместо полезных лекарств возьмет отравляющее. Однако унывать не надо, в основание положим мытарево смирение, и Господь по Своей благодати поможет нам, грешным, и избавит от напастей на духовном пути. А в немощах будем каяться, ибо все подвижники благочестия держались за смирение и покаяние.

²¹ *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишиася истины от сынов человеческих. [Спаси, Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими] (Пс. 11, 2).*

Великий старец Паисий Величковский тоже тужил, что нет наставников, но он, как опытный в духовной жизни, советовал руководствоваться просто с единомысленными: беседовать и вместе читать святоотеческие книги. Так что ваш кружок очень полезен, ибо тут бывает обмен мыслями. Смущаться не надо, если когда и выйдет разногласие, оно бывает даже и у подвижников: Бог один, а идут к Нему с разных сторон. В таких случаях очень дорог и полезен единомысленный собеседник. Преподобный Серафим сказал: «Если хочешь себя расстроить, поговори с человеком другого устройства», – на опыте так и бывает. Иногда с одним человеком говорить – просто отдыхать, а с другим говорить – делается тяжело; хоть в споре с ним не находишься, [не знаешь], что и сказать ему, думаешь, как бы скорей ушел.

У тебя есть «Добротолюбие», второй том; прочти там преподобного Исихия «Слово о трезвении и молитве». Очень хорошо изложена борьба с помыслами; я часто заглядываю туда, просто не оторвешься, и никогда не надоест читать ее; очень воодушевляет, хотя и не исполняем его советы, все же полезно знать суть духовной жизни²².

Вот сколько написал тебе, хоть не складно, но да ладно. Кончаю писать.

Призываю на вас с мамой и еще Павлой Божие благосло-

²² Прп. Исихий. Душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве. – Добротолюбие: В 5 т. Т. 2.

вение.

Храни вас Господи!

*Пребываю с любовью во Христе, ваш недостойный
смомолитвенник многогрешный схизгумен Иоанн*

02.03.1947

Достопочтимая о Христе Елена! Христос среди нас!

Посылочку твою я получил. Сердечно благодарю за все. Переднички [аналавы] хороши, особенно хорошо лежат на плечах. Кто же это так умело скроил?

Пишешь, что ты неустойчивая, и справедливо. Ты подобна тростинке, ветром колеблемой, – как ветерок новостей подул, то и зашаталась в стороны, а причина-то вот ведь в чем: от рассеянности и невнимания к своей внутренней жизни, и мало располагаешься на волю Божию; похвалили родину – и готова ехать туда. Однако знай, куда бы ты ни поехала, свой внутренний хаос с собой повезешь и там встретишь людей, а не ангелов, а Царствие-то Божие ведь не вне, а внутри нас [см.: Лк. 17, 21].

Если позаботимся о едином на потребу, тогда остальное все приложится, ибо это сказано Самим Господом [см.: Мф. 6, 33].

Сегодня воскресенье (Торжество Православия), неделя

поста уже и прошла, время летит точно на крыльях, коротенькая наша эта земная жизнь в сравнении с будущей, вечной – точно песчинка в море. А что-то мало мы думаем о вечности и плохо готовимся к ней, уж очень оземленились и позабыли думать о едином на потребу. Господи, даждь ми память смертную. [...]

Храни вас Господи!

Многогрешный схигумен Иоанн

29.04.1947

Честнейшая о Христе Елена!

Письмо твое я получил, хотя ты писала в поезде, однако все разобрал. Относительно кружка вашего и Бориса Ивановича умудряйся и старайся, чтобы все было во славу Божию.

Хотя и больно нашему самомнению выслушивать сплетни, но надо терпеливо переносить их и просить помощи у Бога, ибо мы без Божией помощи не можем преуспеть ни в какой добродетели – это я всегда повторяю тебе, ибо это справедливо.

О поездке к нам решай сама, как тебе будет удобнее. Когда бы ты ни приехала, найдем времечко побеседовать на пользу.

Иеросхимонах Ефрем (*второй слева*) на собрании кружка

В книге «На горах Кавказа» пропусти в предисловии с половины одиннадцатой страницы до половины семнадцатой страницы, еще третью и четвертую главу и ответ на рецензию, пункт первый. В указанных местах вкралась ошибка. Враг подзадорил автора, чтобы подорвать доверие в читателях. Читай, не морщась, книга очень назидательная; я частенько в нее заглядываю, ибо видно, что писал не умом, но чувством и вкушал духовные плоды от единого на потребу. [...]

Завтра думаю прогуляться до почтового ящика, понесу твое письмо. Пароход из Куопио к нам нынче не будет хо-

дить, к нам попадать надо уже другим путем. Я постараюсь узнать и сообщить тебе. Кончаю писать. [...]

Сердечно приветствую тебя, чадо, твою маму, Павлу и Марию с Мариамной.

Храни вас Господи!

Схиигумен Иоанн

18.05.1947

Честнейшая о Христе Елена!

[...] На твои тревоги и претыкания с Борисом Ивановичем и прочими скажу так: пока наш душевный кораблик плавает в житейском море, всегда будет подвергаться переменным погодам: то дождь, то вёдро; а иногда сильная буря подымет, того и гляди, что выбросит на луду [подводный камень] или на берег; иначе и быть не может в сей юдоли плачевной [см.: Пс. 83; 7]; только в будущей жизни будет без перемен. Когда мы подвержены страстям – говорю о душевных – самомнению, тщеславию, гневу, лукавству и бесовской гордости, – то под влиянием этих страстей думается нам, что все люди виноваты и нехороши. Однако мы не имеем такой заповеди, чтобы требовать от других любовь и справедливость, а сами обязаны исполнять заповедь о любви и быть справедливыми. Однако не унывай, во время неприятностей углубись в Святое Писание и святых отцов и в молитву, то-

гда опытом почувствуешь мир и тишину в душе своей; своим рассудком, как ни рассуждай, без Божией помощи не можем умиротвориться сами и других умиротворить.

Когда вздумаешь ехать к нам, приезжай на почтовом поезде, он приходит в двенадцать часов дня. Во вторник, четверг и субботу приходит автомобиль за почтой. И на этом автомобиле можно доехать до нашего перекрестка. От перекрестка до монастыря четыре версты придется идти пешком. Напиши мне, когда приедешь, я тебя встречу у перекрестка. [...]

Испрашиваю на вас с мамой Божие благословение.
Храни вас Господи!

Многогрешный схизгумен Иоанн

[1947]

Уважаемая о Христе Елена!

[...] Твои каракули я разбираю, не ты одна так царапаешь, ученые почти все так пишут.

Если Борис Иванович не будет посещать ваш кружок, не смущайся и не скорби, а продолжай свое дело по-прежнему, и Господь поможет тебе. А может быть, и поднадоел ему ваш кружок, если отношение его к тебе хорошее, о прочем будь спокойна.

Также не смущайся вопросами; что знаешь хорошо – от-

вечай, а чего не знаешь – смирись, отложи вопрос до следующего собрания или совсем отклони его, ибо недоуменных вопросов много в каждой науке, а тем более из наук науки – в духовной жизни; объясни им: «Достаточно того, что понимаете, а эти ваши вопросы бесполезны».

Продолжай читать подвижников и упомянутые журналы, еще, если можете достать Поселянина, [его книги] для них будут полезны, а святоотеческие книги они не могут понять: как Шура, Юля и подобные им, они духовно младенцы, таким нужна мягкая духовная пища.

А тебе советую: побольше работай над своими чувствами, если сама себя познаешь, тогда и других будешь видеть правильно и сообразно с их устройством скажешь им. Вообще, старайся говорить без тщеславия, ради Бога, не как учительница, а как сама учащаяся, и не старайся повлиять на них, это сделает Божия благодать, а твое дело – смиренно, в простоте сердца говорить.

В «Невидимую брань» почаще заглядывай, там сама себя увидишь до тонкости, относительно твоего молитвенного правила прочти во второй части в конце двадцатой главы²³, а

²³ «Одно из больших препятствий для сохранения внутреннего мира есть, брате мой, связание себя, как непреложным законом, определением прочитывать каждый день столько-то кафизм из Псалтири, столько-то глав из Евангелий и Посланий апостольских. Положившие себе это за правило обыкновенно спешат все прочесть, не заботясь о том, приходит ли сердце в умиление от прочитываемого и в уме порождаются ли какие-либо духовные мысли и созерцания; и когда не придется им всего прочесть, тревожно смущаются и мнутся не о том, что лишились духовных от чтения плодов на созидание внутреннего своего челове-

то у тебя от твоего правила получается не умиление, а смущение. Больше занимайся внутренней молитвой, как я тебе советовал, хотя и не клеится это у тебя, все же понуждай себя. Евангелие, псалмы и прочие какие каноны или акафисты читай помаленьку, а главное, внимательно.

Умудри тебя Господи.

Сегодня мне нездоровится, на работу не пошел, вот и пишу тебе. Чего найдешь полезного – прими, а бесполезное отринь. Много мне мешали писать своим приходом, прошу тебя, покрой мои недостатки христианской любовью.

Призываю на тебя и твою маму Божие благословение.

Схиигумен Иоанн

Шуре, Юлии и Павле передай мой сердечный привет.

Шура как-то со мной в беседе сказала: «Я не гордая». Ах какая она дурненькая, этого не знает, что гордость – слепая: сама себя не видит, отчего же у нее происходят такие горячие споры? Как она мне говорила, они так спорили с Зинаидой на пароходе, что пришлось их разнимать другим. Гор-

ка, а что не все прочитано. Послушай, что говорит о сем святой Исаак: „Если хочешь насладиться стихословием и постигнуть смысл произносимых тобой словес Духа, отложи в сторону количество и меру стихов, да углубляется же ум твой в изучение словес Духа, пока душа твоя удивлением к Домостроительству не возбудится к высоким их разумениям и чрез это не подвигнется к славословию или душеполезной печали. В рабском делании нет мира уму, а смущение обыкновенно отнимает вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли подобно пиявице, высасывающей жизнь из тел с кровью их членов“ (Слово 30, 52)» (Прп. Никодим Святогорец. Невидимая брань. Ч. 2. Гл. 20).

дость можно узнать по плодам, вот они: гнев, лицемерие, досада, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорство и корень хулы. Если она свободна от этих исчадий гордости – тогда я поверю ей, что она не гордая, и преклоняюсь перед ней как перед истинной христианкой. Но у нее нет плодов смирения, а по плодам гордости пусть познает себя и с Божией помощью кладет начало искоренять плоды гордости, умудри ее Господи.

Позабыл еще: плод гордости – строгий судья других немощей.

Написавши это письмо, самому стыдновато стало: другим советы даю, а сам-то как живу. Ох! Горе мне. Ношу образ благочестия, всегда четочки в руках, а внутри полон нечестия. О! Нерадивый я монах!

Схиигумен Иоанн

P.S. Юродивые своим юродством скрывали свою духовность, и этот подвиг они брали на себя по особенному Божию откровению. Нам он непонятен, а наш плотской ограниченный умишко хочет все понять.

15.07.1947

**Христос посреди нас!
Честнейшая о Христе Елена!**

[...] Был я у отца игумена в больнице в Куопио, лечат его

лучами, пока улучшения нет, через две или три недели каков будет результат.

Ехал на пароходе, во втором классе, сидел в столовой. Интересно мне было наблюдать, как люди живут, вспомнил я слова святого Иоанна Богослова: *Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* [1 Ин.2, 16], – и это оправдывается на каждом шагу, и видно одно только тщеславие и гордыня, и вот в этом водовороте и кружится весь многомятежный мир со своими прелестями. Святой Исаак Сирин сказал так: «Мир – льстец и обманщик, и поймешь только тогда, когда будешь отходить в вечность».

По Божией милости я здоров. Твои письма я все получил, будь спокойна, я припоминаю даже и содержание каждого письма, однако сознаюсь, не храню их.

[...] На всех вас призываю Божие благословение, с любовью во Христе.

Многогрешный схигумен Иоанн

P. S. А тебя, духовное чадо Елена, еще раз от души благодарю за все твои деяния и пожелания. Пиши, буду отвечать, насколько смогу.

Схигумен Иоанн

30.08.1947

Христос посреди нас!

[...] Ты пишешь, что, и в келлии живя, можно больше нагрешить, можно больше миром увлечься и рассеяться. Это справедливо, конечно, примеров много можно привести тех и других. В корне монашество или иночество – уединенник, мир – для мирян, а монастырь – для иноков хорошо, все должно быть на своем месте. В данное время монастырская жизнь потекла по другому руслу. На Старом Валааме схимники жили отдельно и материально ничего не делали, а только выстаивали церковные службы и в келлии молились, кто как умел. Но теперь схима меня не смущает, что я хожу на работы и езжу по городам, а если где-либо по человеческой немощи придется споткнуться, духовный разум не удивляется. Святой Лествичник говорит: «Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути Божия, но стой мужественно; и, без сомнения, ангел, который хранит тебя, почит твое терпение». Это изречение святого отца я привел, чтобы мы не унывали, если пошатнемся в какой-либо добродетели. Дивен Бог во святых Своих. Великое сокровище оставили они нам, грешным, их писание, точно живительный пластырь на раны. По Божией милости я здоров, собираюсь послать вам посылку. Передай сердечный привет своей маме, Павле и Мариамне.

Призываю на вас Божие благословение, с любовью во

Христе.

Схигумен Иоани

16.09.1947

Вторник

**Христос посреди нас!
Честнейшая о Христе Елена!**

[...] Иеромонах Михей мирно скончался в понедельник пятнадцатого в три часа утра, в среду хоронят. Помяни его, Господи, во Царствии Своем. И до нас с тобой, духовное чадо, очередь дойдет, неизбежно. Господи! Помоги нам, грешным, положить начало благое, и имиже веси судьбами спаси нас, грешных. Аминь. Теперь очень мне не свободно, однако собрался написать.

Призываю на вас с мамой Божие благословение.
Храни вас Господи!

Ваш сомолитвенник схигумен Иоани

29.10.1947 [Старый стиль]

Честнейшая о Христе Елена!

Сердечно благодарю за письмо. Слава Богу, летние работы кончились с большим успехом. Погода благоприятствовала.

Теперь братия ходит в лес дрова пилить. Я пока отдыхаю, потом тоже буду ходить на пилку дров, часика на два после обеда, довольно с меня и этого, ибо у меня есть и духовнические обязанности.

Как ты молишься, так и продолжай молиться. Молитва Иисусова и память Божия, что Бог тут все видит и все знает, одинакова с молитвой. К высшему не стремись, как то: к умилению и к слезам – это приходит без нашего ожидания, конечно, по Божией милости; и то хорошо, что есть у тебя стремление к молитве при твоей деятельной жизни: конторское занятие и хозяйственное попечение. Не удивляйся, что не могла рот открыть со знакомой личностью, я тоже испытываю это состояние, даже бывает это и у святых отцов, прочти у святого Кассиана на сто восемьдесят седьмой странице в двадцать третьей главе сверху десятую строчку и ниже²⁴

²⁴ «...Помню, что некоторым, со стенанием и слезами просящим такого наставления, никак не мог преподавать им такое наставление, и у меня не было не только мысли, но и самого слова, так что я не находил, как отпустить их даже и с малым утешением. Из этого ясно видно, что по достоинству и усердию слушающих благодать Господня внушает слово говорящим» (Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.